

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРЫСЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

БРЫСЬ, ИЛИ ОДИН ЗА ВСЕХ, И ВСЕ ЗА ОДНОГО

Ольга Малышкина

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

Международного литературного конкурса
«Новая сказка – 2015»

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БРЫСЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ

БРЫСЬ, ИЛИ ОДИН ЗА ВСЕХ, И ВСЕ ЗА ОДНОГО

Ольга Малышкина

Аквилегия-М

ББК 84(2Рус-Рос) 6

УДК 82-311.3-93

М 20

Малышкина О.В.

М 20 Брысь, или Один за всех, и все за одного:
Приключенческая повесть / Художник О.Кагальнико-
ва. – М: Аквилегия-М; 2016. – 320 с. – Б.ц. – ил.

Что может случиться, если разбить пузырёк из-под валерьянки? Думаете, ничего страшного? Но это только в том случае, если в пузырьке не хранился эликсир перемещений и если его волшебные капли не попали на раскрытую книгу, в которой на каждой странице бушуют страсти, закручиваются интриги и в беспощадных поединках звенят клинки и шпаги. А уж если в момент падения пузырька рядом оказался Брысь со своей дружной командой, то встреча с отважной четвёркой мушкетёров, невероятные приключения и новые знания для любознательных читателей гарантированы...

По мотивам романа Александра Дюма «Три мушкетёра». Читателя ждут новые похождения героев и новый финал. С оригиналом книги связывают лишь несколько отправных моментов сюжета.

Для среднего школьного возраста.

*Серия «Невероятные приключения Брыся
в пространстве и времени»*

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-906819-47-5

© Малышкина О., 2016
© Издательство «Аквилегия-М», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брысь – кот с богатой биографией. Судьба не раз испытывала его, забрасывая в разные исторические эпохи. Он умудрился поджечь Зимний дворец; побывал Котом Его Высочества – будущего императора Александра Второго; стал свидетелем восстания декабристов; едва не погиб, спасая своего хозяина и друга от покушений народовольцев, и даже отыскал таинственно исчезнувшую в годы Великой Отечественной войны Янтарную комнату! Кроме того, Брысь «поработал» эрмиком-мышеловом в Эрмитаже, где получил от сотрудниц музея элегантную кличку Ван Дейк. Среди друзей он слыт в искателем приключений, полиглотом, грамотеем и обладателем изысканных манер.

Савельич – пожилой кот-философ и книгочай из Летнего сада, друг и наставник Брыся.

Рыжий – кот, дворцовый мышелов, приятель Брыся из девятнадцатого века, однажды спасший ему жизнь и волею судьбы очутившийся в нашем времени.

Мартин – крупный пёс неизвестной породы, питомец мальчика Саши, второклассника из города Пушкина (бывшего Царского Села); помогал Брысю в поисках Янтарной комнаты.

События, описанные в книге «Брысь, или Кот Его Высочества», завершились благополучно: Сашина семья взяла под свою опеку не только Брыся, но и его верных друзей, Савельича и Рыжего...

Глава 1

СУДЬБА ЗВОНИТ В ДВЕРЬ

В школу Саша не пошёл – выпросил выходной по случаю обретения новых членов семейства. Пришлось дать родителям клятву учиться только на хорошо и отлично, даже по математике и физре, что означало серьёзную жертву с его стороны. Но мальчик вынужден был это сделать, увидев на мамином лице выражение лёгкой паники, когда утром в их небольшую кухню один за другим вошли все четверо питомцев и деликатно расселились перед пустыми мисками в ожидании еды.

После завтрака взрослые выгуляли Мартина и отправились на работу.

– Постарайтесь никуда не пропадать хотя бы до нашего возвращения! – сказала перед уходом мама Лина, а пapa, Николай Павлович, строго посмотрел на Брыся – главного возмутителя семейного спокойствия.

Рыжему и Савельичу обещание далось легко: бывший мышелов из дворцового подвала разлёгся среди мягких подушек на Сашиной постели, с непривычки чувствуя себя царём зверей, а философ пробежал глазами по книжным полкам и остановился на «Трёх мушкетёрах» Александра Дюма. Этот увлече-

кательный роман Савельич начал читать ещё летом, но продвинулся только на четыре главы, потому что девочка, рядом с которой он устроился на скамейке в Летнем саду, нажала какую-то невидимую кнопочку, и экран в её руках погас.

Зная о любви пожилого кота к чтению, Саша снял с полки приглянувшуюся Савельичу книгу и положил её на ковёр в детской. А потом ещё несколько минут с уважением наблюдал, как его новый питомец с умным видом таращится в текст. Брысь в это время слонялся по квартире и тоже мечтал о книге. Правда, о другой. Называлась она «Нераскрытые тайны мировой истории» и стояла очень высоко, на самой верхней полке стеллажа. Рослый Мартин, на чью помощь рассчитывал искатель приключений, доставать фолиант наотрез отказался. Ещё и пригрозил нажаловаться Савельичу!

Раздосадованный отсутствием приключений, Брысь всю прошедшую ночь нарочито громко вздыхал и переходил с места на место: то к Саше на кровать запрыгнет и вклинился между ним и Рыжим, свернувшись пушистым кренделем под правой рукой мальчика, то вернётся на своё излюбленное место — к Мартину на подстилку, чтобы обиженно пыхтеть в большое собачье ухо и злорадно смотреть, как оно дёргается от его щекотного дыхания. Савельича вот только не удалось

потревожить, потому что философ устроился возле письменного стола, в мягком кресле, рассчитанном на одну персону.

Если бы неугомонный кот мог заглядывать в будущее (совсем чуть-чуть, на каких-то полдня вперёд!), то спал бы без задних лап и набирался сил.

В два часа дня раздался звонок в дверь. На пороге стоял худенький вихрастый мальчик в очках – ровесник Саши, тут же атакованный Мартином. Пёс радостно облизал ему всё лицо, включая круглые стёклышки.

– Привет, Мартин! Здорово, Санёк! Ты чего в школе не был? Заболел? А это кто? Ух ты сколько!

Саша прервал поток вопросов и восклицаний, церемонно представив гостя своим новым питомцам:

– Знакомьтесь, это Вова! Он живёт в соседнем подъезде, а ещё мы вместе учимся и сидим за одной партой.

Сашин одноклассник опустился перед котами на корточки и торжественно пожал каждому лапу, немного задержавшись на Брысе:

– А это тот самый Ван Дейк?

Саша подтвердил:

– Тот самый! А ты чего пришёл?

– Вот, – Вова достал из кармана курточки бутылочку из-под валерьянки, стенки которой обволакивала вязкая тёмная жидкость, – я всё-таки изобрёл эликсир перемещений!

— А почему ты так уверен? — Саша взял из рук приятеля пузырёк и принял недоверчиво разглядывать его содержимое на свет.

— Я испытал на Пафнутии, — печально вздохнул Вова, но уже в следующее мгновение яркие голубые глаза за стёклами очков азартно блеснули: — Он исчез!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Александр Дюма (1802–1870) — французский писатель, драматург и журналист. Поскольку его сын также носил имя Александр и был писателем, для предотвращения путаницы при упоминании этих авторов добавляют уточнение «отец», «сын».

Наибольшую известность Дюма-отцу принесли приключенческие романы «Граф Монте-Кристо», трилогия о мушкетёрах («Три мушкетёра», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя»), трилогия о Генрихе Наваррском («Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять»).

Глава 2 ИЗОБРЕТАЕЛИМИ РОЖДАЮТСЯ

Сколько Вова себя помнил, то есть почти восемь лет, он мечтал стать химиком. То ли фамилия на него так действовала — Менделеев, то ли ещё какие-то неизвестные семье обстоятельства, но мальчику не давал покоя вопрос: «А что получится, если смешать...?».

И он смешивал: в яслях – каши с киселями, например, манную – с малиновым (вкусно!); в младшей группе детского сада – супы с напитками, например, рыбный – с компотом из сухофруктов (гадость!); в старшей группе перешёл к изобретению лекарств, чтобы эффективно и непротивно лечить больное горло.

Снадобья юный химик готовил на основе сладкой микстуры от кашля или фруктовых сиропов, добавляя туда по очереди всё, что находил в холодильнике или на кухонных полках: молоко, сметану, творожки, йогурты и прочую вкуснятину.

Испытывал, как и полагается настоящему учёному, на себе, пока родители не уступили давней просьбе и не подарили ему на семилетие белого крысёнка. Зверёк с оптимизмом смотрел на мир блестящими красными глазками-бусинками и весело крутил цепкими лапками установленное в клетке колесо, не подозревая, что ему уготована завидная участь главного помощника экспериментатора-натуралиста.

Надежды родителей, что живой подарок отвлечёт сынишку от бесконечных опытов, не оправдались. Заручившись молчаливым согласием питомца, наречённого Пафнутием, Вова привлёк его к испытаниям своих изобретений: ложечку – себе, ложечку – крысию.

В наступившем учебном году второклассникам, заметно подросшим за летние

каникулы, предложили самим выбрать, кто с кем хочет сидеть за партой. И как-то так получилось, что все друг дружку быстренько «разобрали» и остался Вова один, без пары. Вернее, в соседи ему достался тихоня Саша, который недавно переехал в их дом на Детско-сельском бульваре, любитель читать книжки на уроках. Первого сентября он в школу не пришёл. Поговаривали, что заболел из-за пропажи кота.

Саша появился лишь спустя две недели после начала учёбы – бледный, даже прозрачный, ко всему безучастный. И к новому соседу отнёсся равнодушно – сразу углубился в историю про какого-то Брыся.

Вове делить-умножать тоже не очень-то хотелось, а «химических» реактивов под рукой не было, поэтому он стал подглядывать в лежавшую у Саши на коленках книгу. Заметив интерес, бледный тихоня подвинулся ближе, а на перемene ребята окончательно подружились.

По дороге домой Вова узнал о необыкновенных приключениях эрмитажного кота. Вот только Саша утаил, что его пропавший питомец и Брысь-Ван Дейк не просто тёзки, а одна и та же кошачья морда. Он стыдился признаться, что эрмик исчез на следующий день после того, как они забрали его из музея.

История путешествий кота во времени вдохновила малолетнего химика на создание

эликсира перемещений, чтобы можно было не зависеть от таких ненадёжных факторов, как испуг или неожиданность. Грандиозными планами он поделился с Сашей, но тот воспринял их скептически. Возможно, ничего не смыслил в химии!

А вот мама сразу заподозрила неладное — по бодро засиявшим конопушкам на курносом носу сына и рыжим вихрам, которые снова торчали в разные стороны, потому что изобретатель без конца их теребил. Это означало глубокие раздумья, и касались они явно не школьных предметов! Повздыхав, мама юного гения перепрятала домашнюю аптечку. Впрочем, Вова не огорчился, так как знал все её тайники.

Целый месяц он пробовал разные комбинации, изводя микстуры и сиропы и честно разделяя риск возможного открытия с Пафнутием. А два дня назад примчался Саша и, едва сдерживая ликование, сообщил, что его пропавший кот каким-то непостижимым образом оказался в Калининграде и папа уехал за ним.

Той же ночью случилось невероятное — после очередного приёма очередной смеси крысюк исчез! Правда, Вова забыл закрыть клетку, но Пафнутий не нашёлся и тогда, когда юный Менделеев облазил всю квартиру. Немного смущал тот факт, что сам изобретатель никуда не дёлся, но, возможно,

причина крылась в принятой дозе или каких-то неизученных особенностях человеческого организма... Как бы то ни было, открытие века состоялось, а сладкий волшебный эликсир бултыкался в пузырьке из-под валерьянки.

Вова еле высидел пять уроков, особенно невыносимых из-за отсутствия Саши, и после школы кинулся к другу домой – делиться радостью. Хотя Пафнутия, конечно, жаль...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ:

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – великий русский учёный: химик, физик, метролог, экономист, технолог, метеоролог, а также педагог, воздухоплаватель, приборостроитель. Профессор Санкт-Петербургского университета; член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

Открыл периодический закон химических элементов, один из фундаментальных законов мироздания.

Глава 3 ЭЛИКСИР

Словосочетание «эликсир перемещений» прозвучало дивной музыкой для путешественника во времени и грозным предупреждением его товарищам, особенно после сообщения об исчезновении некоего Пафнутия.

— Испытайте на мне! — Брысь вился вокруг мальчиков, выразительно заглядывая им в глаза. — Я готов пожертвовать собой ради науки!

— Врёшь ты всё! Наука тебя не интересует! Просто ты не можешь ни дня посидеть спокойно! — корил его Савельич.

Рыжий испуганно таращил жёлто-зелёные «блюдца», переживая, что только что наладившаяся жизнь опять разладится из-за маленького пузырька, от которого, кстати, вкусно пахло.

Мартину ситуация тоже не нравилась. Следовало что-то предпринять, пока этот серо-белый не натворил очередных бед. А потому, на правах самого долговязого среди столпившихся в прихожей, он решил действовать на своё усмотрение: выхватил из рук Саши зловредный эликсир и бросился по коридору, лихорадочно соображая, куда бы спрятать бутылочку.

Изобретатель волшебной жидкости тоненько пискнул от неожиданности, а Брысь вообще лишился дара речи от неслыханной собачьей наглости и кинулся в погоню.

Вора он настиг в детской и сразу вцепился ему в отвислые щёки.

— Отдай пузырёк! По-хорошему прошу!

Мартин, проткнутый когтями-иголками одновременно в десяти местах, не согласился ни по одному пункту: ни с тем, чтобы отдать, ни с тем, что его просят по-хорошему.

Он вертелся в тесной комнате, тщетно пытаясь сбросить вонзившегося в него Брыся, а в дверях, перекрыв выход, столпилось голосящее на все лады общество.

Крики ещё больше раззадорили обиженного искателя приключений, а потому к когтям он добавил зубы. От боли Мартин лишь сильнее сжал челюсти, и в пасти что-то хрустнуло. Испугавшись, пёс выплюнул пузырёк – оказалось, что мощными клыками он раскрошил пластмассовую крышечку. Склянка упала на лежавший на полу раскрытый роман Дюма, и по страницам тут же расползлось густое маслянистое пятно, источающее аромат валерьянки.

С мыслью «Не пропадать же добру!» все три кота ринулись слизывать лакомство, а Мартин, устыдившись, что испортил ещё одну книжку, промокнул пятно длинным языком.

Мальчики замерли от ужаса, но ничего страшного не произошло, если не считать кровоточащих ран на собачьей морде. Саша убежал за перекисью водорода, которой мама всегда промывала ему ссадины, а Вова попытался спасти оставшийся на дне пузырька эликсир.

Вернувшись с лекарством и бинтами, Саша застал мирную картину: оба участника сражения, а также Рыжий и Савельич крепко спали, свернувшись разноцветными клубками.

— Странно, я думал, валерьянка действует на котов совсем по-другому! — шёпотом обратился он к приятелю.

— Да, только от валерьянки в эликсире лишь сам пузырёк! — отозвался изобретатель, тоже удивлённый результатом.

— Ладно, пойдём пить чай, у нас торт после вчерашнего остался! Хорошо, что твоя волшебная жидкость на самом деле никакой не перемещатель, а Пафнутий прячется где-нибудь в укромном углу, потому что ему надоело быть подопытной крысой.

Опечаленный очередной научной неудачей, Вова поплёлся за своим другом на кухню и, усевшись за стол, принял уныло ковырять ложкой бисквит.

— Интересно, сколько они проспят? Хорошо бы до маминого прихода очухались, а то вопросов не оберёшься. Ещё и книжку испачкали! — переживал Саша, прислушиваясь к воцарившейся в квартире тишине.

Юный химик засобирался домой — искать Пафнутия. Пожелав приятелю удачи в дальнейших исследованиях, Саша проводил его и вернулся в комнату. Она была пуста... Лишь на том месте, где недавно спал Брысь, лежала потрёпанная временем золотистая верёвочка, сплетённая руками немецкой принцессы Марии. Кожаный ошейник Мартина с номером маминого телефона валялся рядом...

Глава 4

ПЕРЕМЕСТИЛИСЬ!

Брысь сладко зевнул, широко разинув розовую пасть и обнажив острые белоснежные зубы. «Надо же, не помню, как уснул!» — удивлённо подумал он. Обычно отход ко сну предваряло долгое и тщательное вылизывание, а потому процесс всегда сохранялся в памяти. Любитель экспериментов выгнул серую спинку, потягиваясь и стряхивая остатки дрёмы, чтобы собраться с мыслями и проанализировать весьма необычные факты в виде нависших со всех сторон огромных лопухов. Их широкие округлые листья преграждали путь солнечным лучам.

— Только не говори, что ты мне не снишься! — раздался прямо над ухом встревоженный голос Савельича.

Философ, озираясь, крутил чёрной головой, а в его изумрудных глазах застыло нечто похожее на страх.

— Разберёмся! — утешил Брысь, чувствуя, что накликал-таки приключения, и пока не зная, радоваться этому или огорчаться.

— Никак не пойму, что происходит. — Из-за соседнего лопуха показалась лохматая рыжая физиономия.

— Ну, если мы друг другу не снимся, то, значит, Вова — гений и великий изобретатель! —

подытожил случившееся бывалый путешественник по историческим эпохам.

— Ага! А мы подопытные животные! — негодовал Савельич, раздосадованный больше всего тем, что рухнули планы дочитать роман о мушкетёрах, лёжа на тёплом ковре, в тишине и спокойствии. Ещё и матч пропустит, где любимый «Зенит» должен встретиться с московским «Динамо»!

— Ну, справедливости ради надо признаться, что мы сами бросились слизывать эликсир с книжки, — миролюбиво заметил Брысь.

— Да?! А зачем он добавил туда валерьянку?! Покажи мне кота, который бы устоял! — продолжал кипятиться философ.

— Видимо, это часть рецепта перемещателя, — вступил Брысь за юного химика.

— Ты хочешь сказать, что мы переместились?! — голос Рыжего предательски дрогнул — он только начал привыкать к мягким подушкам и собственной собаке.

— Вне всякого сомнения! Осталось выяснить куда, — бодро заявил неунывающий исследатель приключений.

— Тише! — вдруг перешёл на шёпот Савельич. — Что-то пыхтит...

Коты замерли, прислушиваясь к странным звукам. Брысю они показались знакомыми, и он смело двинулся в соседние заросли. Более осторожные приятели крались следом.

Протиснувшись сквозь толстые стебли, любитель острых ощущений исчез в тёмной бархатистой зелени и вскоре весело крикнул оттуда:

— Идите полюбуйтесь!

На небольшой поляне, развалившись на спине, лежал... Мартин. Во сне он громко пыхтел, причмокивал, похрапывал, поскучливал и сучил толстыми лапами. Его морду «украшали» следы недавней битвы.

Обрадованный встречей, Рыжий запрыгнул на широкую, вздымающуюся от мерного дыхания грудь, и принялся тереться пушистыми щеками о большой чёрный нос.

Мартин чихнул и открыл глаза — над ним склонился самый страшный собачий кошмар, даже три. Впрочем, как только спала последняя дремотная пелена, кошмар трансформировался в знакомых котов, вверенных его попечению Сашиными родителями.

— Ну что, лопух, ты попал! — не скрывая лёгкого злорадства, поприветствовал Брысь ещё одну жертву эликсира.

— Куда попал? — растерянно пробормотал пёс.

— Пока неизвестно! — мрачно отозвался Савельич.

Рыжий с появлением Мартина повеселел — тёмное будущее стало заметно светлее...

— А почему так жарко? — продолжал недоумевать гигант.

— Потому что лето! — терпеливо пояснил Брысь. — Ладно, пора разведать обстановку! Стой ровно!

Мартин не успел удивиться странному приказу, а главный любитель приключений уже вспрыгнул ему на спину и огляделся, балансируя на задних лапах, чтобы оказаться выше рослых лопухов...

Глава 5

ДОГАДКА САВЕЛЬИЧА

Пустырь, на который «переместились» жертвы эликсира, вплотную подходил к старинным стенам, похожим на крепостные. По замшелым камням карабкался сочно-зелёный плющ, а сквозь полуразрушенную арку виднелось несколько длинных зданий. Над дальним возвышалась колокольня с большим крестом на засиженном голубями куполе. Пустые глазницы окон-амбразур и заросли крапивы красноречиво говорили о заброшенности.

С другой стороны виднелась городская улица с невысокими, в основном двухэтажными домами из светлого песчаника, стоящими вплотную друг к другу. Некоторые фасады украшал орнамент из тёмных балок, а островерхие железные крыши были утыканы башenkами, дымоходами и круглыми слухо-

выми оконцами. Прохожих не наблюдалось — видимо, жители прятались от полуденного зноя за деревянными ставнями.

До выяснения прочих обстоятельств Брысь предложил обосноваться в одном из пустующих строений. Мартин возглавил шествие, прокладывая тропинку сквозь сомкнутые ряды лопухов, а коты трусили позади.

Компания вошла в квадратный двор, выложенный крупным булыжником. В центре раскинул ветви старый каштан, в уютной тени которого друзья укрылись от беспощадного солнца — оно словно приклеилось к зениту и норовило обжечь каждого, кто осмеливался высунуть нос на улицу.

Вскоре выяснилось, что местность всё-таки обитаема: двери одного из «подъездов» неожиданно распахнулись (при этом тоненько звякнул колокольчик над входом), и оттуда вышла пожилая женщина в коричневом балахоне с капюшоном и почему-то босиком. Выплеснув прямо с крыльца грязную воду из старого, местами проржавевшего ведра, женщина удалилась обратно, и двор снова стал казаться вымершим.

В направлении города вела дорога, по которой шёл человек в голубом камзоле. Его голову покрывала широкополая шляпа небесного оттенка, украшенная белым страусовым пером, на плечи ниспадали чёрные локоны. С атласной перевязи свисала шпага.

При каждом шаге она колотилась о высокие ботфорты, и мужчина, на вид не старше тридцати, придерживал её за эфес. Периодически его красивое благородное лицо искальзала грифаса боли, и тогда он останавливался и хватался за правое плечо.

— Почему он так странно одет? — нарушил напряжённое молчание Рыжий.

— Потому что здесь такая мода! — ответил опытный путешественник во времени.

— Кстати, о моде, ты потерял свой плетёный ошейник! — подметил пушистый приятель.

Брысь в ужасе прижал обе лапы к шее — он так дорожил подарком немецкой принцессы Марии, жены его хозяина и друга, царевича Александра!

Кожаный ремешок Мартина тоже отсутствовал. Но если отличительный знак бывшего Кота Его Высочества основательно истрепался в приключениях, а потому мог порваться и незаметно упасть в густую траву, то собачий ошейник был новым, крепким и застёгивался.

— Наверное, эликсир действует только на живую материю! — сделал научный вывод философ и после короткой паузы, заполненной горестными вздохами Брыся, задумчиво добавил: — Кажется, я знаю, куда мы попали!

— Куда? — хором воскликнули жертвы химического эксперимента.

— Подождём немного. Если моя догадка верна, то скоро сюда придут ещё Люди.

Человек в камзоле, не сдержав стона, опустился на траву под каштаном. Расположившихся неподалёку хвостатых путешественников он не заметил, сосредоточенный на плече — источнике сильной боли.

Где-то вдалеке раздался бой курантов. Пёс и коты переглянулись: странные эти Люди — ведь и так всегда понятно, сколько времени. Сейчас, например, полдень.

С двенадцатым ударом часов в арку вошёл юноша. Одет он был просто, если не сказать бедно: шерстяная курточка непонятного цвета из-за частых стирок, потёртые штаны, выцветший берет с облезлым пером. Однако на старой, видимо, доставшейся по наследству кожаной портупее болталась длинная шпага, а карие глаза на смуглом лице смотрели с дерзким вызовом, не оставляя сомнений, что молодой человек готов постоять за себя.

Он подошёл к сидевшему в тени мужчине и, сняв головной убор, отвесил низкий поклон, после чего заговорил.

— Что за странный язык? — удивился Мартин.

Савельич и Рыжий уже слышали эту приятную картавость и прононс из уст многочисленных туристов в Петербурге и даже знали, что называется этот язык «французский». Три пары разноцветных глаз вперились в Брыся,

но полиглот, увлечённый содержанием беседы, не заметил замешательства друзей. Пришлось дёрнуть его за полосатый хвост.

— Давай переводи! Не будь эгоистом! — сердито потребовал Савельич.

Янтарные глаза искателя приключений загадочно блеснули.

— Мы в Париже! Те двое собираются драться на дуэли. Тот, что постарше, ранен в плечо, и юноша предлагает ему подлечиться и перенести поединок на другой день. Даже отдал ему лечебную мазь, которую получил от своей матушки, а та, в свою очередь, узнала рецепт от цыганки. Молодой — первый день в городе, мечтал стать мушкетёром, но теперь счастлив, что умрёт от руки мушкетёра, да ещё такого прославленного, как...

— Атос! — перебил Савельич. — Поздравляю, мы в романе Дюма-отца!

Глава 6

МНЕНИЯ РАЗДЕЛИЛИСЬ

— **Р**азве такое возможно?! — поразились даже путешественники во времени Брысь и Рыжий.

Мартин переводил непонимающий взгляд с одного кота на другого, стесняясь спросить, далеко ли Париж от его родного города Пуш-

кина и неужели отец Савельича был писателем. Хотя последнее объяснило бы любовь чёрного кота к книжкам.

— Думаю, о таких последствиях эксперимента изобретатель и не мечтал! — обречённо вздохнул философ. — Времена здесь неспокойные: 1625-й год — мушкетёры короля Людовика XIII враждуют с гвардейцами кардинала Ришелье, и каждый день в их стычках льётся кровь, так что нам лучше держаться подальше.

— А почему собираются драться эти двое? — искатель приключений быстро пришёл в себя от потрясающей новости и теперь интересовался деталями, а последнее замечание вообще пропустил мимо ушей.

— Юношу зовут Д'Артаньян. Он главный герой романа, которого я, к сожалению, не дочитал, — Савельич выразительно посмотрел на Брыся, словно тот был виновником всего произошедшего. — Знаю только, что он родом с юга Франции, из провинции Гасконь, а его отец когда-то дружил с капитаном королевских мушкетёров де Тревилем, тоже гасконцем. А эта дуэль — досадная и нелепая случайность.

По дороге в Париж молодой человек остановился в городке Менг. Там у него случиласьссора с неким господином в фиолетовом камзоле и со шрамом на виске, после чего Д'Артаньян обнаружил пропажу рекомендательного письма — единственной ценной вещи,

которая могла бы ему помочь вступить в ряды мушкетёров.

— Неужели его украл «фиолетовый»?! — с негодованием воскликнул Брысь, поборник честности и справедливости.

— Без зазрения совести! Этот господин, по имени граф Рошфор, что-то замышляет. В Менге он встретился с дамой по прозвищу Миледи, прекрасной шпионкой кардинала, и передал ей ларец с какими-то инструкциями.

При слове «шпионка» сердце бывшего «секретного агента» сладко защемило. Жизнь в романе обещала новые увлекательные приключения, и он не собирался «держаться по-дальше»!

Савельич с подозрением покосился на радостный огонёк, вспыхнувший в глазах приятеля, и продолжал:

— Во время аудиенции у де Тревиля Д'Артаньян показалось, что он увидел в окне своего обидчика, и юноша бросился вдогонку.

— Молодец! — одобрительно воскликнул Мартин. Погони он любил.

— По пути Д'Артаньян случайно, но больно толкнул Атоса в раненое плечо. Потом запутался в бархатном плаще Портоса и увидел то, чего никому не полагалось видеть, а именно, что красивая перевязь для шпаги, которой мушкетёр хвастался перед товарищами, была таковой лишь спереди, а сзади — из дешёвой бычьей кожи! И в довершение всего он поста-

вил в неловкое положение Арамиса, прилюдно подав ему кружевной платок с инициалами некой дамы, оброненный мушкетёром. В итоге все трое друзей вызвали невежу на дуэль. Место, где мы находимся, — монастырь босоногих кармелиток. Здесь обычно безлюдно, а потому драчуны приходят сюда выяснить отношения.

Философ обвёл серьёзным взглядом свою небольшую аудиторию и с удовлетворением отметил, что перед друзьями выступать намного приятнее, чем перед глупыми утками у пруда в Летнем саду. У приятелей все возникающие по ходу рассказа вопросы тут же отражались в разноцветных глазах, а толстые водоплавающие просто разевали клювы, и приходилось гадать: то ли от удивления, то ли от скуки, то ли от полного невежества.

Сейчас не наблюдалось ни первого, ни второго, а вот третьего было в избытке, что Савельича в глубине души очень радовало, поскольку давало возможность блеснуть познаниями:

— Кармелиты — монашеский орден, который появился ещё в середине двенадцатого века в монастыре на горе Кармель, что в Израиле. Они проповедуют нищенский образ жизни, поэтому здесь такое запустение.

— Но если мы в романе, то всё происходит понарошку, ведь так? — с надеждой спросил Рыжий.

— Увы! — вздохнул философ. — В предисловии к книге говорилось, будто писатель не выдумал своих героев, а взял их истории из жизни реально существовавших людей.

В это время в арке показалась богатырская фигура в коричневом камзоле и алом плаще.

— Вот и Портос! — завершил разъяснения Савельич.

Глаза Рыжего опять достигли размеров чайных блюдцец — всё гигантское приводило лохматого эрмика в неописуемый восторг. К тому же вошедший смотрелся настоящим франтом: на шляпе красовалось не одно — целых три роскошных пера, шпага висела на перевязи из красного атласа, длинные русые волосы завивались аккуратными локонами, а небольшая бородка клинышком и усы были хоть и такие же по форме, как у Атоса, но гораздо пышнее.

Следом за могучим мушкетёром во дворе появился элегантный молодой человек, одетый во всё лиловое, с тёмными волосами до плеч, румяными щеками и полоской чёрных усиков, строго параллельно верхней губе. Было видно, что он тщательно следит за их формой.

Все четверо принялись о чём-то оживлённо спорить, и Брысю снова пришлось взять на себя роль переводчика.

— Портос и Арамис — секунданты Атоса — недовольны, что до них может не дойти оче-

редь скрестить шпаги с Д'Артаньяном. Юноша принёс им за это извинения.

Брысю всё больше нравился смуглый гасконец. Возможно, потому, что находился в том возрасте, что и цесаревич Александр, когда путешественник во времени впервые его увидел, но, скорее всего, из-за характера – благородного, горячего, смелого и немножко хитрого. Будет жаль, если его сейчас укокошат! Ведь Савельич роман не дочитал – вдруг это трагедия? Может, вмешаться, пока не поздно?

Мартин тоже переживал. Прямодушный пёс считал нечестным, что молодой и вёрткий гасконец сразится с бледным от боли Атосом, а потому намеревался положить конец вопиющей несправедливости.

И только Рыжий с Савельичем с нетерпением ждали дуэли: первый был уверен, что гигант в алом плаще всех победит, а второй хотел узнать продолжение романа...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ:

Людовик XIII, Справедливый (1601–1643) – король Франции с 1610 г., представитель династии Бурбонов, сын Генриха IV и Марии Медичи, отец Людовика XIV (Короля-Солнца).

Королевские мушкетёры – элитная воинская часть, личная охрана французских королей в 1622–1775 гг. Были созданы как вид ездящей пехоты, но со временем превратились в чистых кавалеристов – конных стрелков.

Отличительным знаком мушкетёров был короткий лазоревый плащ «а-ля казак» с серебряными галунами и нашитыми на него спереди, сзади и на боковых лопастях белыми крестами. Крест был бархатный, с золотыми королевскими лилиями на концах и алым трилистником на перекрестье. Мушкетёрам полагались белые либо серые в яблоках кони, отчего они получили прозвание «серых мушкетёров». Мушкетёры военного дома короля причислялись к «гвардии вне Лувра», то есть к внешней охране его величества. Они должны были сопровождать короля в его выходах и прогулках, передвигаясь верхом, по двое, впереди прочей охраны; также они сопровождали короля во всех военных кампаниях, где он принимал участие.

Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, по прозвищу «Красный герцог» (1585–1642) – кардинал Римско-католической церкви, государственный деятель Франции; государственный секретарь с 1616 г., главный министр короля Людовика XIII и глава правительства с 1624 г. до своей смерти.

Гвардейцы кардинала – боевое соединение, появившееся в 1626 г. В романе «Три мушкетёра» Александр Дюма немного ошибся, «поместив» первые стычки мушкетёров с гвардейцами в 1625 год, когда гвардейцев кардинала как воинского соединения ещё не существовало. Главной функцией гвардейцев была охрана жизни кардинала. Поскольку кардинал был требователен к своим людям, дисциплина у гвардейцев была железной. Туда, как и в мушкетёры короля, отбирали только лучших. Сначала их было 50, потом это количество увеличилось до 150. Умирая, Ришелье передал эту роту королю. Так впоследствии была сформирована вторая рота королевских (чёрных) мушкетёров. Между мушкетёрами короля и гвардейцами кардинала нередко происходили стычки и дуэли. Король и кардинал вслух брали за это своих людей, но втайне поощряли их соперничество.

Кармелиты (орден братии Пресвятой Девы) – монашеский орден, основанный Бертолдом Калабрийским на горе Кармиле в 1156 г. В 1224 г. утверждён Папой Римским, в 1240-м переведён в Европу и преобразован в нищен-

ствующий орден. Кармелитки – орден во Франции, основан в 1452 г., занимаются обучением детей.

Шпионка кардинала в романе Дюма всегда упоминается со строчной буквы («миледи»), но поскольку хвостатые герои думают, что это прозвище, то в этой книге она – Миледи. История её жизни почти полностью выдумана автором, так как у Дюма имеются лишь разрозненные и очень скульные сведения о прошлом этого персонажа.

Глава 7

СХВАТКА С ГВАРДЕЙЦАМИ КАРДИНАЛА

Не успели Д'Артаньян и Атос обнажить шпаги, как в монастырский двор вошли пятеро солдат. Поверх камзолов на них красовались алые накидки с вышитыми жёлтыми крестами.

– Гвардейцы кардинала! – не удержался от восклицания Савельич.

Между мушкетёрами и людьми Ришелье завязалась словесная перепалка.

– Их главный, Атос назвал его де Жюссаком, напомнил о каком-то эдикте, за несоблюдение которого можно угодить в тюрьму, – кратко изложил Брысь суть происходящего.

– Эдикт короля о запрете дуэлей! – пояснил эрудированный философ.

– Что же теперь будет? Их всех арестуют? – огорчился Рыжий.

- Да нет! Кажется, затевается драка! – весело сообщил «переводчик», довольный, что перед лицом опасности мушкетёры помирились с Д'Артаньяном и собрались дать отпор неприятелю, превосходящему их количеством. Это говорило о несомненной храбости.

Брысь, не понаслышке знакомый с придворным церемониалом, пусть русским и девятнадцатого века, по достоинству оценил элегантную фразу, сказанную Арамисом перед началом потасовки: «Мы имеем честь атаковать вас!». При этом молодой человек так изящно приподнял шляпу, качнув пером, что у путешественника во времени дух захватило от зависти.

Эх, жаль котам не положено таких! Брысь живо представил себе поединок с каким-нибудь уличным бродягой за право охотиться на спорной территории – он щегольским жестом снимает белую широкополую шляпу с синим, нет, лучше зелёным пером, торжественно заявляет: «Я имею честь атаковать вас!» – и лишь после этого вцепляется наглецу в морду.

Замечтавшийся пришелец из будущего не заметил, как накалившиеся страсти достигли точки кипения и противники яростно бросились друг на друга. Очнулся от звуна металла – клинки скрещивались с быстротой молний, высекая искры, а участники битвы носились по двору, норовя проткнуть оппонента насеквоздь.

Невольные свидетели стычки сначала остолбенели – так бурно завертелись события, но потом не выдержали и, не сговариваясь, присоединились к кутерьме, решив на деле показать Людям превосходство когтей и зубов над шпагами.

Выступили они, разумеется, на стороне понравившихся им мушкетёров: благородный Мартин бросился на гвардейца, которому противостоял раненый Атос, и повалил того на землю; Рыжий повис на кружевном воротнике одного из противников Портоса; Савельич вонзил острые клыки в ногу соперника Арамиса, прямо над отворотами высоких сапог, а Брысь кинулся на спину сражавшегося с молодым гасконцем де Жюссака, проткнув когтями и красную накидку, и камзол.

Неожиданное вмешательство быстро положило конец потасовке. Искусанные и исцарапанные, гвардейцы с проклятиями ретировались, кроме одного, насмерть заколотого Арамисом. Мушкетёры поразились исходу драки не меньше пострадавших солдат кардинала и теперь с удивлением взирали на троих разномастных котов и огромного пса, скромно отступивших в тень каштана.

Первым опомнился Атос, которому помочь пришлась весьма кстати, учитывая ранения. Он шагнул к Мартину со словами благодарности. Не владеющий иностранными языками пёс немного поколебался

в смущении, но всё же подал в ответ толстую лапу с мощными чёрными когтями...

Мушкетёры и Д'Артаньян долго наглаживали и нахваливали хвостатых ангелов-хранителей, смакуя невероятные подробности сражения, после чего солдаты короля отошли в сторонку и стали о чём-то совещаться. Брысь заметил, как Атос прижал два пальца правой руки, указательный и средний, к запястью левой, а Портос и Арамис повторили загадочный жест.

— Что бы это значило? — обратился он к Савельичу, но в изумрудных глазах философа читалось недоумение.

Затем мушкетёры подозвали Д'Артаньяна, и юноша, бледный от волнения, направился к ним.

— Неужели всё-таки будут драться?! — то ли восхищённо, то ли огорчённо воскликнул Рыжий.

— Не может быть! — возмутился Мартин и оказался прав: вместо острых шпаг молодого гасконца встретили три протянутые руки, и Д'Артаньян горячо пожал их.

— Один за всех! — воскликнул благородный Атос, а друзья хором отзвались:

— И все за одного!

Брысь, заворожённый новой великолепной фразой, не чувствовал тычков Рыжего, которому не терпелось узнать, о чём говорят герои романа.

— Ну это же очевидно! Все помирились и теперь друг за друга усы пооткусывают! — нетерпеливо отмахнулся Брысь от приятеля, стараясь не пропустить ещё какие-нибудь мудрые и благозвучные выражения, чтобы при случае козырять ими.

Закончив ритуал посвящения новенького в свой избранный круг, мушкетёры повернулись к нежданным помощникам.

— Вы не находите странным, что их ровно столько, сколько и нас? — задумчиво произнёс Арамис.

— И так вовремя появились! Ведь мы были вчетвером против пятерых, к тому же один из нас ранен, а другой совсем юнец! Неизвестно, чем бы всё обернулось! — добавил Атос.

— Я предлагаю забрать их с собой! — решительно предложил Портос.

— Согласен! Чур, мне серо-белого кота! — весело подхватил Д'Артаньян. — Мы сражались плечом к плечу!

— Ну, а мне тогда рыжего пушистого вояку! Здорово он с воротником разобрался! Понимает толк в кружевах! — добродушно засмеялся модник Портос.

Савельич сам подошёл к Арамису и потёрся о ботфорты. Из первых глав романа он знал, что молодой человек изучает богословие, а значит, у него должна быть домашняя библиотека.

Атос ласково погладил Мартина по крупной голове:

— Ещё раз спасибо! Приглашаю проследовать в мой дом!

Смысл сказанного дошёл и без перевода...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

С начала XVII века указы, запрещающие дуэли, издавались во Франции не раз. Но запреты оказались малодейственны. Дуэль веками была не только способом защиты чести и достоинства дворян, иногда под звоном шпаг скрывались экономические и политические интересы. Первый министр Франции герцог Ришелье составил новый документ, запрещающий дуэли. Благодаря энергичным действиям кардинала, эдикт, подписанный Людовиком XIII 6 февраля 1626 г., оказался результативным. Убеждая короля, что поединки дворян обескровливают государство и лишают армию лучших её солдат, Ришелье преследовал цель укротить вольность французской аристократии. Людовик XIII, подписав эдикт, заявил, что наказанию подвергнутся и вызвавшие, и вызванные на дуэль. Они будут лишены всех своих должностей, пенсий и прочих милостей короля.

Глава 8 ПО ДОМАМ!

Довольные бесславным бегством гвардейцев кардинала, мушкетёры и молодой гасконец, горланя песни, двинулись в сторону Люксембургского дворца, вблизи которого проживали.

Четверо пришельцев из реального мира важно вышагивали следом, гордясь своим

вкладом в исход сражения и с удивлением разглядывая непривычно узкую, без единой травинки улицу, целиком выложенную камнем. Тротуары отсутствовали, и многочисленная компания заняла всю проезжую часть, так что следовало быть внимательными, чтобы не «влапаться» в лошадиные «подарочки»! К тому же там и тут на пути попадались помойные лужи — источник неприятного запаха, появившегося в воздухе, едва пустырь остался позади.

— Давайте каждый вечер встречаться в монастыре под каштаном и делиться новостями! — предложил Брысь, больше всех уверенный в будущем, так как прилежный «ученик» царевича Александра в совершенстве владел французским. Правда, молодой гасконец говорил с сильным акцентом, да и мушкетёры использовали в речи непонятные слова и старинные обороты, но полиглот надеялся, что не потратит много времени на освоение языковых нюансов.

Приятели закивали, полагаясь и на собственные таланты. А на самые крайние случаи у них имелся опытный переводчик.

Возле одного из домов на Rue Ferou (как гласила единственная медная табличка и что следовало понимать как «улица Феру») мушкетёры остановились. Оказалось, что именно здесь снимает жильё Атос. Всей толпой они ввалились в квартиру, состоящую из двух

небольших комнат, несколько мрачноватых из-за тёмных стен и громоздкой, непрятательной на вид мебели, словно хозяин скромных апартаментов не нуждался в уюте и приходил домой, чтобы спать и снова отправиться на службу.

— Гримо! — громогласно позвал слугу Атос. — Налей-ка нам чего-нибудь выпить и принимай нового жильца!

Худощавый молодой человек с гладко выбритой головой молча поклонился и поставил на стол простой керамический кувшин, до краёв наполненный красным вином, и такие же бокалы.

Атос поманил Мартина:

— Вот! Познакомься с Гримо! Он будет за тобой ухаживать. А ты, бездельник, смотри, чтобы пёс всегда был напоен и накормлен, иначе голову откручу! — эти грозные слова относились уже к слуге, смиренно потупившему взор.

На самом деле Гримо беззаботно любил своего хозяина и выполнял его поручения с радостью и завидной быстротой. Вот только Атос не отличался разговорчивостью, а потому распоряжения часто отдавал лишь взглядом. Гримо периодически делал что-нибудь не так и получал взбучку. Хвала небесам, сейчас приказ прозвучал чётко, и верный слуга кинулся искать подходящую для могучего пса подстилку и миски.

Пока Люди отдыхали, снова и снова обсуждая необычные обстоятельства стычки с гвардейцами кардинала, Мартин и коты исследовали жилище мушкетёра. На стене комнаты, играющей роль одновременно гостиной и столовой, друзья увидели портрет знатного вельможи. Правильные, строгие черты лица не оставляли сомнений, что перед ними родственник благородного Атоса. О том же свидетельствовала и шпага нарисованного дворянина, оригинал которой висел рядом с картиной. Драгоценные камни на эфесе стоили немалых денег – уж в этом бывший Кот Его Высочества прекрасно разбирался.

На выступе массивного камина возвышался серебряный ларец тонкой ювелирной работы. Любопытный Брысь тут же запрыгнул наверх и сообщил приятелям, что на крышке сундука красуется герб с изображением меча, щита и короны. Всё вместе взятое говорило о древности и аристократичности рода храбреца-мушкетёра.

Пытливый Савельич не удержался и проверил, чем обиты коричневые, с золотистым орнаментом стены. Выяснилось, плотным шёлком. Мартин придирчиво осмотрел «место проверки» на предмет следов от когтей – он уже чувствовал ответственность за имущество нового, но, как надеялся преданный пёс, временного хозяина. Обнаружив несколько

крохотных дырочек, он одарил философа укоризненным взглядом.

Оставил Мартина в надёжных руках молчаливого Гримо, все снова вышли на залитую солнцем улицу. Теперь их путь лежал на Rue de Colombier, где недалеко от особняка капитана королевских мушкетёров располагалась квартира Портоса.

— Улица Старой голубятни! — перевёл Брысь мудрёное название.

Компания остановилась перед домом из желтовато-розового камня. В распахнутом настежь окне клевал носом одетый в зелёную ливрею упитанный (под стать хозяину) слуга.

— Эй, Мушкетон! — заорал Портос, нарушив послеполуденную тишину и распугав стайку воробьёв, которые копошились под стенами в поисках крошек.

Толстяк очнулся от дремоты и побежал встречать хозяина и его гостей. Правда, внутрь их не пригласили. В оправдание Портос сконфуженно пробормотал, что нужно торопиться на доклад к де Тревиллю, а до того пристроить остальных питомцев.

Атос и Арамис понимающие переглянулись — они-то знали причину смущения Портоса. Их приятель хотел казаться богаче, чем был в действительности: скромного бюджета хватило, чтобы снять просторную квартиру на престижной улице, но средств обставить её подобающим образом не осталось.

Наставать мушкетёры не стали, а Д'Артаньян вообще отличался природным тактом, так что Рыжий просто перекочевал на руки к слуге, пообещав друзьям рассказать подробности во время вечерней встречи.

Жилище Арамиса располагалось на первом этаже серого каменного дома на улице Вожира и состояло из гостиной, столовой и спальни. Но главным его достоинством был выход в тенистый садик, заросший высокими клёнами. Их густые кроны надёжно укрывали не только от зноя, но и от любопытных глаз.

Савельич с удовольствием обнаружил в квартире несколько книжных полок — среди толстых томов по богословию затесалась пачка романов, их содержание могло помочь лучше узнать бытовую сторону эпохи, в которую занесло жертв эликсира перемещений. Оставалось лишь поскорее овладеть французским.

Слугой Арамиса оказался толстенький кроткий человек лет сорока, одетый во все чёрное. Звали его Базен, и он с радостью принял на себя заботу о питомце, тут же задавшись целью откормить худого кота до округлого состояния — тогда они стали бы похожи не только цветом.

Д'Артаньян, хоть и находился в Париже первый день, уже успел снять крохотную квартирку в мансарде на Rue des Fossoyeurs,

что переводилось как «улица Могильщиков». Брысь быстро оглядел маленькую переднюю и спальню, в которой стояли лишь узкая кровать да деревянная тумбочка, но привередничать не стал — на двоих хватит. В конце концов, ему доводилось жить и в гораздо худших условиях.

Слугой юный гасконец обзавестись не успел, а потому самолично налил в глиняную миску молока, выпрошенного у владельца дома, некоего господина Буанасье, в счёт будущей оплаты. Оставив Брыся обживаться, молодой человек бросился к ожидающим его друзьям — им предстояло трудное объяснение с капитаном мушкетёров де Тревилем по поводу очередной драки с гвардейцами кардинала...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

В течение столетий канализация Парижа представляла собой только канавы, куда стекали жидкие отходы. В 1131 г. старший сын короля Людовика VI Филипп Молодой умер от инфекции, которую он подхватил, упав в открытый сток. Открытые стоки были свалками мусора; в немногочисленные новые, закрытые стоки тоже выбрасывали мусор, и они быстро засорялись. На рубеже XII—XIII вв. Филипп Август приказал вымостить улицы Парижа булыжником, в середине каждой мостовой была предусмотрена сточная канава. Особых изменений это не принесло, и в 1370 году префект Обрио построил первую канализационную систему: сводчатый тоннель под улицей Монмартр. До середины XIX века сеть канализационных тоннелей развивалась достаточно

медленно. Всё изменилось с приходом барона Османа: новый префект Парижа заложил основы сегодняшней канализационной системы и практически переделал систему водоснабжения города.

Глава 9

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Дартаньян вернулся поздно, весело гремя мешочком с монетами. От юноши разило вином и луком, но Брысь простили гасконца, как только учуял гораздо более приятный запах бекона, который молодой человек принёс для своего «боевого товарища».

Следом по скрипучей лестнице, стуча деревянными сабо, в мансарду поднялся парень лет двадцати пяти, одетый как простолюдин: в сорочку из грубого льна, короткие штаны до колен и чулки – всё темно-коричневого цвета. Очевидно, чтобы реже стирать. Остриженные кружком светлые волосы, широкий нос и толстые губы придавали вошедшему добродушный вид, но в серых глазах притаилась хитрость.

Пока Брысьправлялся с угощением, незнакомец, оказавшийся всего-навсего служащим по имени Планше, критически осматривал новое место службы.

– А где же я буду спать, господин?! Что-то я не вижу второй кровати! – недовольно заявил он.

Д'Артаньян быстро нашёл выход из положения, пожертвовав в качестве матраса своё одеяло, и Планше устроился на полу в прихожей, не переставая ворчать.

Юный гасконец, пропуская мимо ушей нелестные отзывы о своём жилище, запустил руку в «кошелёк» и достал горсть блестящих кружочеков.

— Смотри, приятель, — обратился он к Брысю, расположившемуся рядом на кровати, — сорок пистолей! Король Людовик, видимо, не любит гвардейцев так же, как и мои друзья! Скажу больше — он не любит кардинала, а потому вместо взбучки мы получили награду! Часть денег, разумеется, прокутили в кабачке — нужно же было отпраздновать нашу общую победу и моё зачисление в Академию.

Брысь вслушивался в непривычный диалект, улавливая всё больше смысла в сказанном и пристально изучая лицо нового «подопечного»: нос тонкий с лёгкой горбинкой, под ним — мягкие юношеские усы, которые будущий мушкетёр старательно отращивал, скулы острые, тяжёлый волевой подбородок — признак твёрдости характера и упорства в достижении цели, карие глаза горят... Что ж, ему точно понадобится помочь, поскольку увиливать от опасных приключений человек с таким лицом не будет!

Словно отвечая на мысли питомца, юный гасконец вскочил, выхватил шпагу и сделал

несколько выпадов, поражая невидимого врага.

— Я, конечно, пока не мушкетёр, а всего лишь кадет, но пара-тройка подвигов — а там, глядишь, и голубой плащ! — тут Д'Артаньян с подозрением обернулся к «слушателю»: — Не веришь? А вот господин де Тревиль пообещал, что совсем не обязательно после Академии служить целый год в гвардейской роте!

Юноша опять со всего маху уселся на кровать, отчего та жалобно скрипнула, и мечтательно продолжал:

— Эх, если бы войны!

С последним заявлением Брысь согласиться никак не мог, а потому возмущённо фыркнул и вздыбил шёрстку, однако «подопечный» истолковал его реакцию по-своему:

— Прости, что не представил тебя Планше! Этого проходимца мне подсунул Портос. Говорит, что нашёл его на мосту, когда тот плевал в воду и смотрел, как расходятся круги по воде. Якобы это свидетельствует о склонности к размышлению. А по мне, так о привычке бездельничать! Правда, друзья уверяют, что если его хорошенъко отмутузить, то из Планше получится неплохой слуга. Как думаешь?

Д'Артаньяну нравился «собеседник» — его янтарно-жёлтые глаза светились умом и проницательностью.

Насчёт «отмутузить» Брысь был вполне солидарен с мушкетёрами и считал, что с этого

требовалось начать, а не отдавать единственное одеяло. Сам-то как теперь спать будет? В верхней одежде? Но высказать своё мнение не успел — молодой гасконец, утомлённый событиями насыщенного первого дня в столице, откинулся на подушку и захрапел, подтвердив предположение Брыся.

— Интересно, как обстоят дела у остальных?

Путешественник во времени вылез на подоконник и ловко спрыгнул на мостовую.

Луна, приготовившаяся к скучному ночной дежурству, чуть не свалилась с небосклона, увидев старого знакомого, которого узнала и без золотистого ошейника. Ну это уж ни в какие ворота! Мало ему реального мира, так он и в выдуманный забрался! Что за непоседа! И она засияла ярче, чтобы лучше видеть происходящее внизу.

В монастыре кармелиток Брыся уже поджидали. Нетерпеливо перебивая друг друга, невольные герои романа принялись делиться впечатлениями.

Оказалось, что Савельич обрёл в лице слуги Арамиса «коллегу». Базен любил книги, и, как только за мушкетёром захлопнулась дверь, толстый коротышка взял с полки увесистый том и углубился в вопросы богословия, а заметив интерес со стороны кота, не удивился, а обрадовался и начал читать вслух. Правда, из-за незнания французского Савельич

ничего не понял и теперь жалел о времени, напрасно потраченном на расширение кругозора ленивых уток, обитавших на «его» пруду. Лучше бы с иностранцами больше общался!

Рыжий поведал, что в просторных апартаментах Портоса почти полностью отсутствует мебель, но зато Мушкетон накормил его вкусной сметаной.

Мартин стал свидетелем нагоняя, который Атос устроил своему слуге за то, что тот неправильно истолковал безмолвный приказ, отданный хмурым взглядом. Хотя и без слов было понятно, что вернувшийся около полуночи мушкетёр хотел всего лишь воды для умывания перед сном. Пёс подтащил Гримо за фалду ливреи к кувшину, и тот наконец догадался, чего именно «требует» разгневанный хозяин. В итоге Мартин и слуга Атоса подружились, и псу было немного жаль, что пришлось убежать во время вечерней прогулки, чтобы явиться на встречу под каштаном. Гримо наверняка достанется за его исчезновение!

Ещё Мартин видел, как Атос открывал серебряный ларец маленьким ключиком, висевшим у него на шее на золотой цепочке, и перебирал бумаги. По-видимому, важные, раз их так тщательно оберегали от посторонних глаз.

Луна немного понаблюдала за разношёрстной компанией, сетуя на судьбу за то, что ей не дано слышать, о чём говорят на красивой

голубой планете. От досады она натянула на себя облако, а потому... пропустила события, повлиявшие на привычный ход давно известной истории...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Денежные единицы Франции времён мушкетёров:

- серебряные монеты: 1 ливр (франк) = 20 су;
- золотые монеты: 1 пистоль = 10 ливров
 - 1 эку = 3 ливра
 - 1 луидор = 2 пистоля
 - 1 двойной луидор = 4 пистоля;
- самые мелкие деньги – денье и лиары:
 - 1 лиар = 3 денье
 - 1 су = 4 лиара.

Глава 10 НОЧНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Ночь – любимую кошачью часть суток – решили посвятить изучению окрестностей. Мартин котом не был и с удовольствием вернулся бы домой, чтобы убедиться, что Гримо не слишком пострадал. Однако чувство ответственности за приятелей вынудило верного пса отправиться с ними. «Тяжела собачья участь! – думал он, вышагивая по тёмным улицам вместе с семенившими рядом котами. – Никаких тебе прав, одни обязанности!»

— Зачем они выливают нечистоты прямо на дорогу? — возмутился Рыжий, обходя очередную дурно пахнущую лужу, медленно стекающую в каменный жёлоб посреди мостовой.

Умный Савельич и сам не ожидал такого поведения от парижан, а потому предположил, что в начале семнадцатого века не существовало канализации. (Тут книгочей ошибся — канализационная система появилась в Париже ещё в XIV веке, однако её не хватало на весь город, а тем более на предместья.)

— Ничего, придышимся! Местные же как-то терпят! — бодро вставил неунывающий искатель приключений. Брысь выполнял роль экскурсовода, так как ориентировался лучше приятелей. Ведь накануне он единственный обошёл дома всех мушкетёров.

Квартал, в котором друзьям предстояло провести неизвестное количество дней, а то и месяцев или даже лет, занимал совсем небольшую площадь: улица Старой Голубятни, где обосновался Рыжий, и улица Вожира, где в двадцать пятом от угла доме обрёл пристанище Савельич (наверное, Людям приходилось тяжеловато, особенно тем, кто был не в ладах с арифметикой, — таблички-то с номерами отсутствовали!), шли параллельно, а соединяли их четыре коротенькие извилистые улочки. Две из них, Феру и Могильщиков, располагались в нескольких десятках

метров друг от друга. Выходило, что приятелям в каждую сторону «лапой подать» и в гости можно добежать всего за пару минут.

Место встречи решили перенести в садик к Арамису, чему философ чрезвычайно обрадовался. Он был самым старшим в компании и считал, что заслуживает покоя больше, чем остальные.

Экскурсия не отняла много времени, и пришельцы из реального мира почти единогласно постановили её продолжить. При одном воздержавшемся — Мартин от голосования уклонился, однако друзей не бросил, хотя и вздыхал всю дорогу нарочито громко и протяжно.

Двинулись по улице Вожирар. Она показалась самой привлекательной, поскольку тянулась вдоль увитой виноградом каменной ограды, над которой возвышались кроны деревьев, аккуратно подстриженные в форме шаров.

Неутомимый Брысь не поленился забраться наверх, откуда сообщил, что видит ухоженный парк с ровными газонами, цветниками и фонтанами.

Разношёрстная компания не знала, что «переместилась» в Сен-Жерменское предместье и поселилась рядом с Люксембургским садом. В глубине его располагался дворец Малый Люксембург, подаренный Марией Медичи — матерью Людовика XIII — кардиналу

Ришелье. Правда, он передарил его племяннице, предпочитая жить поближе к Лувру. Для этих целей его высокопреосвященство выкупил огромный участок земли прямо напротив королевской резиденции и в данный момент строил там великолепный дворец, затмевающий красотой жилище Людовика. Что вызывало недовольство и зависть последнего.

Неожиданно Мартин засопел, с шумом втягивая воздух большими чёрными ноздрями.

— Ты чего? — удивились коты.

— Пару часов назад здесь проходили наши друзья-мушкетёры и гасконец! — ответил пёс и устремился по следу.

Приятели, носы которых существенно уступали в размере, а соответственно, и в обонянии, поспешили за ним.

Миновав улицу Вожира, компания повернула направо и через несколько минут остановилась возле кабачка со смешным названием «Сосновая Шишка», в столь поздний час уже закрытого. Судя по стойкому аромату парфюма Портоса и Арамиса и более сдержанному — Атоса, мушкетёры наведывались сюда часто.

«Так вот откуда Д'Артаньян пришёл сегодня такой весёлый!» — догадался Брысь.

— А давайте посмотрим на Сену! — предложил Савельич, вдруг ощущив прилив энергии и справедливо полагая, что вряд ли ему захочется ещё раз убегать так далеко от книжных полок.

— Зачем нам сено? — удивился Рыжий. — Мы же не лошади!

Савельич вздохнул:

— До чего ты необразованный! Сена — это река, вроде Невы в Петербурге!

При воспоминании о родном городе компании охватила грусть. Даже Мартина, который в Петербург наведался лишь раз, когда вместе со всей семьёй ездил в аэропорт встречать Брыся...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

В 1624 г. кардинал Ришелье выкупил поместье Анжен напротив северного крыла Лувра, где по проекту архитектора Жака Лемерсье построил великолепный дворец. Строительство завершилось примерно в 1626–27 гг. Первоначально дворец назывался Пале Кардиналь, затем Пале Рояль. Ришелье завещал дворец королевской семье, и в 1642 г., после его смерти, туда переехала Анна Австрийская с малолетним Людовиком XIV. Позже во дворце поселился кардинал Мазарини.

Глава 11

ДРУЗЬЯ ПОМОГАЮТ НЕИЗВЕСТНЫМ

Быстро выделив среди множества запахов тот, что отдавал тиной и рыбой, пёс привёл друзей к реке. В отличие от городских улиц, ночью словно вымерших, на берегу кипела жизнь: вокруг ярких костров

сидели и лежали странного вида Люди, одетые в грязные лохмотья и явно незнакомые с расчёской. Кто-то распевал песни, кто-то выяснял отношения, размахивая ножом, а потому приятели поспешили покинуть негостеприимную набережную и посмотреть на Сену с ближайшего моста.

Если бы у друзей в лапах была карта, то они смогли бы узнать, что находятся на Новом мосту, прозванном так из-за того, что построили его значительно позже Ла-Турнель (с которого плевал в воду Планше) и Нотр-Дам, существовавших уже многие века. Добротное каменное сооружение появилось всего лишь за двадцать лет до «визита» пришельцев из будущего и соединило берега Сены с островом Сите, на котором располагалась главная достопримечательность французской столицы — собор Парижской Богоматери. (Впрочем, величественное архитектурное творение было настолько громадным, что низкорослые хвостатые путешественники и даже Мартин не обратили на него никакого внимания.) Тротуары по краям проезжей части моста, воспринятые приятелями как нечто само собой разумеющееся, для самих парижан являлись диковиной, как и запрет на возведение тут домов. Без этого новшества «экскурсантам» не удалось бы понаблюдать с парапета за медленно текущими мутными водами и покачивающимися на волнах рыбацкими судёнышками.

Незаметно для себя приятели добрались до центра Парижа. Здания, в основном из розового и жёлтого камня с белой облицовкой, достигали трёх этажей. На крутых скатах серых железных крыш возвышались башенки, украшенные часами и колоколами. Улицы здесь освещались масляными фонарями, а на перекрёстках имелись указатели.

Путешественники свернули на уютную уличку с красивым названием Эшель, но довольно быстро упёрлись в высокую, увитую плющом ограду. Скрипнула калитка, и показались две фигуры: женская, закутанная в плащ с низко надвинутым на лицо капюшоном, и мужская — в мушкетёрской накидке. Парочка старалась держаться подальше от тусклого света фонарей, что навело «главного секретного агента» на мысль: Люди не хотят, чтобы их заметили.

— Давайте проследим! — тут же загорелся он.

Приятели, с недавних пор питающие симпатию к голубому цвету, поддержали идею и бесшумно двинулись за таинственными незнакомцами. Вскоре Мартин почуял, а коты уловили вибриссами присутствие ещё нескольких человек в переулке за углом.

Не успели друзья обдумать информацию, как женщину и мушкетёра окружили солдаты в красном.

— Гвардейцы кардинала! — хором воскликнули пришельцы из реального мира и без колебаний бросились на «врага».

Завязалась потасовка, закончившаяся полной и безоговорочной победой зубов и когтей. Солдаты Ришелье с позором бежали, однако исчезли и те двое, ради которых «экскурсанты» вступили в бой.

Приятели собрались было возмутиться такой очевидной неблагодарностью, когда издалека донеслось:

— Thank you, my friends!

И даже Мартин понял, что это не французский.

— Турист? — робко предположил он.

— Да нет! Туристы ночью спят в гостиницах, потому что музеи не работают, — авторитетно возразил Рыжий, повидавший эту путешествующую публику в Питере.

— Не думаю, что в начале семнадцатого века были музеи, — высказался начитанный Савельич.

Брысь вздохнул: приключение оказалось коротким, а исход битвы таким предсказуемым, что не стоил воспоминаний! В этот момент острый взгляд искателя приключений наткнулся на плоскую коробочку, одиноко лежащую на том месте, где только что кипела схватка...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам, Нотр-Дам де Пари, фр. *Notre-Dame de Paris*) – католический храм в центре Парижа, расположенный на острове Сите, один из символов французской столицы. Строился в 1163–1345 гг. на месте первой христианской церкви Парижа – базилики Святого Стефана, возведённой, в свою очередь, на месте галло-римского храма Юпитера.

До XIX столетия существовало много коллекций, которые можно было бы назвать музеями, но они принадлежали королевским и знатным семьям и не выставлялись на обозрение. Даже в Британский Музей, построенный в середине XVIII столетия, допускались всего несколько человек. Французская революция открыла двери французских музеев для всех. В 1793 году республиканское правительство сделало Лувр в Париже национальным музеем.

Глава 12 ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

При ближайшем рассмотрении предмет оказался футляром тёмно-синего бархата с золотым рисунком в форме заглавной буквы А, которую ровно посередине пересекала латинская L. В похожих коробочках, только с другим вензелем, немецкая принцесса Мария Гессенская хранила драгоценности.

– Сможешь определить, кто выронил? – обратился Брысь к главному следопыту в их компании.

Мартин обнюхал находку, шумно втянул воздух и ринулся в том направлении, откуда несколько минут назад прозвучала благодарность на английском.

— Стой, лопух! А футляр?! — закричал Брысь вдогонку.

Пёс вернулся с виноватым видом, схватил коробочку и снова скрылся в темноте.

Однако вскоре опять показался, всё ещё неся в пасти потерянную иностранцем вещь.

— Не успели! Его поджидала карета! — бережно положив футляр на мостовую, сообщил Мартин.

— А девушка? — не унимался «секретный агент».

Смущаясь, пёс попытался найти оправдание:

— Ты говорил, вернуть тому, кто потерял! А женские следы ушли совсем в другую сторону! Догнать?

— Если он за ней погонится, то напугает до смерти! — охладил Савельич пыл друзей.

— Уж точно! — добавил Рыжий, представив на месте незнакомки себя, бредущего в одиночестве по тёмной улице, а за спиной — тяжёлое сопение... Да он умер бы от разрыва сердца, даже не успев оглянуться!

Начинало светать, и компания заторопилась домой, чтобы не пропустить завтрак. Местные грызуны, в изрядном количестве

шастающие по городу и подъедающие помои, аппетита у пришельцев из будущего не вызывали...

Футляр решили закопать на пустыре за монастырём босоногих кармелиток, куда переместились не далее как вчера. Вот когда пригодились мощные собачьи когти!

На первом этаже дома, где Д'Артаньян снимал мансарду, находился галантерейный магазин. Принадлежал он уже упомянутому господину Буанасье, человеку ничем не примечательному. Однако именно ему, а вовсе не задире гасконцу, понадобилась помочь в очень серьёзном, можно сказать, жизненно важном деле!

Выяснил это наблюдательный Брысь, неугомонная душа которого опять изнывала от отсутствия приключений, и вдруг такая «удача» — похитили жену галантерейщика! Во всяком случае, так говорилось в письме, которое господин Буанасье обнаружил утром под дверью, когда открывал свою лавку.

Брысь дождался пробуждения Д'Артаньяна, лёжа на верхней ступеньке лестницы, соединяющей магазин с жилым этажом. Он сразу догадался, что произошло нечто из ряда вон выходящее — по тому, как изменилось и побелело лицо достопочтенного владельца дома.

Прочитав послание несколько раз, Буанасье забегал по комнате, заламывая руки и причитая: «Что же делать, что же делать?!» Зaintrigованный искатель приключений вспрыгнул на стол, куда галантейщик бросил листок, и, с трудом разбиная витиеватый почерк, прочёл: «Не ищите Вашу жену, иначе потеряете её навсегда!»

М-да! Пришелец из реального мира окинул критическим взглядом мечущегося в отчаянии Буанасье – он не производил впечатления храброго человека, а значит, женщине не стоило ждать с его стороны помощи, столь ей необходимой, судя по угрожающему тону письма.

Скорый на принятие судьбоносных решений, Брысь в два прыжка поднялся на верх, перескоцил через Планше, могучий храп которого сотрясал стены маленькой прихожей, и устремился к Д'Артаньяну, храпевшему ничуть нетише. Разбудить гасконца оказалось делом непростым – на покусывание острыми зубами и облизывание щёк шершавым языком он не отреагировал, а пощекотать усами за пятки не представлялось возможным, потому что уснул юноша прямо в сапогах.

Пришлось опрокинуть на спящего кувшин с водой, поставленный с вечера на прикроватную тумбочку. Неожиданный душ возымел действие – Д'Артаньян вскочил и схватился

за шпагу, ошалело озираясь в поисках врагов. Однако в комнате никого не было, за исключением серо-белого кота. Он восседал на том месте, где раньше находился глиняный сосуд.

— Это ты меня облил? — удивился юноша. — Но зачем?! Ещё так рано, и в Академии сегодня выходной!

Д'Артаньян собрался снова рухнуть в постель, но Брысь ухватился зубами за манжету его рукава и потянул к двери...

Глава 13

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОХИЩЕНИЯ

Сообразительный юноша понял, что кот куда-то его зовёт. Чуть не споткнувшись о слугу, о существовании которого успел забыть, Д'Артаньян выскочил на лестницу и услышал причитания хозяина дома.

— Что случилось, милейший господин Буанасье? Вас обокрали? — гасконец сбежал вниз, ища взглядом следы взлома.

— Хуже, господин Д'Артаньян! — отзвался галантейщик голосом, полным скорби, и шёпотом добавил: — Здесь политическое дело!

— Вы и политика?! Шутите! — не поверил ученик мушкетёров.

Буанасье вздохнул и после недолгих колебаний рассказал удивительную историю. Оказывается, его жена служит при королеве Анне кастеляншей. Устроил её во Дворец крёстный, ни много ни мало – доверенный камердинер королевы. Окружённая со всех сторон ищейками кардинала, Анна Австрийская очень нуждалась в преданных людях и с радостью приблизила к себе красивую и скромную девушку.

И вот недавно Констанция, как звали жену господина Буанасье, поведала супругу по большому секрету, что против её величества затевается заговор! Якобы от имени королевы написано и отправлено в Англию письмо первому министру – герцогу Бекингему, известному своими нежными чувствами к обладательнице французской короны. И сделано это, без сомнения, для того, чтобы скомпрометировать обоих и развязать войну между двумя державами!

Д'Артаньян, а вместе с ним и Брысь, не верили своим ушам – кто бы мог подумать, что за стенами обычной галантерейной лавки скрываются государственные тайны международного масштаба?!

- Но при чём тут ваша супруга?
- Вероятно, у неё хотят выведать какие-нибудь секреты королевы или уговорить шпионить для его высокопреосвященства! – предположил опечаленный муж.

— Разумно! — согласился молодой гасконец. — У вас есть догадки, кто её похитил?

— Думаю, это сделал граф Рошфор — человек кардинала. Жена указала на него однажды, когда я провожал её до Лувра, и сказала, что этот вельможа следит за каждым её шагом. Но, да простят меня небеса, я лишь посмеялся и ответил, что она слишком много о себе воображает! — Буанасье опять заломил руки. — Чаще всего граф носит камзолы фиолетового цвета, а ещё у него шрам на виске, и, кажется, я видел его вчера на нашей улице.

Узнав по приметам своего обидчика из Менга, Д'Артаньян воспыпал решимостью помочь галантёру. И поскольку дело приобрело личную окраску, он занялся им совершенно бескорыстно, но глупо было бы отказываться от последовавшего предложения пятидесяти пистолей и бесплатного проживания в случае успеха.

Не медля ни минуты, Д'Артаньян устремился к друзьям-мушкетёрам (их помощь могла понадобиться в столь щекотливой и замысловатой истории), а Брысь кинулся следом, радуясь возможности применить талант «секретного агента».

В дверях они столкнулись с Атосом, Портосом и Арамисом, которые как раз направлялись к новому другу. Обрадованный встречей, Д'Артаньян пригласил их к себе, чтобы

поведать о предстоящем расследовании и возможности заработать.

Он не заметил того, что не ускользнуло от острого кошачьего взгляда: с противоположной стороны улицы за домом наблюдал вельможа в красивом лиловом камзоле, высокий, плотный, черноволосый, с носом, похожим на клюв хищной птицы, на виске — отметина от кинжала или шпаги.

Неподалёку стояли ещё четверо, судя по выпрявке, военных, старательно изображавших простых горожан. Как только мушкетёры скрылись в лавке, «фиолетовый» что-то приказал солдатам и быстро зашагал прочь. Брысь устремился за ним, уверенный, что это и есть обидчик юного гасконца, а также похититель госпожи Буанасье.

Граф Рошфор свернул в переулок, потом ещё в один-другой, но опытный «секретный агент» не отставал, без труда запоминая дорогу (впрочем, с этой задачей справился бы любой кот, потому как все они обладают феноменальной памятью).

Похититель остановился перед неприметным домом из светло-жёлтого камня и полез в карман за ключом. В это самое время одно из окон второго этажа распахнулось, и оттуда свесилась... скрученная простыня! Вряд ли жители пользовались таким замысловатым и не лишённым опасности способом выхода, а значит, кто-то просто не мог уйти как обычно, через дверь.

Следом за «верёвкой» высунулась хорошенькая женская головка с густыми тёмными локонами. Искатель приключений, мгновенно оценив ситуацию, отвлёк внимание графа на себя: выбил из его руки ключ, который тот только что выудил за кольцо, схватил зубами железный ободок и помчался по улице, с удовлетворением услышав позади топот и адресованные ему проклятья.

Отведя «фиолетового» на значительное расстояние, Брысь выплюнул тяжёлую железку и поспешил к дому Атоса — в схватке с гвардейцами (а он не сомневался, что солдаты караулили возле галантерейной лавки неспроста!) могла понадобиться помочь могучего Мартина...

Глава 14

АРЕСТ ГОСПОДИНА БУАНАСЬЕ

Пёс возлежал у двери, охраняя доступ к жилищу и размышляя о будущем. Несмотря на симпатию к благородному мушкетёру, ему всё же хотелось когда-нибудь вернуться к маленькому Саше, маме Лине и папе Николаю Павловичу, даже если они всю квартиру заселят котами...

Кстати, о котах... Не Брысь ли несётся по улице, распугивая голубей?

Мартин встрепенулся.

Запыхавшийся «секретный агент» не сразу смог растолковать, что случилось и почему нужно немедленно покинуть пост. Наконец пёс уразумел, что их новым друзьям грозит беда, и ринулся вперёд. По пути они сделали небольшой крюк на улицу Старой Голубятни за Рыжим, вдруг тоже пригодится.

Бывший эрмик сидел на подоконнике рядом с Мушкетоном и облизывался — он только что перекусил сметаной, которую слуга Портоса покупал в лавке на углу. Увидев спешащих приятелей, он тут же спрыгнул вниз и помчался рядом, на ходу выслушивая объяснения.

По предложенному Брысем плану, Рыжemu следовало позвать на подмогу философа, а потом караулить возле дома Д'Артаньяна красивую шатенку и не позволить ей попасть внутрь, пока друзья вместе с мушкетёрами не разберутся с гвардейцами кардинала.

Улица Могильщиков встретила подозрительной тишиной, но приблизившись к галантейному магазину, Брысь и Мартин услышали знакомый звон клинков — внутри шёл настоящий бой!

Отрядом гвардейцев командовал небезызвестный де Жюссак. Ловко орудуя шпагой, он делал резкие выпады, старясь оттеснить защищающихся мушкетёров к узкой лестнице. С других сторон на них насыдали ещё несколько солдат. Господин Буанасье сидел

под круглым дубовым столом, закрыв голову руками. Судя по тому, как шевелились его губы, домовладелец молился.

— Тысяча чертей! — вскричал Д'Артаньян. — Как жаль, что никого из них нельзя заколоть или хотя бы серьёзно ранить!

— Увы, мой юный друг! — отозвался Атос, отбиваясь. — Мы не можем каждый день расстраивать нашего любимого капитана, ведь ему приходится оправдываться перед его величеством!

— Да, дурацкий эдикт, запрещающий драки! — вступил в беседу Портос, недовольно размахивая шпагой.

— Что поделать! На всё воля Божья! — вздохнул будущий богослов Арамис и нанёс противнику укол в плечо.

Конец сражению положил Мартин, басистым лаем возвестив о своём приходе. Гвардейцы сразу вспомнили незажившие царапины и укусы, а потому спешно покинули поле боя.

Последним мимо грозно оскаленной пасти к выходу притиснулся де Жюссак. В дверях он обернулся и обратился к притихшему под столом хозяину дома:

— Господин Буанасье, вам всё же придётся проследовать с нами, если не желаете, чтобы его высокопреосвященство нанёс вам визит в тюрьму!

Бледный от страха галантерейщик неуклюже выбрался наружу, отвесил поклон

мушкетёрам, рисковавшим из-за него если не жизнями, то свободой, и покорно направился к командиру гвардейцев.

Проходя мимо пса, Буанасье на всякий случай поклонился и ему, а также бело-серому коту квартиранта, который привёл на подмогу рычащего гиганта.

— Друзья, вы опять очень вовремя! — воскликнул Д'Артаньян.

— Да, они спасли нас от Бастилии, поскольку ещё немного — и мы бы обязательно уконошили парочку кардинальских любимчиков! — подхватил Портос, закрепляя шпагу на атласной перевязи.

Немногословный Атос ласково потрепал Мартина за длинное ухо и отрывисто произнёс:

— Я — к де Тревилю! Пора что-нибудь выяснить про похищенную даму, а у нашего капитана для этого больше возможностей!

— Да-да, и зачем господину Ришелье понадобился скромный галантейщик? Неужели тайны Лувра распространились так широко?! — вставил Арамис. — Я, пожалуй, расспрошу об этом загадочном деле мою сведущую в дворцовых интригах... кузину!

Его друзья весело переглянулись — они прекрасно знали, что девица, приближённая ко двору, на самом деле никакая не родственница, а возлюбленная красавица мушкетёра.

Портос, у которого не было полезных связей, сообщил, что изрядно проголодался и намерен основательно подкрепиться, потому что предстоящее расследование может потребовать сил, а они слегка истощились в драке.

Никто не обратил внимания на отчаянные призывы Брыся:

— Погодите! Не нужно никуда ходить! Дама сама появится здесь с минуты на минуту, и всё разъяснится!

Мартин сочувственно посмотрел на приятеля.

— Может, у тебя произношение хромает? — предположил добродушный пёс и вышел вслед за Атосом — теперь он собирался находиться рядом с мушкетёром, чтобы не допустить нового кровопролития...

Глава 15

ГОСПОДА БУНАСЬЕ

Комната опустела. Д'Артаньян взял упирающегося кота на руки и поднялся в квартиру — обдумывать план розыска госпожи Буанасье.

Тем временем Рыжий, выполняя приказ Брыся, во все глаза таращился по сторонам. Он очень переживал, что не справится с заданием, поскольку не уточнил, что означает

таинственное слово «шатенка». Мудрого Савельича рядом не было, так как пушистый эрмик самонадеянно решил, что остановить даму плёвое дело, только бы с выбором «объекта» не ошибиться.

К счастью, на пустынной улице появилась лишь одна особа женского пола, подходящая под описание «красивая». Она быстро шла, кутаясь в лёгкую накидку с капюшоном, и постоянно оглядывалась, словно опасалась преследования. Её облик показался смутно знакомым, но Рыжий не располагал временем на размышления, а потому просто бросился навстречу и... упал замертво, закатив жёлто-зелёные глаза-блюдца.

Девушка всплеснула руками и так низко склонилась над котом, что её тёплое дыхание слегка подсушило мокрый розовый нос помощника «секретного агента». Любопытство взяло верх над профессионализмом, и Рыжий «вернул глаза на место», чтобы рассмотреть лицо красавицы.

— Слава Богу, ты жив! — нежной музыкой прозвучал её голос, а большие синие глаза, оттенённые длинными густыми ресницами, с ласковой жалостью оглядели пушистого зверька, пытаясь обнаружить причину внезапного обморока.

Убедившись, что всё в порядке, молодая женщина поспешила дальше, а Рыжий отправился следом, гадая, достаточно ли он помог.

Девушка скрылась за дверью магазина. В ту же минуту от стены дома напротив отделились две фигуры.

«Кажется, рановато возвращаться домой», — подумал бывший эрмик и занял выжидательную позицию неподалёку от входа.

Брысь первым услышал, как скрипнули плохо смазанные петли, и заглянул в дырку, которую проделал в полу мансарды Планше, разобрав доски паркета во время драки мушкетёров с солдатами кардинала. Слуге Д'Артаньяна не терпелось узнать, кто побеждает в схватке, а то вдруг пришлось бы срочно искать нового хозяина?!

Гасконец решил сохранить отверстие — могло пригодиться в будущем. Как оказалось, ждать момента долго не пришлось, и Д'Артаньян пристроился рядом с питомцем.

В лавку вошла молодая женщина. Прелестные черты её лица заставили кадета вскочить и броситься вниз по крутой лестнице. Брысь «тактично» остался наблюдать за происходящим сверху...

Красавица вскрикнула от неожиданности, когда к её ногам буквально скатился симпатичный юноша. (Правда, искушённое ухо бывшего Придворного Кота уловило в нежном голосе больше кокетства, чем испуга.)

Вблизи лицо незнакомки показалось Д'Артаньяну ещё обворожительней, и от смущения, которое внезапно сковало

язык, молодой гасконец не смог вымолвить ни слова.

«Ну вот! Так торопиться, чтобы стоять теперь истуканом, то краснея, то бледнея!» — недовольно подумал Брысь, разглядывая оневивших героев сценки.

— Вы кто? — наконец нарушила молодая женщина неловкое молчание.

— Я? — с глупым видом переспросил Д'Артаньян. — Я здесь живу!

— А, так вы наш новый квартирант! — облегчённо выдохнула незнакомка.

— А вы — госпожа Буанасье?! (Гасконец и представить не мог, что у галантейщика почтенных лет может быть такая юная красавица жена!) Вас же похитили! — воскликнул он, с трудом приходя в себя.

— Мне удалось бежать! — Прелестница взмахнула длинными ресницами и обожгла юношу ослепительной синевой пленительных глаз.

Тут она заметила серо-белого кота, почти наполовину свесившегося из дыры в потолке.

— Это же тот самый, что помог мне! — девушка подняла белоснежные ручки и поманила Брыся, сопроводив жест ласковым: — Котик, котик!

Брысь не стал утруждать себя спуском по ступенькам и спрыгнул вниз через «смотровое отверстие», а его место тут же занял проснувшийся Планше.

— Помог вам?! — поразился Д'Артаньян, всё больше веря, что хвостатая компания послана небесами.

Выяснению подробностей похищения и побега помешали двое солдат, вломившихся с воплем: «Откройте именем кардинала!», что прозвучало довольно нелепо, поскольку находились они уже внутри...

Глава 16

ПОРУЧЕНИЯ

— Планше, шпагу! — вскричал отважный гасконец, используя пока для защиты массивную табуретку, которой благополучно оглушил обоих нападавших ещё до того, как нерасторопный слуга принёс оружие. — Тащи верёвку, болван! — весело потребовал Д'Артаньян, усаживая гвардейцев на пол спиной друг к другу.

Крепко связав солдат и заткнув им рты кляпами, юноша обернулся, чтобы полюбоваться реакцией прекрасной госпожи Буанасье на проявленные её квартирантом силу и ловкость. Однако его ждало разочарование — прелестница лежала в глубоком обмороке, а над ней хлопотал серо-белый ангел-хранитель.

Брысь изо всех сил тёрся о курносый носик усатыми щеками, пытаясь вернуть даму

к жизни, но, хотя веки её подрагивали, синие глаза упорно не открывались. Д'Артаньян тоже склонился над девушкой и прошептал:

— Божественно хороша!

Молодой гасконец нежно коснулся губами пухлого розового ротика, и в то же мгновение длинные ресницы красавицы разлепились.

— Ах, я так испугалась! — молвила она и поднялась, опираясь на протянутую руку.

Брысь заподозрил, что жена галантёйщика лукавит, но вмешиваться в разговор не стал.

— Что у вас происходит? — услышал он знакомый голос.

В дверях возник Рыжий:

— Помощь нужна?

— Без тебя справились! — гордо ответил искатель приключений, скрыв от приятеля, что тоже не успел принять участие в драке из-за её скоротечности.

— Де Жюссак не так глуп — оставил солдат наблюдать за домом и задерживать всех, кто придёт, — догадался Д'Артаньян и, обращаясь к молодой женщине, воскликнул: — Вам нужно бежать! Вы знаете, что вашего мужа арестовали?

Констанция Буанасье опечалилась, чем весьма расстроила пылкого гасконца (его сердце уже безраздельно принадлежало синеглазой чаровнице).

— Жаль, я рассчитывала на него! — грустно сказала красавица.

— На господина Буанасье?! — изумился Д'Артаньян (галантерейщик не производил впечатления человека, от которого можно было бы ожидать помощи) и горячо продолжил: — Доверьтесь мне! Я сделаю всё, что в моих силах, и даже в тысячу раз больше! Слово дворянина!

Молодая женщина кокетливо помялась, но решилась принять услуги храброго незнакомца. Наклонившись к самому уху галантного кадета, она принялась о чём-то шептать. Брысь, как ни напрягал изумительный кошачий слух, разобрать смог лишь обрывки: что-то про Лувр, потайную калитку, пароль... От этих слов приятно пахло тайной!

Рыжий в это время сидел возле гвардейцев, ещё не пришедших в себя от удара табуреткой, и с интересом рассматривал прочный узел на верёвке, которой связал их Д'Артаньян. Пожалуй, кое в чем люди всё-таки пре- восходили котов. Своей мыслью он поделился с приятелем.

— Да, умением плести интриги! — тут же отозвался Брысь, лихорадочно соображая, как бы поучаствовать в затевающемся приключении.

Вот уже несколько минут он безуспешно тёрся о начищенные Планше сапоги юного гасконца, но тот внимал рассказу жены галантерейщика, позабыв обо всём на свете. Наконец красавица замолчала, и взгляд

Д'Артаньяна встретился с янтарно-жёлтыми вопрошающими глазами питомца. Чуточку поколебавшись, новоиспечённый кадет обратился к необычному помощнику:

— Очень нужно, чтобы Атос, Портос и Арамис собрались в кабачке «Сосновая шишка», здесь неподалёку, и дождались меня, если вдруг задержусь! Сможешь?

— Слово дворянина! — щегольнул Брысь намотанной на ус фразой и тут же бросился вон из лавки, на ходу позвав Рыжего:

— Вперёд! У нас есть дело!

Коты исчезли за дверью, а Констанция Буанасье уважительно спросила:

— Дрессированные? У меня такое впечатление, что вы друг друга понимаете.

— У меня тоже! — пробормотал Д'Артаньян, а затем со словами «Вам нужно укрыться в надёжном месте, здесь небезопасно!» увлёк девушку вверх по лестнице. Из его мансарды был отдельный выход, что оказалось весьма кстати в сложившихся обстоятельствах, ведь у магазина могли находиться ещё солдаты Ришелье.

Ученик мушкетёров наказал Планше выждать четверть часа, и лишь потом «освободить пленных», а сам отвёл напичканную дворцовыми тайнами красавицу в квартиру Атоса, где доверил её заботам молчаливого Гримо. Затем он устремился в Лувр — исполнять поручение. Правда, пока оно

заключалось лишь в том, чтобы вызвать камердинера королевы, сообщив привратнику пароль, и рассказать о похищении, побеге и местонахождении госпожи Буанасье. Но гасконец надеялся, что это только начало и вскоре ему доверят секрет поважнее, который позволит чаще видеться с прекрасной Констанцией.

Тем временем посланники разделились: Брысь побежал к особняку капитана королевских мушкетёров, куда ушли Атос с Мартином, а Рыжий — к Савельичу. Ему и философу предстояло обойтись без знания французского, но втолковать Арамису и Портосу, где будут ждать друзья...

Глава 17

У РИШЕЛЬЕ

Благородный Атос оставил увязавшегося за ним питомца на площадке широкой мраморной лестницы, и Мартин застыл каменным изваянием, напряжённо глядываясь в двери, за которыми скрылся «хозяин». Мимо то и дело проходили Люди, задевая пса развеивающимися голубыми накидками. Кто-то отваживался гладить его по голове, но Мартин не шевелился, лишь белый кончик хвоста подрагивал, делая сходство со скульптурой не совсем полным.

Де Тревиль сразу принял своего любимца, однако пришёл в ужас от просьбы разузнать о пропавшей кастелянше королевы. Безшибочным нюхом опытного придворного он почувствовал, что дело тут политическое, затрагивает интересы противоборствующих сторон: кардинала и её величества, а потому лучше в него не соваться. Он предостерёг Атоса о последствиях, грозящих в лучшем случае Бастилией.

По низкому вежливому поклону, который, уходя, отвесил мушкетёр, капитан королевских солдат понял, что Атос, а вместе с ним и трое его друзей, не послушаются совета и накличут на себя, а значит, и на него, их командира, гнев сильных мира сего.

Де Тревиль вздохнул. Эх, когда-то он тоже был молодым и горячим, отважно бросался в авантюры, по малейшему поводу выхватывая шпагу и безжалостно разя противника, хотя эдикты о дуэлях существовали и тогда... А уж сколько безумств совершено ради прекрасных женских глаз – не счесть!

Воспоминания взбодрили старого вояку, и он решил переговорить с его величеством, тем более что завтра ему предстояло сопровождать короля на охоту.

Большой прямоугольный двор перед особняком господина де Тревиля казался голубым от обилия мушкетёрских накидок: здесь

маршировали, фехтовали, гарцевали на лошадях, со всех сторон звучали громкие команды, шутки и смех. Эта суeta могла бы смутить кого угодно, но только не путешественника во времени – Брысь даже не стал красться вдоль стены, чтобы не попасть под копыта или чей-нибудь сапог, а промчался прыжком к главной лестнице, на которой нос к носу, точнее, нос к лапе, столкнулся со спускающимся Мартином.

– Что-то опять случилось? – встревоженно спросил пёс.

Тот же вопрос задал себе Атос, увидев серебристого знакомца, и ускорил шаг.

– Всё не так плохо! – попытался успокоить обоих Брысь.

Но куда там! Атос почти бежал, рисуя в голове страшные картины, как его юный друг в одиночку отбивается от кучи гвардейцев кардинала, а возможно, уже ранен или даже... Впрочем, последнюю мысль он от себя поскорее отогнал. Мартин, целью жизни которого было преданное служение Людям, нёсся впереди, рассчитывая «уладить дело» до прибытия на место сражения благородного мушкетёра (того всё ещё мучила боль в плече).

Брысь вприпрыжку бежал следом и почти нагнал быстролапого соратника, когда вдруг из-за угла вылетела карета, запряжённая парой гнедых. Она распугала прохожих, заставив их жаться к домам и проклинать лихого возницу. Штора в окошке экипажа на мгновение

ние шевельнулась, но этого мига оказалось достаточно, чтобы опытный «секретный агент» узнал пассажира. Граф Рошфор!

Не колеблясь, Брысь сменил маршрут и помчался за экипажем, так что со стороны могло показаться, будто кот соревнуется в скорости с лошадьми, причём весьма успешно. За Мартина и Атоса искатель приключений не волновался, уверенный, что им ничто не угрожает, и надеясь, что слуга Д'Артаньяна растолкует остальное.

Карета застучала колёсами по уже знакомому путешественнику мосту, а на улице Добрых Детей свернула во двор какого-то особняка. Чтобы не попасть на глаза «фиолетовому» и не быть узнанным, Брысь решил не заходить на территорию через кованые ворота (хотя в ажурном плетении имелось достаточно отверстий, куда поместились бы его упитанные бочки), а перебрался через каменную ограду.

Он очутился в саду, примыкающем к стенам красивого здания из розового туфа, и среди обильно цветущих кустов принял решение искать открытое окно. Таковых нашлось даже несколько, поскольку день был жаркий. За одним из них, занавешенным красными портьерами из плотного шёлка, велась беседа, и «секретный агент» навострил уши.

Негромкий спокойный голос задавал вопросы, а кто-то отвечал, неразборчиво

мямля и заикаясь. В этом втором Брысь неожиданно узнал арестованного домовладельца. Более того, к своему собеседнику господин Буанасье обращался: «Ваше Высокопреосвященство!»

Пришельцу из будущего ужасно захотелось посмотреть на знаменитого кардинала. Он бесшумно вспрыгнул на подоконник и осторожно выглянул из-за шторы. Почти всю середину просторного кабинета занимал огромный письменный стол, возле которого стояло кресло с прямой спинкой и подлокотниками, украшенными львиными головами из позолоченной бронзы. В кресле сидел худощавый мужчина лет сорока, с длинными тёмно-русыми волосами, тонкими чертами лица и большими карими глазами. Высокий лоб прорезали глубокие морщины – видимо, хмуриться ему приходилось чаще, чем улыбаться. Нос был с горбинкой; тяжёлый подбородок заканчивался остроконечной, по моде тех времён, ухоженной бородкой. Одет человек был в алую сутану, а макушку покрывала шапочка такого же цвета.

На коленях его высокопреосвященства лежал... белый котёнок! Другой, с серым пятнышком на спинке, увлечённо ловил хвостик, кувыркаясь на ковре у камина, но короткий меховой отросток в лапы не давался. Там же дремала мама котят, а в её густой рыжеватый мех уткнулись ещё трое малышей.

«Уф! Хорошо, что проявил осторожность и действовал тихо! Да и кошка, вероятно, расслаблена безопасной жизнью и утомлена заботой о детях, а потому не прислушивается к посторонним звукам, — облегчённо подумал Брысь, снова прячась за портьеру. — Чуть было бездарно не провалил задание!»

Глава 18

О КАРДИНАЛЕ И КОШКАХ

Кардинала интересовало всё, что связано с женой лавочника. Выяснилось, однако, что господин Буанасье ничтожно мало знает о супруге, но пообещал следить отныне за каждым её шагом. Вознаградив галантейщика авансом за «труды», его отпустили, а в кабинет вошли двое: де Жюссак и «фиолетовый», граф Рошфор.

Брысь снова обратился в слух.

— Потрудитесь объяснить, каким образом герцог Бекингем избежал ловушки? — раздражённо спросил Ришелье у вошедших.

Граф долго мялся, прежде чем ответить:

— Простите, Ваше Высокопреосвященство, но на нашу засаду напали, и во время стычки этой интриганке Буанасье и англичанину удалось скрыться!

Брысь не верил в простые совпадения, а потому догадался, что речь идёт об их ночном приключении. Вот тебе и «турист»!

— Сколько убитых?

— Э-э-э, никаких.

— И кто же оказался столь силён и ловок, что вынудил моих бравых гвардейцев спасаться бегством? — не скрывая сарказма, обратился кардинал к командиру своих солдат.

— Начальник отряда уверяет, что лиц в темноте они не разглядели, но нападавших было четверо и дрались они не по правилам!

— Что это значит?

— Царапались и кусались, Ваше Высокопреосвященство!

Брови кардинала поползли вверх, и он в изумлении заставил де Жюссака повторить сказанное, а затем несколько минут молча расхаживал по кабинету.

— Арестовать! — отрывисто бросил он наконец. — Всех, кто участвовал в засаде! За трусость и государственную измену!

— Слушаюсь, Ваше Высокопреосвященство! — де Жюссак поклонился.

Вообще-то, это он посоветовал начальнику отряда не указывать в рапорте истинной причины неудачи, полагая, что упоминание о трёх котах и собаке, разрушивших расставленную Бекингему ловушку, сильно отразится на дальнейшей карьере гвардейцев. А после столь сурового приговора он тем более поостерёгся высказывать свои, основанные на печальном опыте, подозрения по поводу «личностей» нападавших.

Было и ещё кое-что, не позволившее де Жюссаку высказаться: кардинал Ришелье славился любовью к представителям мяукающего племени, а потому никто не отважился бы бросить хоть одно обвинительное слово в их адрес. В особняке проживало не менее десятка котов и кошек всевозможных мастей, и кто-то из них постоянно крутился вокруг длинной сутаны, или лежал на каминной полке, или сидел на столе среди важных бумаг, или цеплял проходящих лапой из-за портьер. Окружающим при этом вменялось в обязанность гладить кардинальских любимцев и умиляться их шалостям.

Вот и сейчас командир гвардейцев вынужденно улыбнулся, когда один из котят стал карабкаться по нему, прорыкая ткань острыми коготками. Малыш остановился, лишь добравшись до плеча, после чего двинулся вниз тем же маршрутом.

Сочувственно покосившись на де Жюссака, граф Рошфор продолжал доклад:

— Верная интересам Франции камеристка королевы уверяет, что герцог увёз с собой драгоценности её величества — двенадцать алмазных подвесок!

Ришелье опять надолго задумался.

— Вызовите ко мне Миледи!

Неужели ту самую?! Знаменитую шпионку! Подушечки лап «секретного агента»

взмокли от предвкушения встречи с профессионалом. И надо же было так удачно «зайти»!

Пока Брысь выслеживал, подслушивал, вынашивал планы и мечтал о встрече с настоящей шпионкой, Рыжий добросовестно исполнил порученное ему дело. Сначала — ту его часть, что касалась Савельича.

Домчавшись до дома Арамиса, он воспользовался обильными побегами, услужливо развесенными плющом, и перемахнул во внутренний садик. Философа долго искать не пришлось — он чёрным бугорком возвышался среди травы в центре солнечного пятна и дремал. Однако по дрогнувшим кончикам ушей приятеля Рыжий догадался, что его появление не прошло незамеченным.

Открывать глаза Савельичу было лень, тем более что после возвращения с ночной «экскурсии» поспать не удалось — в гостиной звучали голоса: мужской, принадлежащий мушкетёру, и женский. Сначала-то он подумал, что красавчик Арамис привёл сердечную подружку, но по отдельным узнаваемым французским словам понял, что беседа касается не любви, а политики, точнее — некой дворцовой интриги, в которой замешаны королева Анна Австрийская и английский лорд-герцог Бекингем. Молодая женщина являлась доверенным лицом и подругой её

величества, а потому ей грозила опасность со стороны кардинала, и, судя по дорожному костюму, путь её лежал за пределы Парижа...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Анна Австрийская (1601–1666) – супруга короля Франции Людовика XIII с 1615 г. «Австрийская» означает принадлежность к династии Габсбургов, австрийской по происхождению. Дочь испанского короля Филиппа III и его жены Маргариты Австрийской. Во Франции проводила происпанскую политику, поддерживала заговоры против кардинала Ришелье.

Двадцать три года её брак с Людовиком XIII был бездетным. В 1638-м и 1640-м Анна родила двух сыновей: будущего Людовика XIV и Филиппа I Орлеанского. В 1643–1651 гг. была регентом при малолетнем Людовике XIV, фактически государством управлял Джулио Мазарини, назначенный ею первым министром. После смерти Мазарини в 1661 г. удалилась в монастырь Валь-де-Грас.

Джордж Вильерс, 1-й герцог Бекингем (1592–1628) – английский государственный деятель, фаворит и министр королей Якова I и Карла I Стюартов. В 1620-х выступал за агрессивную внешнюю политику Англии, поддерживал идею вступления страны в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантских князей. Считается, что именно политика Бекингема привела к неудачным войнам с Испанией (1625–1630) и Францией (1627–1629). 23 августа 1628 г. был смертельно ранен Джоном Фэлтоном, бывшим военным, который проник в его апартаменты в Портсмуте.

Глава 19

РЫЖИЙ И САВЕЛЬЧ ВЫПОЛНЯЮТ ЗАДАНИЕ

«Ах, как всё-таки жаль, что я не до-
читал роман!» – в очередной раз посетовал
Савельич, пытаясь сложить картинку из раз-
розненных кусочков знаний о Франции, об-
наружившихся в его умной голове. Он даже
вспомнил их источник – «зубрилку» Свету,
студентку исторического факультета Петер-
бургского государственного университета.

Все пять лет учёбы она готовилась к лет-
ней сессии в его Саду. Видимо, жила непо-
далёку. Общество философа её не обременяло,
и девушка всегда делилась с любознательным
котом принесёнными из дома бутербродами.
И если бы не дожди, которые периодически
мешали их занятиям, в памяти Савельича во-
обще не было бы пробелов, касающихся чело-
веческой истории.

По всему выходило, что период царствова-
ния Людовика XIII пришёлся на солнечную
погоду, поэтому и всплывают столь необхо-
димые сведения. Наверняка хорошенъкая го-
стя Арамиса – герцогиня де Шеврёз, участ-
ница многих заговоров при дворе короля
и ярая противница его высокопреосвященства.

Про лорда Бекингема Савельич помнил лишь, что тот был поочерёдно министром двух королей, Якова I и Карла I. Что связывало высокородного англичанина с французской королевой — вот вопрос, над которым размышлял философ, греясь в лучах солнца и вдыхая пряные ароматы земли и травы (как будто и не отлучался никуда из Летнего сада!).

Неожиданное появление Рыжего книгочея воспринял сначала как досадную помеху и даже хотел притвориться спящим, но пушистый приятель разгадал его манёвр и заговорил, не дожинаясь, когда Савельич откроет глаза. Впрочем, рассказ о похищенной квартирной хозяйке Брыся, её чудесном освобождении, о драке с гвардейцами и о поручении Д'Артаньяна заставил философа вскочить на все четыре лапы — оказывается, кроме него, никто и не думал отдыхать!

— Скорее, пока Арамис снова не ушёл! — воскликнул Савельич, мгновенно сбросив остатки дрёмы.

Надо сказать, что мушкетёр проводил дома довольно мало времени, занятый какими-то секретными делами. И сейчас он уже надевал шляпу, чтобы отправиться к Д'Артаньяну и поведать ему о том, что удалось узнать о жене галантёйщика и её причастности к тайной встрече её величества и лорда Бекингема в Лувре, под самым носом короля и кардинала, а также предостеречь юного гасконца

от необдуманного вмешательства в судьбу молодой женщины.

Увидев преградивших ему путь котов, Арамис задумался: вид у обоих был такой, словно они хотели сообщить нечто важное. Он осторожно открыл входную дверь — зверьки выскочили на улицу и, отбежав на несколько шагов, оглянулись.

Решив довериться новым друзьям, мушкетёр двинулся за ними и вскоре оказался у дома Портоса. Богатырь в одиночестве скучал от отсутствия новостей, а потому с радостью согласился последовать за необычными проводниками, тем более что те привели не куда-нибудь, а к любимому кабачку «Сосновая Шишка».

— Вряд ли они хотят, чтобы мы угостили их бургундским, — проворчал не любивший загадок Портос.

— Да, думаю, нам предстоит дожидаться здесь наших товарищей, — предположил Арамис, усаживаясь за их обычный стол.

Не успел Портос сделать то же самое, как в зал вбежал слуга Д'Артаньяна, за которым понуро вышагивал пёс.

«Не к добру всё это!» — одновременно подумали мушкетёры и оказались правы — задыхаясь от волнения, Планше сообщил, что гвардейцы арестовали Атоса!

— Как это произошло?! — хором вскричали друзья.

А Савельич и Рыжий укоризненно обратились к Мартину:

— Как ты такое допустил?!

Несчастный пёс поведал, что возле дома галантерейщика они с Атосом наткнулись на засаду. Правда, гвардейцы поджидали Д'Артаньяна, но благородный хозяин почему-то позволил им себя увести, приказав Мартину не вмешиваться.

— Может, ты его неправильно понял? Ты же ещё плохо знаешь французский! — горячился Рыжий.

Мартин вздохнул — эта мысль ему самому не давала покоя, но Атос так выразительно покачал головой, когда он оскалил пасть и собрался перекусать всех, на ком была красная накидка, что пришлось сдержаться и позволить гвардейцам забрать красивую шпагу мушкетёра, а затем и его самого...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ:

Герцогиня де Шеврёз Мари Эме де Роган-Монбазон (1600–1679) – представительница высшей французской аристократии, одна из центральных фигур в придворных интригах первой половины XVII века, первая фрейлина королевы (с 1618 г). Неоднократно её удаляли от королевского двора за потворство связи Анны Австрийской с герцогом Бекингемом, за планы сместить Людовика XIII с трона, за передачу Испании выкраденных государственных тайн, за организацию переписки Анны Австрийской с испанским королём, враждебным Франции, за участие в заговорах против Ришелье и Мазарини.

Глава 20

БРЫСЬ УЗНАЁТ МНОГО НОВОГО

После ухода де Жюссака и графа Рошфора в кабинете установилась тишина, нарушаемая лишь скрипом гусиного пера и вознёй котят. Вскоре, однако, двери снова распахнулись, и дежурный офицер объявил, что доставили арестованного, того, кто помог скрыться госпоже Буанасье. Брысь чуть не подпрыгнул от неожиданности, рискуя выдать своё местоположение, но вместо юного гасконца в кабинет ввели... Атоса!

Кардинал мельком взглянул на мушкетёра и снова погрузился в бумаги. Лишь сухой тон, которым он, не поднимая глаз, обратился к сопровождавшему пленника гвардейцу, выдал с трудом сдерживаемую ярость:

— Вы кого привели?!

Офицер растерялся и, запинаясь, пояснил:

— Господина Д'Артаньяна...

— Д'Артаньян — всего лишь кадет Академии, о чём вам прекрасно известно! Так как же вы могли не узнать мушкетёрский плащ?! — всё больше вскипал Ришелье.

— Но он подтвердил, что его так зовут! — пытался оправдаться подчинённый.

Его высокопреосвященство вопросительно посмотрел на Атоса.

Тот со спокойной улыбкой сообщил, что всего лишь не стал разубеждать господ гвардейцев в их заблуждении.

Кардинал поднялся из-за стола (он оказался высокого роста, ничуть не ниже статного мушкетёра) и, не спуская с рук белого котёнка, в задумчивости прошёлся по кабинету.

— Вы пытаетесь выиграть для вашего друга время, господин Атос, граф де Ла Фер?

Услышав громкий титул, Брысь тут же вспомнил герб на серебряном ларце — ничего себе, целый граф!

Ришелье между тем продолжал:

— Для чего же, позвольте спросить?

Он остановился прямо перед арестованым. Котёнок тоже попытался вывернуть крошечную шейку, чтобы посмотреть, с кем беседует тот, кого он считал папой. Так что на Атоса уставились две пары глаз: с гордой надменностью — карие — и с ласковой бесполковостью — голубые.

— Не для того ли, чтобы помочь скрыться беглянке, этой интриганке Констанции Буанасье, а возможно, и кое-кому более высокородному?

— Ума не приложу, о чём Вы изволите говорить, Ваше Высокопреосвященство! — всё так же непринуждённо (а главное, искренне, поскольку был не в курсе произошедших в доме Д'Артаньяна событий) ответил мушкетёр.

Маленькая белая лапка потянулась к завязкам его кружевного воротника, но повисла в воздухе — далековато...

— Что ж, я не могу задерживать вас только за глупость моих подчинённых (последовал уничтожающий взгляд в сторону красного, как шёлковые портьеры, гвардейца), но предупреждаю — не играйте с огнём! И передайте вашим друзьям, что нам совсем не обязательно ссориться, а вашему капитану, господину де Тревилю, лишаться своих лучших солдат! — с этими словами кардинал вновь уселся за письменный стол, а сгорающий от стыда офицер вернул Атосу шпагу и проводил его к выходу.

Чтобы быстрее добраться до кабачка «Сосновая шишка», в котором, как успел шепнуть Планше, собрались друзья, мушкетёру пришлось взять наёмный экипаж, из тех, что уже около пяти лет колесили по Парижу, заменив собой носилки и за пять су доставляя пассажиров в любую точку города.

Впрочем, Брысь не увидел, как Атос разместился в коляске и каким внимательным взглядом проводил въехавшую во двор кардинальского особняка карету с золотыми вензелями на дверцах. Он не последовал за подопечным Мартина (сам пёс называл его «хозяином», что было выше кошачьего понимания): искателю приключений непременно хотелось увидеть прекрасную Миледи!

За дверью кабинета послышались стремительные лёгкие шаги, и почти сразу же в комнату вошла молодая женщина. Копна белокурых выьющихся волос и нежной голубизны глаза, по мнению Брыся, никак не вязались со славой хитроумной кардинальской шпионки. Шурша длинными юбками, она приблизилась к Ришелье, присела в реверансе и прикоснулась губами к унизанной перстнями руке его высокопреосвященства. К Миледи тут же кинулись два котёнка, но по пути отвлеклись на хвостики друг друга и покатились по ковру весёлым клубком.

— Какие будут приказания, монсеньор? — раздался мелодичный голос, словно кто-то позвонил в хрустальный колокольчик.

Кардинал, всё ещё раздражённый полученными недавно известиями, ответил резко:

— Немедленно отправляйтесь в Лондон, каким угодно образом срежьте две из двенадцати подаренных королевой Анной этому высокочке Бекингему алмазных подвесок и привезите мне!

Не задавая лишних вопросов, Миледи вышла, а вскоре стих и дробный стук колёс её кареты по булыжной мостовой.

Расстроенный скоротечностью беседы, не позволившей перенять хоть каплю ценного шпионского опыта, Брысь задумался о странности поручения, с которым Ришелье отправил Миледи в Англию. Зачем портить хоро-

шую вещь? Неужели из вредности?! Но потом «секретного агента» осенило – а увёз ли герцог подарок её величества? Не лежат ли алмазные подвески в коробочке синего бархата, тщательно закопанной на пустыре под лопухами? Нужно срочно проверить – если Мартин разгрыв крышку от бутылочки с эликсиrom перемещения, то и с футляром легко справится!

Брысь хотел уже спрыгнуть с подоконника в сад, но услышал, как кардинал велел закладывать экипаж, чтобы ехать в Лувр. Искушение изучить содержимое письменного стола его высокопреосвященства оказалось слишком велико, а потому искатель приключений решил немного задержаться «в гостях» у Ришелье.

Он дождался, когда слуги вынесут из опустевшего кабинета кошачье семейство, и скосился на узорный паркет...

Глава 21 В «СОСНОВОЙ ШИШКЕ»

В кабачке Атос появился почти одновременно с Д'Артаньяном, так что их друзья смогли наконец спокойно выдохнуть, после чего забросали вновь прибывших нетерпеливыми вопросами.

История Атоса была короче, а потому он и начал, в свойственной ему скрупной манере изложив суть произошедшего и слово в слово

передав предупреждения де Тревиля, а затем и кардинала.

— Но как же стражники, с которыми я лично дрался, не смогли распознать, что вы не я? — удивился Д'Артаньян.

— Единственное разумное объяснение, которое приходит мне на ум, так это то, что вы, любезный друг, слишком сильно согрели их табуреткой, что повлияло на память несчастных! — весело предположил Арамис.

— Наверное, вы правы! Но не моя вина, что у господина Буанасье такая тяжёлая мебель! — рассмеялся юный гасконец и вдруг вспомнил про своего посланца: — А где мой кот?

Он заглянул под стол, где смирными калачиками лежали Савельич и Рыжий (Мартин с появлением «хозяина» не отходил от него ни на шаг и сейчас сидел рядом, положив крупную голову на колени мушкетёру и не отводя преданных глаз от его лица).

Портос и Арамис пожали плечами, Атос же последний раз видел серо-белого в особняке капитана.

— Действительно, куда он запропастился? — проворчал Савельич. — Нутром чую, что вляпается во что-нибудь, а нам его спасать!

Арамис успокаивающе похлопал Д'Артаньяна по плечу:

— Не переживайте, друг мой! Вернётся! Лучше выкладывайте, почему сияете, как новый клинок.

Гасконцу и самому не терпелось поделиться новостями, и он, торопясь, а потому немного скомканно, поведал о сбежавшей от похитителей девушке («Жаль! Не получим обещанных пистолей!» – добродушно проворчал Портос), о том, как спас её от засады, как отвёл на квартиру к Атосу (у благородного мушкетёра удивлённо приподнялись брови – знал бы кардинал, что отпустил «укрывающиеся преступницы!») и как бегал в Лувр, чтобы встретиться с камердинером самой королевы.

Арамис, слушавший восторженное повествование Д'Артаньяна внимательнее других, загадочно улыбнулся:

– Друг мой! Значит, главного вы не знаете! Поздравляю, ваша избранница (смуглое лицо юного кадета зарделось от смущения) умеет хранить тайны, а это весьма полезное качество в наше время. (Глаза присутствующих тут же вперились в Арамиса.) А дело в том, что сегодня ночью не без помощи кастелянши её величества состоялось свидание королевы с лордом Бекингемом, прибывшим во Францию по подложному письму. Оно должно было стать ловушкой для герцога – на выходе из Лувра поджидали гвардейцы, однако, – Арамис выдержал таинственную паузу, – на солдат напали четверо неизвестных, и в суматохе жене галантейщика и англичанину удалось скрыться. Правда, госпожу Буанасье вскоре схватили возле её собственного дома, но,

по вашим словам, дама оставила похитителей с носом!

Атос, задумчиво нахмурив брови, обратился к Д'Артаньяну:

— За помощь в таком деле будет грозить не Бастилия, а Грэвская площадь! Мой вам совет — держитесь подальше от дворцовых тайн. И не забывайте — мы служим королю, а в этой интриге он — пострадавшая сторона.

Ученик мушкетёров опечалился. Правда, больше из-за того, что красавица не сочла влюблённого юношу достойным полного доверия и что не ему выпала честь защитить её ночью от засады.

— Интересно, кто были те четверо? — уныло пробормотал он.

— Скорее всего, охрана герцога. Да не всё ли равно? Давайте лучше поедим! — предложил вечно голодный Портос, аппетит которого ещё больше разыгрался от пережитого волнения.

— Простите, дорогой Атос, что подверг вас опасности, отведя Констанцию в ваш дом! — в голосе юноши звучало отчаяние.

— Не думаю, что госпожа Буанасье всё ещё там, иначе зачем бы она просила вас сообщить её крестному Ла Порту о своём местонахождении?

Атос оказался прав. Со слов Гримо, за молодой женщиной приехала карета и увезла её.

На улицу Могильщиков молодой гасконец возвращался со слабой надеждой, что хотя бы

кот уже дома, но Планше, встретивший хозяина в прихожей, отрицательно помотал головой. Зато целым и невредимым объявился галантрейщик. Он скромно поинтересовался, нет ли новостей об исчезнувшей супруге. Д'Артаньян солгал:

— Увы, пока ни малейшей зацепки!

Юному кадету показалось странным, что господин Буанасье так быстро и легко отдался от его высокопреосвященства — уж не вызвался ли он самолично следить за женой, если та вдруг появится, а заодно и за квартирантом, оказавшим содействие беглянке?

И где всё-таки серо-белый ангел-хранитель? Не нуждается ли он сам в помощи?

Брысь в помощи не нуждался. Он был занят исследованием кардинальского стола. Особое любопытство «секретного агента» вызывал выдвижной ящик, в который Ришелье перед уходом сложил бумаги. Аккуратно просунув коготок в щёлку, Брысь потянул ящик на себя — щёлка увеличилась и превратилась в щель, куда легко просунулась лапа.

Подцепив верхний листок, искатель приключений вытащил на свет исписанную мелким почерком страницу и принял разбирать витиеватые закорючки. То, что он прочёл, сначала его удивило, потом развеселило, а в конце концов повергло в глубокие размышления...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Бастидия – изначально крепость в Париже, построенная в 1370–1381 гг., и место заключения государственных преступников.

Гревская площадь расположена перед ратушей, считается одной из самых старых площадей Парижа. Долгое время она была местом публичных казней.

Глава 22 ТАЙНА РИШЕЛЬЕ

*Решился наконец – пишу...
Признаюсь, я едва дышу...
Дражайший выдаю секрет
И нарушаю свой обет...
Сомненья прочь -
Уйду от них!
Себе признаюсь – некрасив...
Ты ж – идеал и божество!
Где силы взять на торжество?..
Соперника повергнут в ночь, но...*

Дальше было зачёркнуто, а в самом низу страницы красовался жирный восклицательный знак, причём поставленный с такой яростью, что вместо точки на бумаге образовалась дырочка, и Брысь, подцепив листок коготком, задумчиво посмотрел через неё на кардинальский кабинет.

Ну дела! Ведь это не что иное, как любовный стих! Вот только кому он адресован? В любом случае совсем не то рассчитывал обнаружить «секретный агент» в бумагах Ришелье!

Он снова запустил лапу в щель, надеясь выудить какой-нибудь более стоящий документ, и вдруг нащупал на внутренней стенке рычажок. Нажал — из-под ящика выдвинулся ещё один, узкий, а в нём — небольшой портрет молодой женщины, написанный маслом: нежное лицо с большими тёмно-кариими (как у Мартина!) глазами обрамляли завитые в тугие локоны густые светлые волосы, украшенные диадемой, а слегка выпяченная нижняя губка придавала облику незнакомки капризность и вместе с тем особое очарование.

Можно было смело предположить, что это и есть Муза его высокопреосвященства, которой он посвятил литературную попытку.

Брысь опять нажал на рычажок, и портрет задвинулся на место.

Внимание искателя приключений привлекла красивая шкатулка из ценных пород дерева, с бронзовыми фигурками гончих и охотника с ружьём. Опять использовав острые коготки, «секретный агент» попытался открыть крышку, но та не поддалась. Пришлось сдвинуть упрямую вещицу на край стола и сбросить — шкатулка ударила о позолоченную голову льва, венчающую

подлокотник кресла, распахнулась и оказалась чернильным прибором. По паркету веером рассыпались остро отточенные гусиные перья и растеклось коричневое пятно (не забыть спросить у Савельича, из чего делались чернила, чтобы получался такой необычный цвет!).

За дверью послышались шаги. Брысь, поторопившись спрыгнуть, угодил в сотворённую им лужу и помчался к окну – за ним потянулись тёмные следы.

Меньше чем через час он уже был на ступеньках деревянной лестницы, ведущей в их с Д'Артаньяном мансарду.

Юный гасконец обрадовался своему хвостатому другу и, чтобы «отметить» его возвращение, приобрёл в галантерейной лавке господина Буанасье четыре кожаных ремешка (в счёт будущей платы за содействие в «поисках» супруги): три узких дамских и один широкий мужской. Из них ученик мушкетёров соорудил ошейники для «ангелов-хранителей», выцарапав ножом имена и адреса владельцев.

Почувствовав на шее новый знак отличия, Брысь тут же пожалел, что в их комнате нет зеркала, и завертелся, стараясь изогнуться так, чтобы увидеть хоть краешек.

– Не нравится? Жмёт? – неправильно истолковал его поведение Д'Артаньян и протянул руку, чтобы ослабить застёжку.

Испугавшись, что гасконец снимет украшение, Брысь метнулся к выходу и, проскочив мимо Планше, снова выбежал на улицу. Короткие южные сумерки, как всегда неожиданно, превратились в ночь, а потому можно было смело двигаться в садик Арамиса, на ежевечернюю встречу с друзьями. Тем более что ему не терпелось поделиться пережитым в одиночку приключением и первым похвастаться кожаной обновкой.

Глава 23

ДРУЗЬЯ РАЗГАДЫВАЮТ ТАЙНЫ

«Надо же, обзавёлся новым ошейником!» – порадовалась за серо-белого знакомца Луна и подсветила лучом тёмный переулок. Она немного переживала, что появление прицельцев из реального мира нарушит привычное течение романа, но зато теперь еженощная служба обещала разнообразие и непредсказуемость – хоть какая-то награда за бесконечный труд, на который обрекали её писатели и поэты.

Брысь задрал голову – звёзд больше, чем конопушек на носу у Сашиного одноклассника – создателя перемещателя! (Грустные мысли о маленьком Саше, который, вдобавок ко всему, лишился любимого пса, Брысь прогонял прочь, надеясь на благополучный

исход необычного даже для него, бывалого путешественника во времени, приключения!) Небо смотрело вниз большим жёлтым глазом, абсолютно круглым, и подсказывало путь — не знал, наверное, что коты и так прекрасно видят.

Быстро домчавшись до места, Брысь ловко перебрался через забор и громко позвал Савельича.

— Чего кричишь? — ворчливо откликнулся философ, пытаясь скрыть радость, что не-поседливый друг цел и невредим. Книгочай уже давно сидел во внутреннем дворике и поджидал приятелей.

Привлечённый шумом, в сад выглянул слуга Арамиса.

— О, у тебя гости! — дружелюбно воскликнул он, узнав питомца Д'Артаньяна.

Базен скрылся в доме, но через пару минут снова появился — с миской молока.

— Слушай, а почему он всегда в чёрном? — заинтересовался Брысь.

— Потому что он из провинции Беарн, где все протестанты, их ещё называют гугенотами. Чёрный — их отличительный цвет, — важно ответил Савельич, хотя сам не вполне отчётливо понимал разницу между религиозными течениями. Вообще, человеческая вера представлялась ему в виде могучего дерева, где ствол — некая объединяющая Истина, а религии — ветви. Вырастая, они всё

больше удаляются друг от друга, а главное, от Истины...

Изумрудные глаза Савельича затуманились раздумьями, и Брысь пожалел о своём вопросе, потому что его рассказ требовал от философа внимания и полной концентрации.

Словно почуяв запах молока, появился Рыжий, а вскоре по каменной ограде заскрёб когтями Мартин. Жалобное поскуливание красноречиво намекало на ошибку с выбором места встреч: никому не пришло в голову, что пёс не сможет одолеть высокий забор! Пришлось перенести беседу за пределы садика.

Продемонстрировав друзьям новый кожаный знак отличия, Брысь великодушно открыл секрет, что и у них появятся такие же, потому что Д'Артаньян соорудил ошейники на всех. Закалённое одинокой уличной жизнью сердце Савельича дрогнуло — оказывается, приятно не только самому чувствовать себя частью семьи, но чтобы и окружающие об этом знали.

Рыжий, хоть и являлся с рождения дворцовым мышеловом, ошейника никогда не имел, а потому с нетерпением стал ждать, когда на него нацепят такое замечательное украшение.

И только Мартин печально вздохнул, опять вспомнив прежних хозяев и тот день, когда мама Лина любовно надела на него ремешок с номером своего телефона...

Наконец Брысь приступил к изложению подробностей визита к кардиналу, и друзья сразу простили ему отсутствие в «Сосновой Шишке», когда им так требовались услуги переводчика.

Как только «секретный агент» замолчал, все взгляды обратились на Савельича — приятели рассчитывали, что за умным чёрным лбом уже созрели комментарии.

Савельич покопался в своих энциклопедических знаниях и уцепился за крошечную деталь повествования Брыся, на которую никто и внимания-то не обратил, — выпяченную нижнюю губку дамы с портрета в потайном ящике. Отличительную черту представителей династии Габсбургов, из которой происходила мать Анны Австрийской.

Перебивая друг друга, Брысь и Савельич принялись «разматывать клубок»: королева Франции — тайная любовь кардинала Ришелье, а соперник, которого должны были «погрнуть в ночь», чему помешали зубы и когти «экскурсантов», — герцог Бекингем, английский лорд и первый министр!

— Ну и ну! — только и смогли выговорить Мартин и Рыжий. — А зачем кардиналу две подвески? — смущённо напомнили они об оставшейся без ответа загадке.

— Может быть, на память? Ему-то Анна Австрийская ничего не подарила! — высказал

Брысь предположение, казавшееся самым разумным.

Савельич отрицательно покачал головой:

— Мне кажется, за этим кроется какая-то интрига против королевы!

— Против любимой женщины?! — воскликнул неопытный в сердечных делах Брысь.

Философ вздохнул:

— Эх, Ваня! Люди бывают очень мстительны!

— Тогда тем более нужно проверить футляр и вернуть её величеству драгоценности, если они там!

Глава 24

ДРУЗЬЯ СОБИРАЮТСЯ СДЕЛАТЬ ДВА ДОБРЫХ ДЕЛА

Друзья помчались к монастырю, а следившая за ними Луна переместила луч, озабоченная спешкой. «Кажется, я что-то пропустила!» — подумала она, когда все четверо углубились в таинственные раскопки под одним из высокорослых лопухов. Вскоре показалась плоская коробочка, которую (о ужас!) пёс взял в зубы и сжал в челюстях.

Почти в то же мгновение луч, многократно умноженный алмазными гранями, вернулся и ослепил ночное светило, так что на

далнейшее Луне пришлось смотреть сквозь облако, чтобы привыкнуть к нестерпимому блеску. «Неужели это те самые подвески, которые по сюжету должны находиться на большом острове, через пролив от страны, где разворачиваются события романа?!» Луна вздохнула – её опасения начинали сбываться!

– Ух ты! – хором воскликнули пришельцы из реального мира, когда на траву выпало содержимое футляра. Только Брысь сохранил хладнокровие – он, как бывший Придворный Кот, видел и не такое.

Тут же разгорелся спор, кому из мушкетёров доверить передачу подвесок её величеству.

– Атосу! Он самый умный и благородный! – заявил Мартин.

– Портосу! Он самый сильный и модный! – не согласился Рыжий.

– Арамису! У него есть связи во дворце! – аргументировал своё предложение Савельич.

Конец препирательствам положил Брысь, напомнив, что именно его квартирная хозяйка является в этой истории доверенным лицом королевы и именно его подопечный в неё влюблён, а потому драгоценности, несомненно, следует передать Д'Артаньяну, сделав таким образом сразу два добрых дела: они помогут её величеству, а гасконец завоюет сердце красавицы кастелянши.

Признав правоту приятеля, компания направилась на улицу Могильщиков. Возглавлял процессию Мартин, который торжественно нёс в пасти алмазные подвески Анны Австрийской. За ним семенил эскорт из котов, довольных благополучным исходом запутанной истории человеческих взаимоотношений.

Возле дома друзья заметили женскую фигурку в плаще с капюшоном. Брысь узнал в ней разыскиваемую гвардейцами Констанцию Буанасье. Молодая женщина увлечённо занималась тем, что подбирала мелкие камушки с мостовой и бросала их в стену. «А! Это она просто не может попасть в окно нашей мансарды!» — догадался «секретный агент» и, оставив друзей ждать в сторонке, подбежал ближе...

Кардинал возвращался в свой кабинет в особняке на улице Добрых Детей. По пути из Лувра он заехал в приобретённое им недавно поместье Анжен, расположенное прямо напротив северного крыла королевской резиденции, и посмотрел, как продвигается строительство дворца. Пале Кардиналь обещал стать самым великолепным зданием Парижа.

О, какие роскошные приёмы он сможет устраивать в этих грандиозных залах, какие балы в честь её величества! Ришелье закрыл глаза и представил, как прекрасная ручка Анны Австрийской опускается на его ладонь

и они скользят в плавном менуэте по узорам ценнейшего паркета... Возможно, тогда гордая испанка разглядит за кардинальским саном влюблённого мужчину?!

Как жестоко обошлась с ним судьба! Когда-то Арман Жан дю Плесси де Ришелье, младший сын родовитого дворянина, мечтал о блестящей карьере военного, но обстоятельства сложились так, что после смерти отца семья оказалась в финансовых тисках и ему пришлось в семнадцать лет сменить мундир на сутану...

Ришелье переступил порог кабинета. Ещё не осознав, отчего так тревожно сжалось сердце, он приблизился к письменному столу и увидел валяющуюся на полу в коричневой подсохшей лужице шкатулку — чернильный прибор, подаренный ему королевой на прошлый день ангела.

Но самое неприятное открытие ждало впереди — кто-то рылся в его бумагах!

Его высокопреосвященство взял в руки листок с посвящённым Анне стихотворением. Он совершенно точно помнил, как убирал его в ящик! Быстрым привычным движением Ришелье нажал на потайной рычажок — портрет на месте! Кардинал задержался взглядом на тёмных, почти чёрных глазах (в отца-испанца!), с вызовом смотревших на него, и прошептал:

— Подождите, Ваше Величество! Последнее слово ещё не сказано!

...Сегодня, во время встречи с Людовиком, он тонко намекнул на «слухи» касательно свидания Анны Австрийской с английским герцогом и сделанного Бекингему поистине королевского подарка.

— Вы имеете в виду те алмазные подвески, что Мы преподнесли её величеству? — возмущённо воскликнул обманутый муж.

— О, я подчёркиваю, всего лишь слухи, и есть прекрасный способ положить им конец! — поспешил «успокоить» Людовика кардинал.

— Какой же?

— Очень простой и приятный! Скоро состоится Мерлезонский бал, который устраивает мэрия Парижа в честь Ваших Величеств! Попросите королеву надеть на это торжество подвески, и все увидят, что это были лишь сплетни злопыхателей!

О нет! Он не собирался мстить Анне, выставляя напоказ её неверность! Уверенный, что она пошлёт гонца в Лондон и Бекингем вернёт подарок, кардинал надеялся оказать её величеству неоценимую услугу, предложив недостающие алмазы, когда обнаружится пропажа, и тем самым смягчить неприступное сердце...

Ришелье перечитал стихотворное послание. На первый взгляд, ничто в нём не указывало на «предмет» его обожания. Внимательно изучив отпечатки и проследив их путь

до подоконника, он немного успокоился. В конце концов, в кабинет мог забраться кто-то из его домашних любимцев, а листок он, вероятно, всё-таки забыл на столе...

Однако ночью кардинала мучили кошмары: коты, почему-то одетые в голубые мушкетёрские накидки, не давали ему приблизиться к королеве, чтобы вручить подвески. Царапались и кусались...

Глава 25

ПЕРЕДАЧА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Господину де Тревилю не пришлось выказывать рискованного интереса к судьбе королевской кастелянши, потому что утром его мушкетёры в полном составе явились на службу. Включая неразлучную троицу, бывшую постоянным источником хлопот, но оттого ещё более любимую и составляющую предмет особой гордости. И хотя лицо Атоса было, как всегда, непроницаемым, капитан одному ему известным способом определил, что вопрос с похищением разрешился. Это подтверждала и сияющая физиономия Портоса, и тонкая ухмылка Арамиса, но главным доказательством послужила кислая улыбка кардинала, которую тот с трудом выдавил при встрече.

Предшествовало тому несколько событий...

Констанция очень обрадовалась «дрессированному» питомцу Д'Артаньяна. Вот уже несколько минут она безуспешно пыталась вызвать юного гасконца, кидая камушки в его окно, но они упрямо летели мимо цели. А ей срочно требовалась помощь влюблённого храбреца!

Погладив серо-белого зверька по бархатной спинке, молодая женщина чуть ли не по слогам произнесла:

— По-жа-луйста! Позови хо-зяина!

Брысь оскорбился: во-первых, он не туница, чтобы говорить с ним подобным образом, а во-вторых, Д'Артаньян ему не хозяин, а друг!

Важно поднявшись по лестнице, он перескочил на узкий подоконник и протиснулся в специально оставляемую для него щёлку между створками.

Комната наполнял молодецкий храп, хотя юноша намеревался провести ночь без сна, в думах о возлюбленной, выказавшей ему так мало доверия.

В этот раз Брысь не стал тратить время на щекотания и покусывания, а сразу вылил на спящего воду из кувшина.

— Что? Кто? Зачем? — бессвязно забормотал Д'Артаньян, вскакивая, но, увидев кота, облегчённо вздохнул: — Уф, это ты! А я уж думал, ты обиделся на ошейник и покинул меня.

Молодой человек хотел приласкать зверька, но тот уклонился от объятий и выжидающе замер у двери на внешнюю лестницу. Пришлось ученику мушкетёров просыпаться окончательно, чтобы правильно истолковать поведение питомца.

Юноша выбежал на улицу, а при виде Констанции сразу позабыл обиды и выразил готовность следовать хоть на край света, если того потребует прелестная хранительница королевских тайн. Она и потребовала, вернее, передала просьбу её величества, сопроводив слова нежнейшей улыбкой: нужно немедленно отправиться в Лондон и привезти футляр с алмазными подвесками.

Умереть от восторга юному гасконцу помешала мысль, что на исполнение столь ответственного поручения необходимы деньги, а их-то как раз и нет. Однако предусмотрительная кастелянша вручила ему кольцо с крупным рубином, снятое перед тем Анной Австрийской со своей холёной ручки, поскольку наличностью французская королева не располагала.

— Вот, возьмите! Обменяете утром на пистоли! — прошептала Констанция. — Через две недели состоится Мерлезонский бал. Если вы не успеете вернуться к этому сроку, её величество погибнет, а с ней и... Ай!

Последний возглас вырвался у госпожи Буанасье, когда из темноты вынырнула круп-

ная собачья морда. Из пасти свисали атласные ленточки, на концах которых в лунном свете сверкали... большие бриллианты!

— О, не бойтесь! Это пёс моего друга Атоса! — поспешил успокоить молодую женщину гасконец.

— А что он держит? — всё ещё дрожа от страха, указала красавица на переливающиеся всеми цветами радуги камни.

Д'Артаньян протянул руку, и Мартин с удовольствием выплюнул надоевшее ему сокровище.

— Алмазные подвески! — ахнула Констанция, узнав в обслонявшей кучке драгоценности королевы. — Но откуда?!

Брысь и его товарищи скромно молчали, хотя и преисполнились гордости за содеянное.

Собака и три кота! Госпожа Буанасье вспомнила события прошлой ночи.

— Так это были ваши друзья! — восторженно обратилась она к Д'Артаньяну и, заметив его растерянность, рассказала о вмешательстве животных, которое помогло лорду Бекингему избежать расставленной кардиналом ловушки. — Вероятно, в суматохе герцог выронил футляр с подвесками! Ах, какое счастье, что именно вы нашли их! — Констанция прижала к себе и расцеловала каждого, включая молодого гасконца. Ему достался особенно нежный и долгий поцелуй!

- Прощайте! Нужно передать её величеству радостную весть!
 - Я провожу вас! – воскликнул юноша.
- Но прекрасная кастелянша королевы лукаво тряхнула густыми локонами:
- Спасибо, милый храбрец, но я не одна!
 - Тысяча чертей! Я его знаю?! – тут же схватился за шпагу Д'Артаньян.
- Ответом был тихий ласковый смех:
- Конечно! Это мой крестный господин Ла Порт. Вы встречались сегодня в Лувре!
 - Но разве вам не следует опасаться мести кардинала, ведь вы разрушили его планы? Во дворце вам оставаться опасно!
 - Не беспокойтесь, подвески отнесёт крестный, а я укроюсь в аббатстве Святой Женевьевы, – шепнула Констанция и, ещё раз прильнув к губам молодого гасконца, шагнула в темноту.
 - Когда я увижу вас? – не хотел отпускать любимую Д'Артаньян.
 - Я пришлю весточку, храбрый юноша! И обещайте, что не будете разыскивать меня! – нежный голос звучал всё более приглушённо.
 - Постойте, а кольцо? – нашёл гасконец ещё один предлог, чтобы задержать прелестницу.
 - Оставьте себе! Думаю, это лишь малая плата за столь неоценимую услугу!

Глава 26

БРЫСЬ УЗНАЁТ ВАЖНУЮ ТАЙНУ

У

ченику мушкетёров хотелось громко запеть, или пуститься в пляс, или совершить какое-нибудь безумство от охватившего его счастья, но поскольку шуметь было нельзя, чтобы не привлечь ночной патруль, он схватил Брысся и закружился с ним по мостовой.

— Хорошо, что у котов замечательный вестибулярный аппарат! — проворчал любитель острых ощущений, когда снова почувствовал подушечками лап булыжник, ещё не остывший от дневной жары.

— Друзья мои, вам полагаются подарки! — с этими словами Д'Артаньян, перепрыгивая через ступеньки, устремился в мансарду.

Брысь собрался последовать за ним на слегка заплетающихся конечностях, но юный гасконец уже спускался обратно, держа в одной руке кожаные ремешки, а в другой — шляпу.

— Вот, — торжественно произнёс он, надевая на каждого ошейник, — чтобы все знали, что мы вместе!

Потом, хитро улыбнувшись, Д'Артаньян приложил два пальца правой руки, указательный и средний, к запястью левой:

— Один за всех!

И разрази его гром, если четырёхлапые не повторили за ним этот жест!

Конечно, не в точности, но с тем же смыслом:

— И все за одного!

Водрузив на голову шляпу, кадет воскликнул:

— Утром мы купим вам столько бекона, сколько пожелают ваши замечательные души! А теперь разведу-ка я вас по домам и за одно расскажу друзьям историю с алмазными подвесками!

У Брыся всё ещё кружилась голова, а потому он решил остаться, тем более что и так находился «у себя».

Темнота поглотила гасконца и приятелей, но подняться в мансарду искателю приключений не дал скрип дверных петель — на улицу осторожно высунулся господин Буанасье. Озираясь по сторонам, галантерейщик заспешил куда-то в ночь.

— Не иначе, подслушал и теперь расскажет обо всём Ришелье! — ахнул «секретный агент» и, забыв о головокружении, кинулся следом.

На этот раз окна кардинальского кабинета были плотно закрыты, и какой-либо человеческий шпион остался бы с носом, но кот, способный улавливать тихую мышиную возню за сотни метров, прекрасно рассыпал каждое произнесённое слово.

Господин Буанасье подробно расписал свидание своей супруги с квартирантом, а также четверых их хвостатых «сообщников», чем привёл его высокопреосвященство в раздражённое состояние духа, и после ухода доносчика тот ещё долго оставался в комнате.

Брысю надоело прислушиваться то к отчётливым (по паркету), то к приглушенным (по ковру) шагам, и он собрался вернуться домой, чтобы спокойно подумать, чем могут грозить их скромным персонам сведения, переданные галантерейщиком кардиналу. Однако задержался, потому что Ришелье велел дежурному офицеру вызвать графа Рошфора.

Просидев в розовых кустах без малого целый час, «секретный агент» наконец-то был вознаграждён чрезвычайной важности беседой, состоявшейся в кабинете.

— Срочно отправьте гонца за Миледи! — раздался властный голос его высокопреосвященства.

— Но вряд ли она успела... — осмелился удивиться приказу Рошфор, но Ришелье нетерпеливо перебил:

- Подвесок нет в Англии! Они у королевы!
- Слушаюсь, монсеньор!
- И выясните, где скрывается эта интриганка Буанасье!

(К счастью, галантерейщик рассыпал из ночного разговора не всё. Например,

он не смог сообщить кардиналу того, что шепнула Констанция на ушко Д'Артаньяну, когда дарила ему прощальный поцелуй.)

— А что делать с гасконцем?

Брысь напрягся, но ответ Ришелье прозвучал не скоро — вероятно, его высокопреосвященство обдумывал план мести.

— Насколько мне известно, он подружился с неразлучной троицей, доставляющей так много хлопот де Жюссаку, — раздался наконец голос кардинала. — Франция готовится к войне, а потому хорошие солдаты ей пригодятся, ну а на поле боя случается всякое... Кстати, позаботьтесь о том, чтобы пути Миледи и мушкетёров, особенно Атоса, не пересеклись!

Увидев непонимание в глазах подчинённого, кардинал соизволил пояснить:

— Вы разве забыли, что Миледи когда-то носила имя графини де Ла Фер?

У «секретного агента» закончился воздух в лёгких, но он боялся, что, пока будет переводить дыхание, пропустит что-нибудь необычайно интересное, а потому продолжал топырить уши, не дыша...

Глава 27

БРЫСЬ ЛОМАЕТ ГОЛОВУ НАД ЗАГАДКОЙ

Кардинал помедлил, подбирая нужные слова:

— Восемь лет назад, чтобы разлучить графа де Ла Фер с молодой супругой, пришлось подправить кое-какие документы и купить свидетеля... Я не мог допустить, чтобы силы и время, потраченные на её воспитание и образование, пошли прахом...

«Вот коварство! — возмущённо подумал Брысь. — Не потому ли благородный мушкетёр всегда так задумчив и даже печален, что продолжает любить Миледи? И не о тех ли документах идёт речь, что хранит Атос в ларце, ключ от которого носит с собой?»

— Но прошло столько лет! — засомневался Рошфор в обоснованности опасений своего патрона. (Он, например, уже давно перестал ломать голову над загадкой покровительственного отношения кардинала к очаровательной шпионке!)

— Женское сердце полно сюрпризов, а я не люблю неожиданностей. Ступайте! — в голосе его высокопреосвященства зазвучали холодные, стальные нотки.

Решив, что услышал достаточно и пора разрабатывать план спасения «подопечных», Брысь помчался домой и пропустил окончание разговора, а между тем речь зашла непосредственно о дальнейшей судьбе их компании...

Уже у дверей Рошфора настиг ещё один приказ:

— У мушкетёров и этого гасконца есть домашние питомцы. Раздобудьте мне кого-нибудь из них!

Графа озадачило странное поручение, но он не подал виду и, лишь усаживаясь в карету, с усмешкой пробормотал: «Кошачий кардинал хочет пополнить свой зверинец!» Однако, немного подумав и сопоставив два события, в которых оказались замешаны животные: нападение на засаду возле Лувра и логоню за котом, утащившим ключ (именно тогда кастелянше королевы удалось сбежать), а также обрывки разговоров о том, что мушкетёрам помогали три кота и собака, — Рошфор уже не был настроен столь скептически. Как ни крути, а три и одна — это четыре! Неужели возможно, чтобы против солдат кардинала использовали дрессированных животных?! Ай да мушкетёры! Ай да де Тревиль!

Обратный путь показался Брысю в два раза короче — вот уже улица Могильщиков, а ни одной толковой идеи, как уберечь «подопечных» от козней кардинала, так и не воз-

никло. Пришлось расположиться на нижней ступеньке лестницы, ведущей в мансарду, и прибегнуть к проверенному способу размышлений — вылизыванию шёрстки. Любитель приключений принялся так яростно наживлять шершавым язычком хвост, словно хотел избавиться от полосок, которые делали его похожим на жезл постового.

Наконец в голове «секретного агента» созрело решение: «Мушкетёров вместе с Д'Артаньяном четверо, к тому же они сильные и ловкие, и у них есть шпаги и пистолеты, а потому им проще постоять за себя. Да и война, о которой говорил кардинал, надо надеяться, не завтра-послезавтра начнётся, а вот Констанция совсем одна, так что нужно срочно взять её под охрану. Пока след не затоптали!».

Как только мысль оформилась, Брысь вздохнул с облегчением и отправился к Мартину. Возле дома на улице Феру пришлось пошуметь: все окна, по слухаю раннего времени, оказались закрыты. Почти сразу одно из них распахнулось, и выглянул неулыбчивый Гримо. Узнав нарушителя утренней тишины, слуга Атоса изобразил на физиономии некое подобие приветливости и выпустил пса.

Уверенный, что у неугомонного приятеля ничего не бывает просто так, Мартин подготовился к неприятностям, но задание, полученное от Брыся, превзошло все его худшие опасения: взять след госпожи Буанасье и пройти

по нему от галантерейной лавки до какой-то Женевьевы, где девушка прячется от мести кардинала, а потом охранять её неизвестно сколько и не очень понятно от кого. Вот это ответственность!

Глава 28

БРЫСЬ И МАРТИН ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ПОИСКИ

— Отправляться нужно немедленно, пока мало народу! — торопил Брысь.

Мартин с сожалением оглянулся на дом, за стенами которого хозяин собирался на службу (а в данный момент наверняка садился завтракать!), и припустил за другом — розовые подушечки кошачьих лап мелькали уже в конце улицы.

Оказавшись на том месте, откуда госпожа Буанасье безуспешно бросала камешки в окно мансарды, пёс втянул большими чёрными ноздрями воздух и разложил полученные сведения на составные части. Отбросив лишние (запах его друзей и гасконца), он ухватился за нежный аромат фиалок, как те, что росли на клумбе под окнами их квартиры в Пушкине, и приступил к поискам.

«Секретный агент» гордо вышагивал следом, чувствуя себя знаменитым сыщиком

с личной розыскной собакой. След «читался» хорошо, и передвигались приятели быстро, а зная они географию города, поняли бы, что путь лежит в Латинский квартал, соседствующий с их Люксембургским, к холму Святой Женевьевы — на его вершине и расположилось аббатство имени небесной покровительницы Парижа.

Местность была примечательна тем, что тут сосредоточилось множество учебных заведений, среди прочих — и знаменитый университет Сорбонна. Этим объяснялось наличие на улицах, несмотря на ранний час, изрядного количества молодых людей. А постоянно попадающиеся на глаза кабачки и трактиры раскрывали секрет их излишней весёлости.

Наконец следопыты уткнулись в массивные деревянные ворота, утыканые квадратными железными заклёпками. Видимо, за ними и за высокой каменной стеной скрывалось то, что Констанция назвала «аббатством». Дальше прохода не наблюдалось.

Неунывающий Брысь заверил, что рано или поздно кто-нибудь из обитателей выйдет наружу, например, в магазин за продуктами. Сам-то он спокойно мог пролезть под воротами или перебраться через ограду, но не бросать же гигантского приятеля в одиночестве!

Вскоре за стеной и впрямь послышался шум. Тяжёлые створки со скрипом распахнулись, выпуская лошадь с телегой. Не дожидаясь, пока повозка покажется целиком,

«сыщики» кинулись внутрь, чуть не до смерти напугав возницу — монахиню в коричневом балахоне и высоком белоснежном чепце. От страха она изо всех сил хлестнула ни в чём не повинную кобылку, и та понесла, грохотом колёс по мостовой разбудив любителей подольше повалиться в постели.

Улица довольно круто сбегала вниз, и Брысь предположил, что телега вряд ли доберётся до места без происшествий. В подтверждение его слов через пару минут раздались визг и крики многих голосов, принадлежавших, наверное, недовольным прохожим.

Просторный двор аббатства украшали цветочные клумбы, а раскидистые кроны деревьев давали благословенную тень, спасая от начинающего припекать солнца. Аромат фиалок привёл к крайнему подъезду длинного трёхэтажного здания, где, вероятно, находились жилые комнаты. Колокол на звоннице величественной готической церкви вдруг ожил, обозначив начало следующего часа и созывая монахинь и послушниц на утреннюю молитву.

Брысь сразу разглядел нужную среди одинаково одетых женских фигур, подбежал к ней и вцепился в подол. Молодая женщина вздрогнула от неожиданности, но, узнав серебряного питомца Д'Артаньяна, радостно подхватила его на руки. Со вчерашнего дня он стал для неё талисманом.

— Как ты меня нашёл?

Подробные объяснения кота, впрочем, показались госпоже Буанасье лишь громким, хотя и не лишённым виртуозности мурчанием.

— Надеюсь, с твоим хозяином ничего не случилось? — взволновалась Констанция, но умный зверёк ласково потёрся о широкие рукава, словно успокаивая её. На его белоснежной шее красовался кожаный ремешок с милым сердцу именем «Д'Артаньян» и знакомым адресом, выцарапанными ножом.

Наконец молодая женщина догадалась поставить кота на землю, и он тут же отскочил в сторону. Проследив взглядом за его перемещениями, госпожа Буанасье увидела пса, так напугавшего её ночью. Гигант смирно сидел у монастырской ограды. На нём был похожий ошейник, только там значилось: «Атос, улица Феру, 11». Констанция осмелилась погладить большую голову с длинными ушами, треугольниками свисающими на морду, отчего та при свете дня приобрела трогательно-добродушное выражение. В ответ пёс лизнул её руку тёплым языком, выразительно вздохнул и улёгся, вытянув передние лапы и демонстрируя, что собирается остаться надолго. Кот же, напротив, устремился к воротам и исчез.

Госпожа Буанасье не заслужила бы доверия королевы, если бы не обладала пытливым умом, а потому она быстро пришла к единственно правильному выводу — пёс,

принадлежащий другу симпатичного гасконца, прислан для её охраны и защиты...

Глава 29

САВЕЛЬИЧ СООБЩАЕТ СТРАШНУЮ НОВОСТЬ

Д'Артаньян разглядывал подаренное ему кольцо... С одной стороны, ужасно хотелось оставить его на память, ведь оно хранило тепло нежных рук не только Констанции, но и самой королевы! С другой – очень нужны были деньги. Не мог же он показаться в Академии в той истрепавшейся одежде, в какой прибыл в Париж! Да и лошадь не мешало бы купить. Хотя господин де Тревиль и разрешил земляку пользоваться конюшнями, но мушкетёр без верного коня... Опять же, друзья посоветовали обменять кольцо на пистоли, уверяя, что подарок всё равно нельзя будет носить открыто, потому что украшения её величества слишком узнаваемы при дворе. Пойдут слухи, домыслы, доносы...

Молодой гасконец ещё раз вздохнул и спустился в галантерейную лавку. Брысь тут же отколупнул паркетные дощечки в том месте, где Планше «устроил» смотровое отверстие, и прильнул к дыре, чтобы не только слышать, но и видеть происходящее внизу.

— Господин Буанасье, не одолжите ли вы мне денег под залог одной вещицы? — с этими словами юноша вытащил из кармана кольцо.

Рубин засверкал в пробившемся сквозь закрытые ставни утреннем луче, переливаясь всеми оттенками красного.

Торговец жадно уставился на камень. В его глазах на мгновение отразился алый отблеск, сделав галантерейщика похожим на героя «ужастика» — приходилось пришельцу из будущего видеть и такие фильмы по телевизору консьержки тёти Маши. (Сама она, правда, по ходу действия постоянно прижимала к лицу диванную подушку, и Брысь подозревал, что бедняга пропускала самые захватывающие сцены.)

С видом знатока Буанасье повертел в пухлых пальцах прекрасное ювелирное изделие и произнёс:

— Отчего же не одолжить! Я дам вам за него... триста пистолей!

Участники торгов понимали, что кольцо стоит раза в три дороже (бывший «царедворец» от возмущения чуть не вывалился через дыру!), но Д'Артаньян спорить не стал. Время поджимало: занятия в Академии начинались уже сегодня.

Оставив Планше денег на обещанный «ангелам-хранителям» бекон, кадет отправился обучаться мушкетёрским премудростям.

Господин Буанасье не долго терзался сомнениями, сообщать ли его высокопреосвященству о кольце. Довольно быстро он решил — нет, не сообщать. В конце концов, мало ли откуда у гасконца такая драгоценность? Может, фамильная? К тому же галантейщик не был уверен, что его не обвинят в финансовой поддержке юноши, подозреваемого в интригах против кардинала.

Прежде чем спрятать кольцо в потайное место, он ещё долго любовался тонкостью ювелирной работы, красотой и чистотой камня, ласкающей руку приятной тяжестью.

Стук в дверь раздался одновременно с щелчком замка небольшого сейфа в стене спальной каморки, и сердце господина Буанасье провалилось в пятки, а колени ослабли и задрожали. На подгибающихся ногах он поплелся открывать, проклиная тот день, когда его дальний родственник стал личным камердинером королевы, и ещё больше тот, когда поддался на уговоры и женился на крестнице Ла Порта — девушке вдвое моложе него, которая, ко всему прочему, из-за службы в Лувре дома бывала не чаще одного раза в неделю. Однако и этого ей хватило, чтобы втянуть законопослушного мужа в дворцовые войны!

На пороге стоял человек в фиолетовом камзоле, тот самый, что похищал Констанцию, — доверенное лицо его высокопреосвя-

щенства. Значит, отберут кольцо – и плакали триста пистолей! Но оказалось, что «гостя» интересует не драгоценность, а кот квартиранта!

Господин Буанасье тут же вспомнил, как странно посмотрел на него кардинал, когда в рассказе о ночном свидании он добрался до описания домашних питомцев гасконца и мушкетёров. Тогда он не придал этому особого значения, заворожённый звоном золотых монет. Неужели и на серо-белом можно будет заработать?!

Пообещав поймать кота и передать его в «руки правосудия», Буанасье с облегчением захлопнул дверь, решив сегодня лавку не открывать, а бутылочкой бургундского «подлечить» нервы, истерзанные последними событиями.

Брысь не застал визита графа Рошфора, поскольку сразу после вкусного завтрака побежал к Савельичу – посоветоваться относительно плана дальнейших действий и рассказать о тайне, связывающей Атоса и Миледи.

Однако философ первый огорошил его новостью – Рыжего украли!

Глава 30

ПОХИЩЕНИЕ

Брысь опешил:

— Шутишь? Кому он понадобился?

Хотя... их приятель — кот видный: большой, пушистый. К тому же в новом ошейнике. Может, выкуп хотят за него получить?

— Как это произошло? — «Секретный агент» никак не мог поверить в исчезновение младшего помощника. Их связывало столько пережитых вместе приключений!

— Мушкетёры ушли на службу, и Рыжий пришёл меня навестить, — неторопливо начал Савельич.

Искатель приключений тут же возмутился:

— Ты доберёшься до сути?! Зачем рассказывать так обстоятельно?

Философ обиженно замолчал, но потом сжался над приятелем и продолжил:

— Мы решили пойти к тебе, за беконом. Ведь уже утро — значит, вторую часть подарка купили! — Савельич подозрительно сощурился и потребовал подтверждения: — Купили? (Брысь нетерпеливо дёрнул хвостом — его кусок уже почти переварился.) Полезли через ограду. Рыжий спрыгнул первым, потому что моложе. В этот момент мимо проезжала карета. Вдруг она остановилась, из неё вышел

вельможа в фиолетовом камзоле и схватил Лохматого!

(Савельич любил экспериментировать с кличками приятелей, именуя их то так, то этак.)

— В фиолетовом? Неужели граф Рошфор?! — воскликнул поражённый Брысь. — Тогда Рыжий наверняка у кардинала!

И он поведал о последних событиях: о ночном визите галантерейщика к его высокопреосвященству, о том, что Ришелье стало известно об их участии в возвращении королеве алмазных подвесок, об Атосе и Миледи, о планах кардинала найти Констанцию и о том, что он уже отправил Мартина для охраны госпожи Буанасье.

— Ушам не верю! Когда ты только успевашь встремлять в самую гущу событий! — философ сокрушённо покачал чёрной головой. — Делать-то что будем?

— Для начала, выручать Рыжего! — оптимистично заявил Брысь, хотя душу терзала тревога — уж слишком тот простодушен и не приспособлен к опасностям, в которые, что скрывать, втягивал пушистого приятеля именно он.

Рыжий, насупившись, сидел в углу кабинета, увозившей его в неизвестном направлении. Всё произошло так внезапно, что он и сопротивления не оказал! Украдкой раз-

глядывая похитителя (по приметам он узнал неоднократно мелькавшего в рассказах Брыся «фиолетового»), бывший эрмик размышлял над последними словами Савельича, брошенными вслед, когда его уже крепко держали враждебные руки:

— Не рассказывай ничего, даже если тебя будут пытать!

Что бы сие ни означало, Рыжий не сомневался, что делать это будут по-французски, а значит, он всё равно мало что поймёт. Да и какие тайны мог бы он выдать? В какой лавке Мушкетон покупает вкусную сметану?

Или он, Рыжий, настолько красив, что человек со шрамом захотел превратить его в своего домашнего питомца? Ну, тогда это форменное воровство! Ведь на ошейнике, которым он ещё не успел вдоволь налюбоваться, можно прочитать имя и адрес владельца. Или за него, такого пушистого, собираются требовать выкуп?

Тогда плохи дела! У Портоса на мебель-то денег нет — живут в пустой квартире, так что спать приходится в ногах у хозяина, потому что даже кресла в доме не имеется. А Портос, прямо скажем, не маленький Саша и места в кровати занимает до чрезвычайности много! К тому же храпит, как табун лошадей, и так же сильно лягается!

Только что помянутые скакуны остановили бег, и «фиолетовый» потянулся к своей

жертве. «Укусить или поцарапать?» – пронеслось в лохматой голове Рыжего, но ни того ни другого он совершил не успел, снова оказавшись прижатым к камзолу сильными руками в перчатках. «Наверное, слишком медленно соображаю от стресса!» – в панике подумал пленник и зажмурился.

Так, с закрытыми глазами, он и был посанжен на мягкое, что подушечками лап определилось как ковёр. Куда-то подевалось присущее котам любопытство, и смотреть, где же он очутился, Рыжему совершенно не хотелось...

Глава 31

В ПЛЕНУ У КАРДИНАЛА

Неожиданно в памяти бывшего дворцового мышелова всплыл голос Брыся – любителя таких вот приключений: «Повышаю тебя до звания секретного агента!» И хотя сказано это было давным-давно, когда они охраняли императора Александра Второго и выслеживали злоумышленников-народовольцев, Рыжий вспомнил о своих обязанностях и распахнул глаза – перед ним склонилась парочка: похититель и мужчина в длинном красном одеянии, с круглой алой шапочкой на макушке.

Этот второй разглядел надпись на ошейнике и выпрямился.

— Почему именно Портос? — обратился он к «фиолетовому», и тот, оправдываясь, ответил:

— Какой попался, Ваше Высокопреосвященство! Собака Атоса и кот гасконца куда-то исчезли, а чёрный — питомец Арамиса — спрятался в саду.

Ого, его украл сам кардинал! Лестную новость портила фраза: «Какой попался!» Звучит так, будто все остальные оказались более ловкими и лишь он такой «лопух», как говорит Брысь про Мартина, что легко дался в руки. Хотя стоит ли обижаться, ведь почти так и вышло!

— Поймать остальных — вопрос времени. Я уже отдал соответствующие распоряжения! — добавил граф.

— Вы болван, Рошфор! Это следовало сохранить в тайне! — Ришелье помедлил, размышляя. — К тому же, чтобы проверить мою идею, одного будет достаточно!

«Убьют!» — обречённо подумал Рыжий, от волнения не заметив, что понял почти все французские слова. Понеслись мысли, одна мрачнее другой: выпотрошат, увидят, что он настоящий, а не книжный, и сделают пушистое чучело для музея, с табличкой: «Пришелец»! Правда, Савельич говорил, что музеев пока нет, но что помешает ему стать первым экспонатом?! Потом бывший эрмик осознал, что беседу похитителей ему никто не переводит, и опечалился ещё больше — такой талант к иностранным языкам пропадёт во цвете лет!

Кардинал позвонил в колокольчик, и в комнату вошёл... нет, не палач — слуга в красивой ливрее, даже красивее тех, что носили лакеи в Зимнем дворце. Его высокопреосвященство велел принести для «пленника» миску молока и мягкую подстилку, что означало отсрочку казни, которая продолжала казаться Рыжему совершенно неминуемым и почти свершившимся фактом.

Вылакав молоко до последней капли и вылизав фарфоровую плошку, жертва похищения свернулась калачиком и забылась тревожным сном, решив не тратить последние драгоценные минуты жизни на приведение шерсти в порядок.

Понаблюдав за нехитрыми кошачьими действиями, Ришелье обратился к Рошфору с более важным вопросом:

- Есть известия от Миледи?
- Нет ещё, но полагаю, она скоро прибудет во Францию.

Отсутствие результата рассердило кардинала, и, отослав графа, он принялся за сочинение виршей, посвящённых королеве. Поиски рифмы в сочетании с мерным вышагиванием по комнате успокоили и настроили на сентиментальный лад...

*Готов склониться до земли,
Принять любую кару я,
Лишь только бы мечты мои
Дошли до вас, душа моя...*

Кардинал бормотал, бесшумно ступая по мягкому ковру и покачивая головой в такт рождающимся строкам. Неожиданно он почувствовал на себе внимательный взгляд, и романтический настрой исчез. Его высоко-преосвященство резко обернулся – рыжий «пленник» таращился на него яркими круглыми глазами.

Из всех животных Ришелье больше всего любил кошачьих. Ему нравилось в них абсолютно всё: хищная грация, независимость характера, таинственная глубина взгляда, невероятная реакция и... желание охотиться ради удовольствия, а не для того, чтобы просто утолить голод.

Эта последняя черта особенно привлекала, потому что роднила его с этими прекрасными представителями фауны. К тому же кардинал относился к той части просвещённого человечества, кто не отказывал животным в наличии разума, которого у них, как и у людей, было у кого-то больше, у кого-то меньше, а кто-то вообще страдал его отсутствием.

В глазах и поведении данного конкретного кота не наблюдалось ничего похожего на изощрённый ум, способный придумать и осуществить план по спасению Бекингема из расставленной ловушки. А представить этого испуганного пушистого зверька шарящим по столу в поисках компрометирующих документов было и вовсе невозможно!

Ришелье внутренне посмеялся над своими страхами. Хотя... их четверо. Возможно, «мозговым центром» является кто-то другой. Он подошёл к неподвижно лежащему коту, похожему на лохматую рыжую кочку, — тот втянул голову и зажмурился.

— Ну что? — обратился к нему кардинал. — Проверим, есть ли у тебя друзья, которые смогут организовать что-то посерьёзнее охоты на мышей?

Глава 32

РЫЖИЙ ЗНАКОМИТСЯ С ЛОРДОМ

Р

Рыжий, опять не дождавшись смерти, осторожно приоткрыл глаз. Его высокопреосвященство, кажется, не намеревался казнить пленника в ближайшее время, а потому возникал другой насущный вопрос: собираются ли его вывести для отправления физических потребностей? Всё-таки он не резиновый, а порция молока была щедрой, не поскупились!

Словно прочитав его мысли, кардинал вызвал слугу и распорядился выгулять кота во внутреннем дворике.

— И приставьте к нему Лорда! — добавил он.

«Англичанина, что ли?» — подумал Рыжий, безропотно позволив взять себя

на руки и вынести в небольшой садик, со всех сторон окружённый глухими, без единого окна, стенами особняка и вымощенный гранитными плитками. По периметру росли усыпанные благоухающими цветами кусты, а в центре, в круглой мраморной чаше, плескался фонтан.

«Пленник» долго пыхтел и окапывался в куче песка, насыпанной в углу, позади гряды роз, надеясь, что лакей проявит тактичность и отвернётся, но тот равнодушно переминался с ноги на ногу, не спуская глаз с вверенного ему животного. Потом позвал: «Лорд! Ко мне!» Из дверей, до низу выложенных разноцветными витражами, вышел пожилой dog, серый в разводах. На вид он казался выше Мартина и хотя не мог бы сравниться с приятелем Рыжего в монеты, но превосходил того вальяжностью и породистой статью. На пушистого кота, замершего при его появлении, взглянул спокойно и без злобы. А когда заметил в жёлто-зелёных глазах благоговейный восторг, то удовлетворённо хмыкнул и разлёгся, полностью загородив выход, так что лакею пришлось через него переступать.

Рыжий устыдился, что не смог скрыть восхищения тем, кого следовало считать врагом, — уж очень любил всё большое! Прижав уши (чтобы не торчали и не привлекали лишнего внимания), он поглубже зарылся в песок и принял украдкой рассматривать

нового конвоира. Наконец тот первым нарушил молчание:

— Долго мне тебя охранять?

Рыжий не знал, как сформулировать ответ на французском языке, говорить на котором ему ещё не приходилось, а потому не отозвался.

— Ты глухой, что ли? — удивился дог невежливому поведению подопечного.

«Пленник» махнул лохматым хвостом и сощурился.

— Значит, немой! — сделал неутешительный вывод Лорд. — Жаль, скучное дежурство получится!

Он вздохнул и, поудобнее устроив прямоугольную морду на длинных лапах, прикрыл веки, а Рыжий предался размышлениям над загадочными словами кардинала по поводу приятелей и мышиной охоты. По всему выходило, что из него не собираются делать чучело, а будут использовать в качестве приманки для остальных. А они, конечно, попытаются выручить боевого товарища, ведь он же когда-то спас Брыся!

Сравнив нынешнюю ситуацию с тем, что пришлось пережить в день покушения на императора Александра Второго, вспомнив, как тащил бездыханного друга по тёмному вентиляционному лабиринту, бывший эрмик решил, что всё не так уж плохо. Во всяком случае, пока он сыт и невредим, да и садик уютный и напоён

ароматом роз, заглушившим запах того, что он тщательно закопал в песок.

Савельич наблюдал за приятелем и удивлялся, как повзрослел тот всего за пять месяцев их знакомства. Годы, проведённые Брысsem в путешествиях, несомненно, сказались на его биологическом возрасте. От бесшабашного молодого нахала, который заявил однажды майским утром выживать философа из Летнего сада, не осталось и следа!

Ухоженность серо-белой шёрстки являлась лучшим свидетельством того, как много времени проводил его друг в раздумьях. Вот и сейчас сосредоточенные движения розового язычка вселяли надежду, что Брысь придумает, как вытащить добродушного пущистика из кардинальского плена. А в том, что похитили Рыжего по приказу Ришелье, не было ни малейших сомнений. Единственное, что утешало в данной непростой ситуации, так это уверенность, что жизни лохматого эрмика ничто не угрожает.

Едва Брысь упомянул о кошачьем семействе в особняке его высокопреосвященства, Савельич тут же вспомнил любопытные факты из биографии знаменитого кардинала. В частности, что Ришелье не только любил представителей мяукающего племени, за что ёщё при жизни получил прозвище «кошачьего» кардинала, но был первым, кто завещал часть своего состояния домашним питомцам.

Правда, наследники его высокопреосвященства не выполнили предсмертной воли родственника, и кардинальские любимцы и любимицы разбежались кто куда в поисках лучшей доли, но зато его примеру последовали другие (из тех, кому было что завещать!). Так что хвостатые владельцы вилл и замков обязаны своим роскошным существованием именно Ришелье!

— Мы не будем вызволять Рыжего! — вдруг озвучил Брысь итог долгих размышлений...

Глава 33

САВЕЛЬЧ ПРОВОДИТ УРОК ИСТОРИИ

— **К**ак это? — опешил Савельич, ожидавший какого угодно вердикта (вплоть до вооружённого нападения на особняк!), кроме того, что услышал.

Реакция приятеля ничуть не смущила истинителя приключений.

— Во-первых, нам нужны глаза и уши в стане врага! — торжественно начал пояснять он своё решение. — Во-вторых, Рыжему не причинят вреда, раз кардинал любит кошачьих больше, чем мы сами друг друга любим! (Савельич вспомнил воинственных соседей, с которыми делил территорию Летнего сада, и вздохнул, соглашаясь.)

В-третьих, пущистик милый и выглядит абсолютно безобидным, а значит, у Его Высокопреосвященства не будет повода скрывать от него какие-либо тайны! В-четвёртых, остаётся только сообщить об этом Рыжему! – закончил Брысь уже не так уверенно. – И это самый сложный пункт во всём деле. Так что, если я не вернусь...

– Ах! – вырвалось у обычно сдержанного философа.

– Впрочем, я обязательно вернусь! – тут же успокоил приятеля «секретный агент» и перемахнул через увитую густой зеленью каменную стену.

Савельич не смог усидеть без дела и отправился навестить Мартина, а заодно сообщить тому последние новости (Брысь подробно описал дорогу к аббатству, где нашла укрытие госпожа Буанасье и где пёс охранял её от возможного преследования).

Осторожно продвигаясь по извилистым улочкам в сторону холма Святой Женевьевы, философ выуживал из запасников своей уникальной памяти сведения об удивительной девушке – это помогало отвлечься от переживаний за друзей.

Родилась небесная покровительница французской столицы в середине первого тысячелетия, если считать по утверждённому людьми летосчислению. Во время нашествия гуннов под предводительством Аттилы

молодая монахиня не убежала, как другие жители Парижа, а осталась в городе и несколько суток подряд молилась о его спасении.

— Вы спросите, кто такие гунны? — обратился Савельич к отсутствующим приятелям, и, судя по тому, как резво отскочила и перешла на другую сторону встречная парижанка, сделал это вслух. Хотя, скорее всего, дамочку напугал его чёрный цвет. И почему только люди так его боятся?! Обидно, честное слово!

— Так вот, — продолжал философ мысленный урок истории, — это кочевой народ, пришедший в Европу из Азии в конце четвёртого века. Аттила — их царь, при котором империя гуннов достигла расцвета. Видя самоотверженное поведение девушки, многие горожане устыдились и вернулись, а Женевьевы сплотила их и помогла организовать оборону. До Аттилы дошли слухи, что жители подготовились к защите, и он обогнул Париж, даже не сделав попытки его захватить. Так что в человеческом мире Женевьевы считается святой, спасающей от вражеских нашествий.

Добравшись до монастырских стен, Савельич, кряхтя, подлез под воротами (хорошо, что Базен не успел его откормить!) и отправился на поиски Мартина...

Рыжий пригрелся в песочке и с удовольствием бы задремал, но отвлекало жужжение пчёл, деловито снующих от цветка к цветку

и время от времени зависающих прямо над ним, словно принюхиваясь и приглядываясь на предмет наличия в нём нектара. Приходилось дёргать ушами и даже отмахиваться лапой, на что сразу реагировал приставленный к нему дог. Он вскидывал большую голову и с надеждой смотрел на лохматого пленника — вдруг заговорит?

Интересно, зачем ему приказали караулить этого немого, озадаченно думал Лорд, не находя в рыжем коте ничего особенного, помимо длинной шерсти. Все знакомые ему представители мяукающего племени были сплошь гладкими, хотя перевидал он их в особняке немало, и сейчас на территории и в комнатах проживал добрый десяток, а если считать вместе с «мелочью», то все два.

Лично он такой любви его высокопреосвященства к кошачьим не разделял. К нему, псу, относились куда прохладнее и по-деловому: подай, принеси, стереги... Да ещё нужно постоянно под лапы смотреть, чтобы не наступить ненароком на какого-нибудь мелкого шустрика. Основной же обязанностью было следить, чтобы коты не дрались между собой. И это давалось с особым трудом, потому что наблюдать за визжащим разноцветным клубком, из которого во все стороны летели клочки шерсти, доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. Правда, до потасовок доходило реже, чем хотелось бы: обычно враждующие

стороны просто орали друг на друга, обзываясь так, что воспитанному псу приходилось затыкать уши.

За новеньkim велено следовать по пятам и не выпускать с территории — задачка раз плюнуть, тем более что этот малахольный, кажется, вообще не собирается двигаться с места. И смотрит как-то странно, будто с восторгом. Никто никогда не бросал на него таких восхищённых взглядов! Жаль, что не разговаривает — слушать комплименты было бы намного приятнее!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Женевьеве (420–500 гг.) родилась в селе Нантер. Дочь богатого крестьянина-землевладельца. Множество чудес, приписываемых Женевьеве разными сказаниями (исцеления больных, прекращение бурь и т.п.), сделали её одной из самых популярных личностей Тёмных веков. Канонизирована вскоре после смерти и с тех пор считается покровительницей Парижа и святой, спасающей от вражеских нашествий.

Глава 34 РЫЖИЙ МОЛЧИТ, А БРЫСЬ СЛУШАЕТ

«**Н**у вот! Вспомнил мелюзгу — она тут как тут! Маркиза вывела свой выводок на прогулку. Интересно, они уже знакомы с лохматым?»

Лорд недовольно поморщился, когда котята стали карабкаться по нему, цепляясь острыми иголками когтей, и поднялся, стряхнув самых настырных.

Рыжая с белыми отметинами кошка выгнулась и зашипела, заметив незнакомый холмик в песочной куче, куда, собственно, направлялась: по плану, с сегодняшнего дня нужно было приучать детей к кошачьему туалету.

— Лорд, что это там? — не скрывая возмущения, спросила она у охранника, приставленного к ним Папой для защиты.

— Не что, а кто! — резонно поправил дог. — Новенький, обживается. Правда, он с изъяном — немой!

— Фу, какой лохматый! — фыркнула Маркиза, считая, что если и есть у этого кота недостаток, то именно неухоженная и чересчур длинная шерсть.

Рыжий пожалел, что не привёл себя в порядок. Теперь протестная акция грозила выйти боком: мало того, что все французские слова куда-то из головы улетучились, так ещё и некрасивый. А ведь он не абы кто, а представитель реального мира, далёкого будущего и, наконец, иностранной державы!

Эх! На его месте должен был находиться Брысь — он всегда приглаженный, языками владеет, церемониям придворным обучен, к тому же имя у него звучное — Ван Дейк.

Хотя после того как Савельич раскрыл тайну, что раньше приятеля величали Брысем, более короткое и знакомое по жизни прозвище как-то незаметно у gnездилось в мыслях, но при разговоре Рыжий обращался к другу уважительно, даже не сокращая до Вани, как делал философ. И как он мог забыть про кошку с котятами?! Ведь Брысь рассказывал о ней!

Пока Рыжий предавался унынию, тот, о ком он вспоминал, уже пробрался в кардинальские владения и рыскал в поисках следов похищенного «младшего помощника».

Трёхэтажное здание пастельно-розового цвета, с декоративной отделкой из белого кирпича образовывало почти замкнутый квадрат, окружённый садом и обнесённый высокой каменной оградой. Так что получалось, что одной стороной окна дома смотрели на мощёный двор с большой парадной лестницей, а другой - на коротко стриженные газоны, мраморные чаши фонтанов, цветущие кусты роз и разнообразные деревья причудливых форм. На обширной территории имелись также хозяйственные постройки и конюшни.

Многочисленная челядь и стоящие в карауле гвардейцы осложняли передвижение (вдруг местных котов здесь различают по внешнему виду?), а потому Брысь решил не рисковать и дождаться ночи. Чтобы прове-

сти несколько часов до наступления темноты с пользой для дела, он устроился на прежнем месте, под окнами кардинальского кабинета, в надежде услышать или увидеть что-либо интересное и важное. И вскоре был вознаграждён — за стеной зазвучали знакомые голоса: властный — Ришелье, подобострастный — Рошфора и похожий на звон хрустального колокольчика — Миледи!

— Граф, вам удалось выяснить, где скрывается Буанасье?

— Увы, нет, монсеньор!

— Предоставьте это мне, Ваше Высоко-преосвященство! И, поскольку речь идёт о даме из окружения королевы, я бы хотела получить кое-какие гарантии...

— Какие же? — нетерпеливо спросил кардинал.

— Например, бумагу, где бы говорилось, что всё совершённое её обладателем сделано на благо Франции и по Вашему приказу, монсеньор!

Ришелье стремительно подошёл к столу и заскрипал пером.

— И ещё... Если гасконец будет мешать, могу ли я... — Миледи не договорила, потому что кардинал перебил:

— Разумеется! Кадет заслужил кару, помогая врагам короля!

Брысь оторопел. Он-то полагал, что шпиона скончало заключается в сборе секретных

сведений! Правда, герою фильма, Джеймсу Бонду, приходилось заниматься кое-чем похуже, но ведь он агент 007. Неужели у белокурой голубоглазой красавицы, бывшей графини де Ла Фер, тоже «два нуля» ?!

Ах, как усложнилась задача! Раньше он думал, что защищать Констанцию придётся в честном бою, где пригодятся зубы Мартина, а возможно, хватит и оскаленной пасти, как в последней «схватке» с гвардейцами. Как бы хитрая красавица шпионка не обвела доброго пса вокруг своего прекрасного тонкого пальчика!

Долгожданная темнота результатов не принесла. Брысь излазил сад вдоль и поперёк, подслушивая возле каждого окна, — всё напрасно: пушистый эрмик будто провалился сквозь аккуратно подстриженный кардинальский газон.

Откуда же было «секретному агенту» знать, что в особняке имеются и внутренние дворики, а Рыжего не слышно, потому что тот молчит из опасения ляпнуть какую-нибудь глупость на ломаном французском и тем самым опозорить их иностранное представительство?

Пришлось вернуться к Савельичу с пустыми лапами, выслушать его отчёт о том, как сыто и привольно живётся псу в окружении заботливых монахинь, и самому бежать в аббатство с новыми инструкциями для Мартина

относительно Миледи. А потом ждать следующей ночи и ещё одной... Мелькнула даже леденящая душу мысль: вдруг лохматого приятеля поместили в Бастилию?

Глава 35

О БАСТИЛИИ И ЕЁ УЗНИКАХ

Ранним утром Брысь добежал до высоких стен крепости с восемью башнями, мрачной даже при ласковом солнечном свете. Попасть внутрь можно было только через единственныес ворота со стороны Сент-Антуанского предместья. Сразу за ними входящих поджидал висячий мост через широкий и глубокий ров, заполненный тухлой водой.

По рассказам начитанного Савельича, самых неспокойных арестантов содержали в тёмных промозглых подземельях. Но вряд ли у похитителей возникла необходимость заключать Рыжего именно туда – вообразить, что миролюбивый приятель вёл себя буйно, не получалось даже у искателя приключений, при всей его богатой фантазии. Но и обычные камеры имели лишь крохотные оконца-амбразуры за тройным рядом решёток да пропитанные сыростью стены, а потому никак не подходили для содержания чистоплотного и теплолюбивого кота.

Савельич многое чего поведал о жуткой

тюрьме. Правда, местом заточения преступников крепость стала не сразу. Сначала это была одна из многих укреплённых башен для защиты города от врагов, а в конце четырнадцатого века её превратили в замок, где короли прятались во время войн или восстаний недовольного высокими налогами населения. В летописях тех времён Бастилию называли «благочестивым Антонием» и лучшим зданием Парижа. Страшно представить, какими были другие!

С этой крепостью связана таинственная история Железной Маски, про которую у Александра Дюма тоже есть роман. Когда искатель приключений узнал об этом, его ухоженная шёрстка склеилась от липкого пота — их компания запросто могла переместиться прямо в мрачные казематы, если бы Савельичу приспичило в тот злополучный день читать не «Трёх мушкетёров»!

Заключали в тюрьму часто без суда и следствия, на всю жизнь, как несчастного обладателя маски (которая на самом деле была шёлковой, но вряд ли сей факт радовал узника, вынужденного носить её до последнего вздоха), так что человек просто исчезал, и никто никогда его больше не видел. Выпадала ли подобная участь животным, Савельич не знал, а вот книгам — да! Однажды в Бастилию заточили многотомную французскую энциклопедию, потому что посчитали её тексты

вредоносными и призывающими к мятежу против королевской власти. Кстати, Великая Французская революция началась именно с того, что 14 июля 1789 года разрушила (вернее, разрушит) эту крепость.

Однако вряд ли пушистый приятель простоянет так долго. Тут уж точно никаких кошачьих жизней не хватит!

Наконец Рыжий сообразил, что если не выйдет из занятого им угла в розовом садике и не начнёт гулять по территории, то друзьям никогда его не обнаружить.

Лорд вздохнул с облегчением, а то уж насквозь пропах цветами — так и нюх испортить недолго! Лохматый молчун, который всё это время только ел и спал, да к тому же оккупировал песочную кучу, из-за чего слугам пришлось насыпать в другом конце садика ещё одну, для Маркизы и её котят (видите ли, привыкла она гулять именно в этом дворике!), встал, потянулся, отряхнулся, поелозил языком по шерсти (хотя пёс не представлял, как можно привести такую странную внешность в порядок) и сделал пару робких шагов в направлении выхода.

Дог радостно вскочил и, несмотря на поздний час, бросился показывать новень кому члену большой кардинальской стаи обширные владения. Довольный, что скучная роль охранника сменилась гораздо более

приятной ролью гостеприимного хозяина, Лорд старательно объяснял всё, что попадалось по пути:

— Вот за этими дверями — спальня, а за теми — гостиная, а тут — ещё одна, а здесь — кабинет...

Позавчера Рыжего вынесли отсюда в коридор, а затем и в садик. «Секретный агент» задержался у неплотно прикрытых створок и с любопытством заглянул внутрь (в прошлый раз он от страха не различал предметов).

Ночь была тёплой, но в камине горел огонь. Перед ним, почти сливаясь с пёстрым ковром, нежилась главная любимица кардинала Маркиза. И пятеро её котят находились тут же: кто самозабвенно дрых, зарывшись носом в мамин мех, кто сражался с собственным хвостом, а белый опять развалился на коленях его высокопреосвященства, который, вместо того чтобы давно лечь спать, сосредоточенно рассматривал разложенную на огромном столе географическую карту, делая в ней какие-то пометки.

Не оборачиваясь, Ришелье произнёс:

— Показываешь гостю владения? Ну-ну, гляди, чтобы он не дал дёру!

Рыжий отпрянул от двери, а Лорд обиженно пролаял, мол, когда же такое было, чтобы он не справился с поручением?!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Архитектором Бастилии был Гуго Обрио (фр. Hugues Aubriot) – главный прево (градоначальник) Парижа в 1364–1382 гг. Руководил постройкой многих исторических зданий и сооружений в городе, в частности, набережных и моста через Сену. Он впервые вывел в реку каналы для дождевой воды, усилил городские стены, построил тюремные замки – Шатле и Бастилию.

Глава 36 НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Выказанное недоверие так раздосадовало пса, что дальше он шёл молча, хмуро глядя под лапы, и лишь изредка оборачивался, проверяя, идёт ли за ним лохматый подопечный.

Рыжий не отставал, стараясь запоминать расположение коридоров и выходов. Кажется, именно так должен действовать «секретный агент». К тому же представлять себя на задании было куда приятнее, чем в плenу!

Зоркие медово-жёлтые глаза Брыся наконец-то засекли похищенного приятеля, и от измученного переживаниями сердца отлегло: с другом не случилось ничего страшного, наоборот, на калорийных кардинальских харчах он стал даже упитаннее.

«Младший помощник» крутил пушистой головой, исподтишка поглядывая по сторонам: или догадывался, что товарищи где-то

неподалёку, или просто любовался ухоженным садом, особенно привлекательным в свете разноцветных фонариков, расставленных вдоль дорожек. Сопровождал его пожилой дог.

Возможно, с возрастом пёс потерял прежний нюх и сноровку, а потому не смог бы тягаться с более молодым и ловким котом... К тому же собаки плохо видят в темноте... Но, судя по всему, Рыжий не собирался это проверять, покорно шествуя за конвоиром. «Самому, что ли, сдаться в плен, — подумал искатель приключений, — уж слишком важное значение приобрела миссия!»

Накануне вечером, когда солнечный диск уже превратился в багровую полоску над горизонтом и в мансарде царил полуумрак, с которым безуспешно боролась единственная свеча, в дверь со стороны внешней лестницы неожиданно постучали. Д'Артаньян, незадолго до того вернувшийся из Академии, был занят сочинением благовидного предлага, чтобы нарушить данное Констанции слово и навестить её в аббатстве. Планше отсутствовал (отпросился навестить родственников), а потому ученик мушкетёров, прихватив свечку, сам пошёл отпирать. Брысь отсыпался, готовясь к очередному ночному бдению в кардинальском саду, но теперь приоткрыл один глаз, чтобы разглядеть вошедшего. Сделать это мешали пляшущие по стенам тени,

виной чему был слабый, подрагивающий огонёк фитиля.

— Господин Д'Артаньян? — нежный голос наполнил маленькую комнату хрустальным звоном, и «секретный агент» подскочил.

Миледи! Началось! В два прыжка он оказался у двери и уселся возле ног «подопечного», замершего с открытым ртом при виде гостьи.

Даже при тусклом и неровном освещении шпионка кардинала была так же невероятно красива, как при дневном свете, когда Брысь тайком рассматривал её из-за портьеры в кабинете Ришелье. Только теперь молодая женщина была одета не в пышное платье, которое на каждое движение отзывалось хрустящим шуршанием, а в костюм для верховой езды и длинный плащ из чёрного шёлка. Белокурые локоны, тщательно упрятанные под широкополую шляпу с высокой тульёй и роскошными перьями, мириться с этим не хотели и выбивались в нескольких местах золотистыми спиральками.

— Да... к вашим услугам! — с трудом преодолев замешательство, выговорил юноша и оглянулся в поисках чего-нибудь, куда можно усадить прекрасную незнакомку.

Однако за последние минуты никаких новых предметов мебели в комнате не появилось, а кровать и тумбочка вряд ли подходили для этих целей, поэтому раскрасневшийся от

смущения гасконец и припозднившаяся визитёрша остались стоять.

Бывший «царедворец» испытал досаду, почувствовав презрительную насмешку, с которой Миледи оглядела их убогое жилище, и гордо всстопорщил усы — не наличием стульев измеряется честь дворянина!

Но Д'Артаньян, видимо, считал иначе, потому что всё ещё был сконфужен.

— Здесь нет чужих ушей? Мы можем говорить открыто? — задала гостья неожиданный вопрос.

Брысь тут же кинулся к другой двери, и юный гасконец, научившийся полностью доверять «ангелу-хранителю», распахнул её — прильнувши к замочной скважине галантейщик получил удар по лбу и забормотал в оправдание, что направлялся в спальню, а у комнаты квартиранта задержался совершенно случайно — споткнулся.

— Внимательнее глядите под ноги, милейший господин Буанасье, так и убиться недолго! — посоветовал ученик мушкетёров язвительный тоном, доведя лавочника до полуобморочного состояния.

Дождавшись, когда любопытный домовладелец досеменил до своей двери и захлопнет её, Д'Артаньян снова повернулся к даме — маленькое происшествие с мужем Констанции напомнило ему о возлюбленной и помогло обрести ясность ума. А потому он обратился

к загадочной посетительнице уже более твёрдым голосом:

- Чем могу служить, мадам? Простите, не знаю вашего имени!
- Леди Винтер! — спокойно произнесла неизвестная...

Глава 37

Д'АРТАНЬЯН ИЗЛИШНЕ ДОВЕРЧИВ

«Лейтмотивом было выражение: «Действительно похожа на Снегурочку!» — тут же перевёл полиглот фамилию прекрасной шпионки на родной язык и представил леди Винтер* в голубой шубке до пят и такого же цвета меховой шапочке с белой оторочкой (девушка в таком наряде развлекала малышню около новогодней ёлки на Дворцовой площади в Петербурге и однажды угостила его колбаской).

Приятные воспоминания прервал хрустальный голос, наконец-то сообщив цель визита:

— Речь пойдёт о Констанции Буанасье. Вижу, вам знакомо это имя! — с лёгкой усмешкой добавила Миледи, заметив, как вспыхнуло лицо молодого гасконца.

— С ней что-то случилось? — едва удержался от чересчур громкого восклицания юноша.

* *winter* (англ.) — зима

— Пока ничего! Но может случиться в любую минуту, потому что кардиналу, который, по непонятным мне причинам, считает её врагом, стало известно местонахождение девушки.

— Что же делать? — влюблённый гасконец в отчаянии схватился за шпагу, словно намеревался немедленно сразиться с его высоко-преосвященством.

— Не верить!!! — тут же отозвался Брысь.

— У меня есть возможность перевезти её в безопасное место, но вы должны написать вашей возлюбленной письмо, чтобы она не усомнилась в моём желании помочь.

Д'Артаньян кинулся к тумбочке и принялся лихорадочно шарить по ней в поисках бумаги и чернил.

«Их там отродясь не было! — сердился Брысь, недовольный поведением подопечного. — Неужели вот так запросто вручит судьбу Констанции неизвестной женщине?! Согласен, её очарованию трудно противиться, но на то она и шпионка!»

От решительных действий «секретного агента» удерживала лишь уверенность, что гасконец не найдёт в тумбочке того, что ищет. Однако хитрая Миледи оказалась предусмотрительной и протянула юноше походный набор для письма, который, как выяснилось, всё это время держала под плащом.

Д'Артаньян настрочил коротенькую записку, но не отдал гостье, а, надев шляпу, решительно заявил:

- Я сам передам ей!
- Молодец! – похвалил Брысь.
- Хорошо! – легко согласилась леди Винтер. – Я верхом, а где ваш конь?

Прекрасный белый жеребец, которого капитан приобрёл буквально накануне, выложив за него сто пистолей из тех трёхсот, что выручил за кольцо, стоял в служебной конюшне рядом с лошадьми его друзей-мушкетёров.

- Но до Святой Женевьевы рукой подать, я быстро догоню!

У обворожительной Миледи дёрнулся уголок изящно очерченного рта, когда Д'Артаньян произнёс название аббатства, и «секретный агент», не спускавший с кардинальской шпионки пытливых глаз, обречённо подумал: «Полный провал!»

– Конечно, если застанете её в живых, ведь люди Ришелье, скорее всего, уже направляются туда!

– Куда вы повезёте Констанцию? – спросил юноша, словно под гипнозом протягивая леди Винтер записку.

– Подальше от Парижа, в Бетюнский монастырь кармелиток! – уже на ходу бросила Миледи, сбегая по ступенькам.

Внизу она столкнулась с тремя мушкетёрами, вежливо расступившимися перед дамой.

Окинув их острым взглядом, она чуть дольше задержала взор на Атосе и, вскочив в седло, так сильно пришпорила лошадь, что та вскинулась на дыбы и рванула с места в галоп, тут же поглощённая темнотой.

Брысь носился по комнате, на чём свет стоит ругая Д'Артаньяна за излишнюю доверчивость, а потому первая фраза, которая прозвучала, когда в тесную мансарду вошли мушкетёры, касалась именно его странного поведения:

— Что с вашим котом, любезный друг? — спросил Арамис.

— Интересно, знает ли он, куда подевались пёс и мой Рыжий? — пробурчал Портос.

И только Атос задал вопрос по существу:

— Кто была та дама, что встретилась нам на лестнице?

— Леди Винтер! — ответил Д'Артаньян и передал друзьям разговор с прекрасной неизвестной.

Брысь притих, всматриваясь в лицо Атоса — обычно бесстрастное, оно мрачнело с каждым словом молодого друга. Наконец его состояние заметили остальные:

— Дорогой Атос, вы побледнели! — воскликнул юный кадет.

— Констанции угрожает серьёзная опасность, причём именно от этой дамы, — медленно произнёс мушкетёр. — Я узнал её...

Глава 38

МУШКЕТЕРЫ И Д'АРТАНЬЯН БРОСАЮТСЯ В ПОГОНЮ

Похолодев от ужаса, Д'Артаньян воскликнул:

- Получается, что я сам выдал Констанцию?!
- Вот именно! — немедленно вставил рассерженный Брысь.

Атос вздохнул:

- Увы, мой друг, вы не первая жертва смертельного обаяния этой женщины!
- Тогда нужно торопиться! — засуетился Д'Артаньян, снова хватаясь за шпагу и шляпу. — Они направляются в Бетюн!
- Думаю, это ловушка! — граф де Ла Фер печально покачал головой.
- Тем лучше! Я к де Тревилю, за отпуском и лошадью! Надеюсь, капитан простит столь поздний визит! — горячился гасконец.

Мушкетёры переглянулись.

- Вы всерьёз полагаете, что эта женщина опасна? — шёпотом спросили у старшего товарища Портос и Арамис.
- Чрезвычайно! — так же тихо ответил тот, и Брысь с облегчением увидел, как дру-

зья обменялись знакомым жестом – символом единения и взаимовыручки.

— Мы с вами, дорогой Д'Артаньян!

Мушкетёры гурьбой вывалились на улицу и быстрым шагом направились к особняку де Тревиля, а искатель приключений помчался в аббатство, надеясь, что Мартин не позволил перехитрить себя так же легко, как юный гасконец...

Неурочный визит заставил господина де Тревиля вылезти из постели и в накинутом поверх ночной сорочки халате и шлётпанцах принять настойчивых посетителей в Малом кабинете. Узнав, что речь идёт о срочном недельном отпуске для мушкетёров и кадета, капитан королевских солдат попытался хитрыми наводящими вопросами выведать хоть какие-нибудь подробности, но натолкнулся на упрямое молчание. Вздохнув, он сам продиктовал текст заявлений (отсутствию всем известной троицы и гасконца следовало придать официальный вид). Выходило, что Атоса всё ещё беспокоит раненое плечо и он вынужден отправиться на целебные воды. А поскольку он так плох и слаб, что не может осуществить дальнюю поездку в одиночку, то получил троих сопровождающих: Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна.

Ввиду срочности слуг решили не брать, к тому же Атос и Портос не теряли надежды, что четвероногие питомцы вернутся, а значит, дома их должен кто-то встретить.

Портос несколько смущённо заявил, что у него совершенно нет при себе денег, но Д'Артаньян, позвенев содержимым своего кошелька, воскликнул:

— Здесь почти двести пистолей! Хватит на четверых туда, а обратно мы, вероятно, вернёмся не все!

— Типун вам на язык! — проворчал Портос, а будущий богослов Арамис поплевал через плечо.

Вскоре четверо всадников мчались по дороге на север, наполняя притихшие улицы гулким звоном подков и выкрикивая пароль ночным патрулям.

Чаяния Брыся оказались напрасными: ни Миледи, ни госпожи Буанасье, ни приставленного к ней Мартина он на территории аббатства не застал, зато услышал перешептывания двух монахинь, медленно бредущих по двору со стороны въездных ворот:

— Интересно, куда так срочно уехала сестра, да ещё пса прихватила?

— Ты слышала, как он рычал на чужестранку?

— А ты видела, как ловко она сидела в седле? По-мужски!

— Да, благородные дамы так себя не ведут! — осуждающие качнулись высокие белоснежные чепцы.

«Опоздал!» — пригорюнился Брысь.

К несчастью, он не обладал таким тонким нюхом, как Мартин. И хотя его великолепный кошачий слух уловил, в каком направлении удаляется дребезжание каретных колёс по булыжной мостовой и щоканье лошадиных копыт, проследить дальнейшие перемещения Миледи и Констанции было ему не по силам.

Хорошо, что Д'Артаньян пустился в погоню не один — теперь-то Миледи не удастся устраниТЬ «мешающего» гасконца! Впрочем, хотелось бы самому в этом убедиться. Как бы узнать, где находится Бетюн? Тут «секретный агент» вспомнил, что видел в кабинете кардинала рулоны географических карт. Не мешало бы сунуть туда нос.

С этой мыслью, а также с надеждой обнаружить наконец похищенного приятеля, Брысь снова примчался к особняку Ришелье и занял наблюдательную позицию на каменной ограде, среди густых побегов дикого винограда, рассудив, что сверху территория просматривается лучше...

Теперь, разглядывая Рыжего, подсвеченного луной и разноцветными фонариками, искатель приключений сомневался, сможет ли поручить ему столь ответственное задание. За прошедшие дни он как-то забыл, насколько беззащитным выглядит его отважный, но абсолютно бесхитростный пушистый друг...

Глава 39

ЭКСКУРСИЯ ПО КАРДИНАЛЬСКИМ ВЛАДЕНИЯМ

Свет фонарей, падающий через раскрашенные стёкла, рисовал на мраморных плитках садовых дорожек яркие круги. Брысь наблюдал, как пушистый «пленник» беззаботно перепрыгивает из одного цветного пятна в другое и ловит ночных мотыльков. Хотя... если учесть, что при этом Рыжий всё больше приближался к ограде, его перемещения начинали смахивать на продуманный манёвр. «Значит, уроки в «школе секретных агентов» не прошли даром!» – удовлетворённо подумал искатель приключений.

Пёс, кажется, ни о чём не догадывался, следя теперь не впереди, а чуть поодаль от кота, развлекающегося охотой на бестолковых бабочек. Остальных хвостатых обитателей особняка поблизости не наблюдалось. Видимо, ревновали, а потому игнорировали новенького, или опасались собачьих зубов, которым хозяин доверил «сохранность» чужака.

По ласковым прикосновениям ветерка к густой шёрстке Брысь определил его направление. Судьба ему благоволила: «секретный агент» оказался с подветренной стороны,

а потому кардинальский догощё не скоро учился бы присутствие незнакомца. Однако, как и знаменитый русский военачальник Суворов, искатель приключений считал нападение лучшей тактикой защиты.

Брысь мягко спрыгнул на землю, с удовольствием отметив, как дрогнули пушистые кончики рыжих треугольников — слух у приятеля отменный, несмотря на длинный мех, набившийся в уши.

Лорд мечтательно разглядывал ночное небо, гадая, чего в нём больше: чёрного бархата или светящихся кружочков. Обычно в это время суток он спал и теперь испытывал чувство, похожее на благодарность за то, что очутился в саду в непривычный час.

— Добрый вечер, месье!

В первое мгновение Лорду показалось, что с ним заговорило небо, настолько обволакивающее глубоким был прозвучавший голос. Но тут из темноты выступили двое: лохматый «пленник» и неизвестный серо-белый кот. Именно последний и обратился к кардинальскому догу с изысканной французской вежливостью, хотя акцент выдавал в нём иностранца. Поэтому, вместо того чтобы зарычать, Лорд пробормотал ответное приветствие:

— Добрый вечер!

— Разрешите представиться — Ван Дейк, его друг, — кивнул серо-белый на рыжего.

— Лорд! — назвался пёс, ещё не прияд в себя от неожиданности и не зная, как расценивать поведение ночного визитёра: как невероятную смелость, как бесподобную наглость или как смесь того и другого. Однако пересилило любопытство, и следующий вопрос вырвался помимо воли:

— Скажите, а ваш приятель немой?

Брысь слегка опешил от удивления, но быстро сориентировался и ответил:

— О нет! Просто он не говорит по-французски. Видите ли, мы путешественники и в Париже недавно. Осматриваем ваши изумительные достопримечательности и устанавливаем дипломатические контакты.

Пёс всё больше робел от спокойной уверенности незнакомца, благородства его манер и важности заявлений, особенно насчёт контактов. Как бы не ударить мордой в грязь перед представителями иностранной державы (вот чем объяснялась необычно длинная шерсть рыжего кота)!

— И откуда вы к нам? — осмелился спросить он.

— Из Санкт-Петербурга, из России. Вы наверняка знаете, она занимает шестую часть суши!

Пожилой даг окончательно смущился, потому что никогда не слышал о такой стране, несмотря на её внушительные размеры. Ему всегда казалось, что мир ограничива-

ется Францией (откуда он сам), Испанией (откуда королева Анна) и Англией (откуда враг хозяина – Бекингем). Но не признаваться же в своей географической необразованности! А потому он промямлил – да, кое-что припоминает.

– У вас чудесный сад и дом, наверное, великолепный! – продолжал сыпать комплиментами сладкоречивый «иностранец».

Пёс, который неожиданно оказался в центре международного внимания и с которым ещё никто не разговаривал так уважительно, сполна ощутил груз навалившейся ответственности. Необходимо было показать парижан с наилучшей стороны, чтобы у путешественников сохранились самые тёплые воспоминания от посещения Франции, и он решился на широкий жест, любезно предложив провести гостей по кардинальским владениям.

Пропустив «иностранцев» вперёд и забегая то с одного боку, то с другого, Лорд обстоятельно комментировал сюжеты скульптурных групп, что попадались на пути, и просил гостей повернуть головы то направо, то налево.

Рыжий млел от удовольствия и чувства безопасности, охвативших его, как только Брысь взял ситуацию в свои уверенные лапы. По его пушистому тельцу разлилась лёгкость, а природная доверчивость позволила думать, что приятеля действительно интересует, что

изображает та или иная статуя и из какого материала она выполнена. Поэтому он очень удивился, когда Брысь быстро свернул экскурсию по саду и предложил перейти к осмотру дома...

Глава 40

БРЫСЬ УЗНАЁТ, ЧТО ХОТЕЛ

Лорд без возражений уступил просьбе вежливого иностранного гостя, поскольку и в особняке имелось много любопытного. Хозяин любил окружать себя красивыми вещами и произведениями искусства, хотя при этом умел жить экономно и довольствоваться малым. Например, его обеды состояли всего из двух блюд, да и порции были небольшими, а потому на фарфоровой и серебряной посуде почти не оставалось вкусных обедков. А ещё он предпочитал ездить верхом, а не в роскошной карете. (Впрочем, вполне возможно, что его высокопреосвященство просто укачивало, так как, несмотря на изысканное внутреннее убранство экипажей, передвигаться в них было сущим мучением — отсутствие рессор и выбоины, которыми пестрели мостовые, гарантировали пассажирам сильное головокружение и тошноту.)

Очутившись в доме, Брысь, как бы между прочим, поинтересовался, какие ещё города

Франции заслуживают внимания путешественников и как до них добраться. Лорд сначала растерялся (ведь его собственная жизнь протекала в Париже), но чуть погодя вспомнил, что в кабинете на огромном письменном столе лежит множество скрученных в рулоны географических карт.

Обрадовавшись, что и в этом вопросе сможет быть полезным, он подвёл гостей к нужной комнате, немного послушал у дверей (иногда хозяин засиживался допоздна), ударили лапой по ручке и первым притиснулся в образовавшуюся щель.

Для отвода глаз «секретный агент» выразил восхищение богатым убранством и вспрыгнул на стол, с трудом преодолев искушение открыть верхний ящик, нажать на потайной рычаг и проверить, на месте ли портрет королевы.

Под лапами оказался план города Ла-Рошели, о чём свидетельствовала каллиграфическая надпись. Искатель приключений намекнул гостеприимному псу, что это «не совсем то», и совместными усилиями они раскрутили другой рулон, который, к радости «путешественников», представлял собой подробную географическую карту страны.

Брысь принял изучать названия, а Рыжий и пёс, ввиду своей неграмотности, а потому бесполезности, придерживали края, чтобы те не скручивались.

Бетюн обнаружился к северу от Парижа. С учётом масштаба карты — примерно в сорока пяти льё или, говоря по-русски, почти в двухстах километрах — расстояние для пешего кошачьего передвижения немыслимо большое!

— Рыжий, ты по-прежнему ничего не смыслишь во французском? — неожиданно спросил Брысь.

— Смыслю! Только говорить не получается! — неуверенно ответил бывший эрмик, гадая, куда клонит приятель.

— Тогда слушай: гасконец и мушкетёры отправились в Бетюн спасать мою квартирную хозяйку. Ты останешься здесь следить за кардиналом — вдруг он придумает ещё какую-нибудь каверзу. Как только появятся новости, сбежишь. Мы с Савельичем будем пока составлять план дальнейших действий.

— А где Мартин? — разволновался Рыжий.

— Надеюсь, рядом с госпожой Буанасье.

Лорд вслушивался в непривычные звуки «российской» речи и мечтал, чтобы вежливые иностранцы задержались подольше. Поэтому очень обрадовался, когда серо-белый кот сообщил, что его лохматый приятель не прочь провести в гостях ещё денёк-другой.

— А вы? — слегка расстроился пёс.

— У меня есть неотложные дела в городе! — И, хитро прищурившись, Брысь добавил, что его пущистый друг считает Лорда самым любезным и образованным из всех знакомых

псов, чем очень польстил пожилому дому. В доме, где обожали мяукающих, ему редко доставались ласковые слова!

Один из любимчиков — белый котёнок — как раз возник на пороге кабинета. Лорд спросил малыша, почему тот не в спальне, рядом с мамой и прочими родственниками, но юный отпрыск Маркизы обвёл взрослых голубыми глазками и, не отвечая, привычно вскарабкался по собачьей лапе на холку, а оттуда перепрыгнул на стол, где всё так же молча забрался в «тоннель», образованный одним из закрутившихся краёв карты.

Немного выждав, не выберется ли малыш с другой стороны, Брысь заглянул внутрь.

— Уснул! — удивлённо констатировал он.

— Всегда подозревал, что этот белый — лунатик! — заявил Лорд. — Ладно, не будем будить, к тому же он может спать сутками, даже на кормёжку не всегда просыпается.

Оставлять следы своего пребывания в кабинете «секретному агенту» не хотелось — не профессионально как-то, особенно с учётом прошлой промашки, когда разлил чернила. Но и тревожить уютно устроившегося малыша лапа не поднялась...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Александр Васильевич Суворов (1730–1800) — граф (1789), затем князь (1799), великий русский полководец,

военный теоретик, национальный герой России. Генералиссимус российских сухопутных и морских сил, генерал-фельдмаршал австрийских и сардинских войск, кавалер всех российских орденов своего времени, которыми награждались мужчины, а также многих иностранных военных орденов.

Глава 41

КОРОЛЬ ВЕСЕЛИТСЯ, А КАРДИНАЛ ГНЕВАЕТСЯ

Король пребывал в отличном настроении: история с подвесками, которая грозила затронуть его честь, благополучно завершилась полным фиаско кардинала и к тому же доказала несостоятельность подозрений Людовика насчёт нежных чувств самого Ришелье к королеве Анне, ибо желание унизить её величество не зародилось бы в голове первого министра, будь он влюблён.

А раз не было подарка, то не было и свидания! Если же таковое и состоялось, то наверняка касалось исключительно вопросов политики. А письма, которые периодически строчит королева, адресованы её брату Филиппу в Испанию, и говорится в них уж точно не о любви, а о войне и мире или только о войне, что вероятнее всего...

Полностью успокоив себя подобными рассуждениями, Людовик с удовольствием погрузился в подготовку к Мерлезонскому балету, где ис-

полнял главную партию. Он обожал танцевать, и умение делать красивые па или говорить изящные комплименты тому, кто их делает, являлось чуть ли не важнейшим достоинством, которым должны были обладать придворные, если хотели заручиться расположением его величества.

Готовясь к балу, мэрия Парижа украсила центральные улицы разноцветными фонарями, помыла и почистила мостовые, освежила цветочные клумбы, так что принарядившийся город вызывал улыбки на лицах тех, кому посчастливилось здесь оказаться. И лишь кардинальская карета проследовала из Лувра на улицу Добрых Детей с плотно зашторенными окошками. Ришелье был мрачен, и предпраздничная суeta раздражала его.

Сегодня он не обнаружил среди офицеров, сопровождающих короля, знакомых физиономий Атоса, Портоса и Арамиса. Отсутствие одновременно всей троицы выглядело крайне подозрительно, и только Людовик мог поверить в ту чушь про целебные воды, что нёс хитрец де Тревиль.

Добравшись до кабинета, кардинал вызвал Рошфора, от досады не сразу заметив настораживающие изменения. Вчера он до поздна сидел над планом города Ла-Рошели, отмечая удобные позиции для осады оплота англиканской церкви. Сейчас сверху лежала карта Франции, которая должна была находиться среди множества других, что стопкой

аккуратных рулонов возвышались на краю огромного письменного стола.

Углы её завернулись, как бывает, когда свёрток раскручивают, а потом отпускают одновременно с двух концов. Ришелье нахмурился. Проверил, заперты ли окна, а вот вспомнить, пришлось ли открывать кабинет, не смог — слишком раздражён был в тот момент, чтобы думать о чём-либо, кроме поручения, которое он собирался дать Рошфору.

Иногда, правда, Маркиза умудрялась проникать в помещения, подпрыгивая и повисая на дверной ручке, но теперь, когда она выкармливала пятерых малышей, ловкости у неё поубавилось.

Его высокопреосвященство взялся за колокольчик, чтобы вызвать слугу, но передумал и сам направился во внутренний садик. Через цветные витражи на паркет падали лучи света, поделив его на жёлтые, розовые и фиолетовые квадраты. Лорд загораживал выход, лёжа поперёк, и вскинул голову, заслышав шаги хозяина. Отгонять пса Ришелье не стал, потому что и так разглядел, что искал, — лохматый рыжий холмик на песочной куче.

Загадочное происшествие усилило недовольство кардинала, а потому Рошфора встретил гневный выговор:

— Почему то, на что вам потребовалось несколько дней и не принесло результата, у Миледи заняло несколько часов?!

Когда его высокопреосвященство находился в подобном настроении, лучшей тактикой было покорное молчание, поэтому граф всячески изображал смирение и не поднимал глаз.

— Вам хотя бы известно, куда направилась Миледи с этой Буанасье?

— Кажется, они покинули город через северные ворота, монсеньор.

— Судя по всему, так кажется не только вам! Уверен, в том же направлении уехал гасконец, а с ним и вся троица!

Кардинал нервно сцепил руки за спиной и подошёл к окну. Лучезарное тёплое утро не радовало, к тому же он чувствовал приближение приступа ревматизма, которым страдал с детства. И почему от Миледи до сих пор нет вестей? Зачем она медлит?!

— Возьмите нескольких гвардейцев и отправляйтесь следом... — приказал его высокопреосвященство и почти без паузы гневно воскликнул: — Вы ещё здесь?!

— Э... скольких человек прикажете взять, монсеньор?

Ришелье окинул графа презрительным взглядом и насмешливо бросил:

— Не меньше восьми, я полагаю!

Лицо Рошфора залилось краской — конечно, в последних схватках с мушкетёрами солдатам де Жюссака не очень везло, но такое явное недоверие к их способностям оскорбляло честь мундира!

Подавив негодование, граф решился прояснить беспокоивший его вопрос:

— А если нежелательная встреча Миледи и Атоса произойдёт и ваши сомнения окажутся верными...

— Тогда вы позаботитесь, чтобы никто не вернулся в Париж живым! У этой истории не должно быть продолжения...

Рошфор понимающе склонил голову и торопливо покинул кабинет, а злость выместила на ни в чём не повинном жеребце (сегодня граф был верхом), отвесив ему пару необязательных ударов хлыстом.

Всё ещё хмурясь, Ришелье взялся скручивать карту, и из неё вывалился... белый котёнок. Спросонья он бестолково хлопал глазками и потешно зевал, показывая розовое нёбо и ещё почти беззубый рот. Сердитое выражение лица его высокопреосвященства сменилось умилением. Он прижал малыша к себе и нежно поцеловал в шёлковую макушку, однако взгляд кардинала остался серьёзным и задумчивым...

Глава 42

КОНСТАНЦИЯ И МАРТИН УЕЗДАЮТ

Карета уносила Мартина всё дальше от друзей, от нового хозяина, от Парижа, в котором он оказался непонятно почему: то ли

из-за неугомонности эрмитажного кота, то ли из-за научных экспериментов Сашиного приятеля, то ли по собственному недомыслию... Впрочем, нельзя сказать, чтобы Мартин тратил время на поиски виноватых – для этого он был слишком добродушен!

Лошади мчали быстро, и экипаж сильно раскачивало, так что пёс с трудом удерживался на сиденье, и то, наверное, только потому, что госпожа Буанасье крепко обнимала его одной рукой, другой упираясь в стенку, обитую плотной малиновой тканью. В стареньком «Форде» папы Николая Павловича ездить было куда комфортнее. Там для Мартина опускали стекло и он мог подставлять морду встречному ветру, а его большие уши превращались в паруса и весело трепетали.

Пёс расстроился, что Констанция не послушала его предупреждений об опасности и, как только прочитала переданное ей письмо, согласилась ехать с чужестранкой (сквозь аромат изысканных духов прорывался запах неведомых земель и солоноватой, не речной, воды). Он, конечно, учゅял руку Д'Артаньяна, но это не объясняло главного: как удалось шпионке кардинала получить от гасконца послание для госпожи Буанасье и где был в это время Брысь? Разве не он предупреждал о хитрости прекрасной Миледи?!

Хорошо, что Констанция настояла, чтобы пёс отправился вместе с ней. Впрочем, леди

Винтер, как представилась дама, и не возражала: едва узнав, что он – питомец благородного Атоса, она словно окаменела лицом и беспрекословно позволила ему запрыгнуть в карету. Сама же с завидной ловкостью вскочила в седло.

К лошадям Мартин относился с уважительной ревностью, вынужденный признавать превосходство их скоростных качеств и силу мощных копыт. (Последнее испытал на себе, когда погнался как-то за всадником, проезжавшим мимо его дома на улице Феру. Благо успел увернуться и удар пришёлся по касательной, а то бы оказался «на больничном», как говорила иногда мама Лина, и не смог помочь друзьям. Неприятный осадок от эпизода скрашивало воспоминание о лакомых лошадиных лепёшках – сплошные витамины, неужели от сена?!)

Констанция грустила, что отъезд получился слишком скоропалительным. Правда, симпатичный гасконец писал, что они скоро увидятся в том «безопасном месте», куда отвезёт её леди Винтер. Однако тот факт, что среди знакомых Д'Артаньяна есть такая красотка, только усиливал уныние влюблённой кастелянши.

Конечно, сердце госпожи Буанасье страдало бы гораздо сильнее, если бы загадочная незнакомка не находилась рядом с ней, а осталась в Париже. К тому же леди Винтер

пообещала, что «заточение» в Бетюнском монастыре не продлится долго — через десять дней состоится Мерлезонский балет, историю со свиданием королевы и английского герцога окончательно забудут, а его высокопреосвященство переключит своё внимание на подготовку осады протестантской Ла Рошели. Тогда можно будет вернуться в Лувр, «под крыло» Анны Австрийской.

Хвала небесам, что присланный Д'Артаньяном пёс не испугался лошадей и отправился в путешествие вместе с ней. За три дня она успела к нему привязаться и сейчас с удовольствием прижималась к тёплому боку и гладила шелковистые уши.

Как страшно рычал он на леди Винтер, как долго не подпускал к ней, Констанции, посланницу гасконца! Пришлось показать ему письмо Д'Артаньяна, и то пёс успокоился, только когда понял, что сможет сопровождать её.

На короткое мгновение госпоже Буанасье показалось, что при упоминании хозяина собаки красивая дама слегка изменилась в лице. Хотя было темно, а на вопрос, знакома ли та с мушкетёром Атосом, леди Винтер ответила отрицательно. Впрочем, и об отношениях с Д'Артаньяном незнакомка говорила уклончиво и туманно.

Констанцию немного мучила совесть, что она забыла поинтересоваться судьбой госпо-

дина Буанасье. Не сильно ли навредило ему исчезновение супруги? Но молодая женщина утешала себя мыслью, что гонения на галантёйщика прекратятся, едва интрига, в которой она вынуждена была принять участие, перестанет так живо обсуждаться при дворе...

Кастелянше её величества хотелось более доверительно поговорить с леди Винтер, но та решительно отказалась пересесть в карету, даже когда Париж остался позади. Топот её лошади, приглушенный мягкой землёй, раздавался то рядом с экипажем, то далеко впереди...

Глава 43 МИЛЕДИ

Миледи пришпорила свою Шарлотту, иссиня-чёрную кобылу с едва различимым рыжеватым пятнышком на левой передней ноге. Почти как клеймо на её собственном плече, оставленное «на память» лилльским палачом...

...Кардинал весьма недвусмысленно дал понять, что не желает видеть Констанцию Буанасье поблизости от королевы. Миледи даже пожалела Анну Австрийскую — видимо, плотным кольцом соглядатаев окружил её Ришелье, раз её величеству пришлось

доверить сердечные тайны простой кастелянше, в чьи официальные обязанности входила лишь забота о чистоте и сохранности постельного белья в монаршей спальне.

Поручение представлялось ей поначалу лёгким и оскорбительно скучным. Не в пример тому, несостоявшемуся, когда за короткий срок требовалось вернуть доверие герцога Бекингема (что было бы непросто после истории с подложным письмом, которое чуть не привело первого министра английского короля в ловушку кардинала Франции), добраться до его сейфа с драгоценностями и срезать две из двенадцати алмазных подвесок, так неосторожно подаренных ему королевой.

Гонец его высокопреосвященства настиг Миледи уже в Портсмуте, когда она почти придумала, «под каким соусом» преподнесёт себя лорду Бекингему на этот раз. Обратную дорогу до порта во французской Булони обворожительная шпионка провела на палубе, подставляя нежное лицо солёным брызгам. Она не боялась загореть как простолюдинка. Её белоснежная кожа обладала удивительным свойством – солнечные лучи словно отражались от неё, не в силах придать хотя бы лёгкую золотистость. Впрочем, это «чудо» обеспечивали в основном кремы и мази, которые изготавливали её знакомый аптекарь по специальным рецептам, изобретённым, как

он утверждал, самой Екатериной Медичи – мастерицей по «необычным» смесям.

В Париже граф Рошфор ввёл Миледи в курс предстоящего дела. Опытной шпионке не составило труда выяснить, где скрывалась госпожа Буанасье. Она лишний раз убедилась в своей неотразимости и умении добывать сведения там, где пасовал мужской ум. И если бы не мимолётная встреча возле дома гасконца...

...Миледи не знала, кто её родители. Двадцать четыре года назад монахини Тамплемарского монастыря бенедиктинок обнаружили у ворот корзину с очаровательным младенцем, завёрнутым в кружевные пелёнки. Там же лежали бархатный кошель, набитый золотом, и письмо с просьбой позаботиться о девочке. Обычная история незаконнорождённых детей знатных вельмож...

Необычное началось позже, когда в десять лет к ней приставили учителя, молодого священника, и к урокам богословия и рукodelия, проводимым монахинями с юными воспитанницами, а таковых в монастыре было несколько, добавились иностранные языки (английский, испанский, немецкий), грамматика, философия, этикет и даже геральдика.

А в пятнадцать она сбежала от своих опекунш вместе с наставником. Правда, нашли их быстро. Священника на десять лет заклю-

чили в тюрьму, а на её нежной коже появилось позорное клеймо — палач, оказавшийся (бывают же такие совпадения!) старшим братом осуждённого, выжег на девичьем плече королевскую лилию за грехи, которых она не совершала. Ну, если не считать побега из монастыря. Потом её тоже посадили под замок. Однако продлилось заточение не долго...

К тому моменту она уже поняла, что невероятно красива, что томный взгляд небесно-голубых глаз и медленный взмах длинными ресницами магически действуют на окружающих и могут открыть любые двери, а её развитый обширными знаниями ум позволял на ходу сочинять душепитательные истории, так что у тюремщика не было шансов устоять перед чарами прелестницы. Она снова оказалась на свободе.

Уверенная в своём знатном происхождении, девушка мечтала о Париже и Лувре. Ещё не до конца представляя себе, как применить вложенные в её голову науки, подгоняемая страстным желанием отомстить предавшим её родителям, она добралась до графства Берри и постучалась в домик местного пастора: ей требовались ночлег, еда и немного денег, чтобы продолжить путь.

Священник безоговорочно поверил в трогательную легенду о юной дворянке, похищенной цыганами, которую она придумала за минуту до того, как заскрежетал засов. Назва-

лась беглянка Анной де Бейль. Использовать имя, данное ей при крещении, – Матильда – не решилась: всё-таки в глазах закона она была беглой преступницей и наверняка находилась в розыске. Ангельская внешность вкупе с изысканными манерами подтверждали сказанное, и девушка получила всё, что хотела, да ещё приглашение задержаться на несколько дней и набраться сил перед дорогой.

За эти несколько дней и случилось то, что могло изменить её судьбу, – она влюбилась. А главное, чувство оказалось взаимным! Молодой граф Оливье де Ла Фер, владелец этих земель, совершенно потерял голову, как только заглянул в голубую бездну, обрамлённую густыми длинными ресницами. А уж когда услышал хрустальный звон голоса, одинаково свободно рассуждающего о высоких философских материях и международной политике, то сделал предложение руки и сердца, даже не спрашивая родительского благословения.

Счастье казалось таким близким, как спелое яблоко на клоняющейся к земле ветке, – протяни руку и возьми его в тёплую ладонь...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Екатерина Медичи (Екатерина Мария Ромола ди Лоренцо де Медичи, 1519–1589) – королева Франции (1547–1559 гг.); жена Генриха II, французского короля

из династии Валуа. Мать троих сыновей, занимавших французский престол в течение её жизни (Франциск II, Карл IX, Генрих III), она оказывала большое влияние на политическую жизнь Франции. Некоторое время управляла страной в качестве регента. После смерти супруга до конца своей жизни носила чёрные одежды в знак траура (до неё цветом скорби считался белый), за что получила прозвище Чёрная королева. С именем Екатерины Медичи связывают Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года, когда тысячи гугенотов были убиты в Париже и по всей Франции.

Лицемерие её было безгранично. Любой придворный, которого она называла «мой друг», мог считать себя погибшим. В борьбе с «врагами» нередко прибегала к ядам и чёрной магии.

Глава 44

В КОТОРОЙ МИЛЕДИ ВСЁ ЕЩЁ МЕДЛИТ

Дорога шла полем и была хорошо видна в лунном свете. Всадница снова вонзила шпоры в лоснящиеся бока кобылы, удивлённой непривычно жёстким обращением, и та понеслась, соревнуясь с ветром. Сильные порывы растягали белокурые локоны Миледи и сдули шляпу, не улетевшую только благодаря завязкам.

...Всё изменилось в одночасье, и «ветка с яблоком» вдруг взметнулась в недосягаемую высоту... Накануне венчания юная невеста долго терла плечо куском пемзы, пы-

таясь избавиться от клейма, но сделалось только хуже — лилию сменила кровоточащая рана, прекрасные голубые глаза покраснели от слёз боли и отчаяния, а нежные веки распухли...

Мнительный, как все влюблённые, молодой граф истолковал состояние избранницы нежеланием выходить за него замуж. Словно в подтверждение мрачных предположений жениха, прелестное лицо девушки исказалось, когда он обнял её после завершения священного обряда. Приняв гrimасу боли за отвращение, Оливье де Ла Фер совсем опечалился.

Но впереди ждало ещё большее потрясение: у выхода из церкви его супругу поджидала... тюремная карета, при виде которой новобрачная лишилась чувств, и он на своих руках донёс её до экипажа и положил на жёсткое ложе...

Пыль на дороге давно улеглась, а юноша всё стоял, сжимая в руке бумагу с официальными печатями главного судьи города Лилля. Обольщение, подкуп, побег, подтверждённые письменными показаниями свидетеля — брата одного из «пострадавших» от чар бывшей воспитанницы монастыря бенедиктинок, незаконорождённой дочери неизвестно кого... Но главное — предательский обман золотоволосого ангела, кому он только что отдал честное имя предков...

Природная сила духа и закалённый суровым монашеским воспитанием характер не позволили девушке долго предаваться горю, тем более что привезли её не обратно в тюрьму, а в чай-то особняк, где к ней приставили молчаливую служанку. Несколько дней юная графиня пребывала в неведении относительно своей дальнейшей судьбы, но однажды появился вельможа — высокий, с крючковатым носом и тонким шрамом на левом виске. Представился он графом Рошфором...

Так она оказалась в «лагере» будущего кардинала (а на тот момент государственного секретаря и министра иностранных дел) и почти сразу же получила задание доставить секретную депешу в Испанию, за что ей пообещали снять одно из «обвинений». С тех пор минуло восемь лет...

Анна де Бейль, леди Кларик, Шарлотта Баксон, баронесса Шеффилд, леди Винтер — лишь немногие из её имен и «биографий». Она помогала устранять неугодных Ришелье министров в разных странах и увлечённо «играла» судьбами монархий, искусно пользуясь шантажом и по роду своей шпионской деятельности редко появляясь во Франции...

И вот мимолётный взгляд на красавца в мушкетёрском плаще обжёг сердце и напомнил, что первый из её громких титулов — графиня де Ла Фер. Пока она гнала лошадь к аббатству Святой Женевьевы, в висках сту-

чало: «Обозналась, обозналась...» Но в памяти, стирая сомнения, всплыval ответный взгляд больших печальных глаз.

...Ещё в самом начале «службы», втайне от своего покровителя Ришелье, который как раз подвергся недолгой опале со стороны короля и был сослан в Блуа вместе с Марией Медичи, матерью монарха, она пыталась найти того, кто так недолго побыл её мужем, но он бесследно исчез...

Со временем история их короткого брака превратилась в легенду и передавалась из уст в уста по городкам и селениям Берри, обрастая всё новыми подробностями и вариациями: то ли молодой граф от отчаяния повесил юную супругу на ближайшем суку, поскольку та оказалась беглой преступницей, то ли утопил её в старом, заросшем лилиями пруду, то ли сам с горя повесился или утопился, то ли вовсе уехали оба в путешествие да и сгинули от рук лихих людей, промышляющих разбоем на лесных тропах...

В дорожной карете рядом с кастеляншей королевы ехала здоровенная дворняга с грустными тёмно-карими глазами, так сильно напомнившими Миледи глаза молодого графа, что у неё сразу возникла уверенность: из мушкетёрской троицы, встреченной ею у дома гасконца, принадлежал пёс именно ему. Да и псевдоним Атос, Священная гора, вполне подходил Оливье де Ла Феру!

Простой и оттого скучный план устраниния неугодной кардиналу парочки — а то, что гасконец последует за ними, сомнению не подлежало, — обернулся душевными терзаниями и растерянностью. Миледи нашупала в кармане пузырёк с ядовитым порошком, что собиралась подсыпать в питьё Констанции (непосвящённый никогда бы не догадался о причине внезапной остановки сердца у молодой женщины), а потом дождаться Д'Артаньяна в первом постоялом дворе и... Вариантов справиться с юным кадетом насчитывалось множество.

Однако Миледи упускала одну возможность за другой, увлекая путников всё дальше от Парижа и лишь меняя уставших лошадей...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Атос — фр. *Athos* — французское название горы Священный Афон.

Глава 45 «САВЕЛЬЧ, ТЫ ГЕНИЙ»

Наочных дорогах было небезопасно, и, хотя Миледи прекрасно управлялась со шпагой и метко стреляла, путешественникам всё-таки пришлось дожидаться рассвета на одном из постоялых дворов. Впрочем,

кардинальская шпионка не сомневалась, что имеет солидную фору по времени, полагая, что раньше наступления утра Д'Артаньян не удастся получить разрешение на отъезд. Тем не менее первые лучи солнца застали всадницу и карету уже в пути.

Дальнейшее промедление грозило обернуться провалом порученного ей дела. Правда, щедрые вознаграждения, что оставляла молодая женщина владельцам придорожных гостиниц, должны были задержать гасконца, лишая возможности получить свежих коней. Но эта отсрочка не добавляла решимости...

К тому же не давала покоя мысль – что, если и граф де Ла Фер узнал бывшую супругу? Возможно, её ожидает встреча не только с юным кадетом, но и с его друзьями-мушкетёрами.

Мудрый Савельич ничего путного не посоветовал, пессимистично заявив, что обстоятельства на этот раз чересчур сильны. Однако смириться с бездействием Брысь не мог. Не отвлекаясь на горестные вздохи приятеля, как заклинание повторяющего: «Двести километров! Даль-то какая!», он погрузился в размышления, вскоре прерванные радостным: «Это я!»

Возглас раздался так неожиданно и близко, что «секретный агент» и философ подскочили и вздыбили шерсть, моментально увеличившись на два размера каждый. Рыжий

остался доволен произведённым эффектом, а друзья набросились на него с упрёками, что подкрался и чуть не довёл их до инфаркта.

— Есть новости? — ворчливо спросил Брысь, успокоившись раньше Савельича.

— Есть! Кардинал отправил вслед за мушкетёрами отряд солдат! — отрапортовал «младший помощник».

...Наглядный урок шпионских премудростей, преподанный Брысем накануне, не прошёл даром. Как только Рыжий услышал тяжёлую поступь довольно грузного графа Рошфора, он тут же выразил желание снова полюбоваться прекрасными произведениями живописи (среди них, кстати, имелись и полотна фламандского художника Ван Дейка — тёзки его серо-белого друга).

Лорд с радостью вскочил, заметив попытки «иностраница» сформулировать некую мысль, и постарался догадаться о её значении. Это оказалось не так уж трудно — достаточно было проследовать за пушистым гостем из внутреннего садика в коридор и медленно пройтись, рассматривая портреты и картины со сценами из причудливой человеческой жизни.

У дверей хозяйственного кабинета «представитель далёкой державы» остановился, пристально изучая золотое тиснение на тёмной гофрированной коже, которой были затянуты стены. Хотя лучше бы он задрал голову и взглянул на потолок, где пухлые рисован-

ные ангелочки сыпали из рогов изобилия цветы и разные фрукты (не аппетитные косточки, конечно, но всё же интереснее, чем однообразный орнамент!).

— Сколько человек? — продолжал допрос главный «секретный агент».

— Восемь, и «фиолетовый» с ними!

— Значит, всего десять, если учитывать Миледи, — тут же сосчитал Савельич.

— Многовато на наших четверых!

— Это потому, что кардинал велел никого не оставлять в живых, — наконец сообщил Рыжий самое страшное.

Пришельцы из реального мира пригорюнились. Даже у находчивого Брыся закончились идеи, словно голову изнутри чисто вылизали. Правда, все остальные органы чувств работали по-прежнему исправно и без приказов «сверху».

— Шшш, — прошептал искатель приключений, — нас подслушивают!

Савельич навострил уши.

— Да, кто-то есть по ту сторону ограды, — подтвердил он и, забыв про свой почтенный возраст, пригнулся к земле, готовясь взлететь на стену, чтобы застать «неприятеля» врасплох.

— Ой, я и забыл! Это Лорд! — облегчённо вздохнул Рыжий, поначалу тоже распластавшийся в траве. — Он хотел убедиться, что я доберусь без происшествий!

— Галантен, как истинный француз! — одобрительно воскликнул Брысь и легко запрыгнул на каменный забор (постоянные тренировки давали себя знать, и любителю тайн уже необязательно было использовать побеги плюща и дикого винограда, чтобы преодолевать такие препятствия).

Рыжий разместился рядом, а последним на ограду влез философ, которому всё же пришлось цепляться за тугие стебли. Взглянув сверху на серого в разводах дога, он не удержался от возгласа:

— Здоровый как лошадь!

— Добрый день, месье! — откликнулся Лорд, решив, что чёрный кот поздоровался. Но особенно порадовал пожилого пса блеск, вспыхнувший в ярко-жёлтых глазах иностранца по имени Ван Дейк (ради встречи с вежливым путешественником он, собственно, и вызвался проводить лохматого гостя).

— Савельич, ты гений! — ошарашил Брысь своего приятеля неожиданным заявлением...

Глава 46

БРЫСЬ ДАЁТ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Ф

илософ приосанился, хотя и не понял, что такого гениального совершил он за последнюю минуту, а когда услышал слова, с которыми Брысь обратился к огромному (даже

больше Мартина!) догу, то чуть не свалился обратно в сад.

— Уважаемый Лорд, как вы смотрите на то, чтобы совершить с нами небольшую экскурсию за пределы Парижа? Нам бы хотелось осмотреть север Франции, а то жарковато тут у вас...

— Мы что, поскакем на нём?! — в ужасе выпучил глаза Савельич, перебив чересчур деятельного приятеля.

Но любитель острых ощущений лишь загадочно прищурился ...

Рыжий представил, как они втроём сидят на спине с выпирающими позвонками, вцепившись в мощную шею... Нет! Во-первых, жёстко. Во-вторых, вряд ли Лорд согласится, чтобы в него вонзилось столько когтей, а иначе никак не удержаться. Поэтому, чтобы не обидеть друга, он осторожно предположил:

— Может, тебе голову солнцем напекло? Чуть-чуть!

— Ничего себе «чуть-чуть»! — взорвался Савельич, который не стал даже воображать себя верхом на собаке, сразу исключив такой способ передвижения как абсолютно неприемлемый.

Брысь как ни в чём не бывало ожидал ответа от кардинальского дога и не реагировал на реплики «боевых» товарищей.

К предложению вежливого иностранца Лорд оказался не готов, а потому в растерянности хлопал глазами и ошеломлённо молчал.

Два других кота явно на что-то сердились. Неужели на его нерешительность?! Может, у них в России не принято отказывать гостям в просьбах? Интересно, как они собрались путешествовать? Пешком много лье не прошагаешь на таких коротких лапах... Лорд перевёл взгляд на свои длинные. Если он будет сопровождать чужеземцев, то идти ему придётся очень медленно – так до северных провинций не доберёшься! Но отпускать представителей далёкой державы одних в путь, полный неизвестных опасностей?.. Пожалуй, галантные французы так поступать не должны!

Все его мысли, вероятно, отразились в глазах, потому что серо-белый кот удовлетворённо кивнул:

– Вот и славно! – а потом, обращаясь уже ко всем, добавил: – Не бойтесь! Мы не пойдём пешком и тем более не поскакем верхом на дроге! Всё это слишком медленно! Мы... угоним карету!

Савельич всё-таки свалился в сад – слишком высоко подскочил при последних словах Брыся и промахнулся с приземлением. Рыжий не нашёлся что сказать и просто замер с вытаращенными глазами, снова похожими на жёлто-зелёные блудца с чёрными пятнами посередине, а Лорд осел на задние лапы, переваривая услышанное. В выражении «угоним карету» было что-то зловещее и противозаконное...

Словно угадав, что именно беспокоит пса, Брысь пояснил:

— Мы же вернём её обратно! И даже заплатим за использование!

Искатель приключений почти не кривил душой — он вспомнил, как кошель Д'Артаньяна наполнился пистолями, после того как они отдали галантёйщику кольцо королевы. Правда, момент оплаты терялся где-то в туманном будущем, но главное — намерение! Во всяком случае, именно так рассудил предприимчивый путешественник.

Савельич что-то возражал снизу, но слушать его Брысь не стал — как только он хватал идею «за хвост», сразу приступал к её воплощению. К тому же времени у них было в обрез, ведь Миледи увезла Констанцию ещё накануне вечером, гасконец с друзьями кинулся в погоню ночью, Рошфор с гвардейцами тоже, наверное, уже в пути, а неумолимое солнце подбиралось к полудню... Тут не до уговоров и сомнений!

— Мы не можем просто исчезнуть! — упрямо заявил Савельич, когда понял, что приятеля не остановить. — Вдруг мы разминёмся с мушкетёрами, и они будут за нас волноваться!

Искателю приключений было не привыкать «просто исчезать», однако он решил уступить философу хотя бы в этом вопросе.

— Ладно! Напишу записку! — согласился Брысь и, велев Рыжему и Лорду дожидаться его возвращения, спрыгнул в сад.

— Он что, и писать умеет?! — потрясённо молвил доктор, а пушистый иностранец наконец-то ответил по-французски:

— Oui!*

Базен гремел кастрюлями на кухне, поэтому не застал удивительной картины, как питомец Д'Артаньяна вскочил на резное, выполненное из древесины каштана бюро хозяина и, макнув лапу в бронзовую чернильницу, начертал на листке бумаги: «N».

Получилось довольно красиво, особенно то, что линии были неодинакового размера и наклонены в разные стороны, и Савельич не удержался от восхищённого восклицания:

— Ого! А что это значит?

Глава 47

О ГАЛЛАХ, ПЕРЧАТКАХ И ГРЕХАХ

Брысь возмутился:

— Как что?! N означает Север!

А потом вдруг вспомнил, что так и не выяснил у начитанного друга, почему чернила в этом времени коричневого цвета.

— Потому что их делают из галлов! — охотно поделился эрудицией философ.

Теперь настала очередь искателя приключений свалиться от неожиданности — хорошо,

* Да! (фр.)

что падать было невысоко! Заикаясь от ужаса, он переспросил:

— Из г-галлов?! Из тех, что ж-жили в Европе до римлян?! (Всё-таки не напрасно он столько часов провёл в библиотеке цесаревича Александра!) Люди раскапывают их м-могилы?!

Прежде чем ответить, Савельич вдоволь насладился ошеломлённым видом приятеля.

— Не из тех галлов, а из наростов на дубовых листьях, которые тоже так называются! Кстати, эти чернила на свету становятся только ярче.

Посерьёзнев, философ поинтересовался, как Брысь собирается выполнять свой безумный план.

— Для этого нам и нужен Лорд! Точнее, его устрашающая внешность и собачийнюх! Захватим какую-нибудь вещицу Арамиса, которую он недавно надевал.

Друзьям повезло — на бюро лежали перчатки мушкетёра, и путешественники утащили одну...

Лорд подивился предмету, который принёс в зубах серо-белый вожак кошачьей стаи. Зря говорят, что эти зверьки «гуляют сами по себе» — и среди них имеются полководцы! Например, питомцами хозяина командаёт Маркиза, и он неоднократно видел, как сурово наказывает она за неповиновение. Её лапки только на первый взгляд мягкие

и бархатистые, а как ощетинит их когтями да размахнётся посильнее, так и летят ослушники кубарем и разбегаются, поджав хвосты.

— Месье Лорд! Не могли бы вы запомнить запах человека, носившего это? — как всегда, безупречно вежливо обратился Брысь к французу.

Кардинальский дож сунул большой влажный нос в широкий раструб перчатки из чёрной кожи тонкой выделки. Пахло изысканным парфюмом (вероятно, владелец был модником!), лошадьми, оружейной смазкой и много чем другим, что различал только потрясающий собачий нюх.

— Запомнил! — сказал Лорд, в последний раз шумно фыркнув. Он решил больше ничему не удивляться — уж коли взялся помогать, следовало довести дело до конца, когда бы он ни наступил!

— У кого будем угонять карету? — деловито осведомился Рыжий, обрадованный, что Брысь выбрал такой комфортный способ передвижения.

— Думаю, вполне подойдёт скромный наёмный экипаж в одну лошадь. С одной легче договориться! — логично рассудил искатель приключений.

— Хорошо, где мы возьмём такой экипаж? — перефразировал вопрос бывший эрмик. (А он-то уж размечтался о золочёной колеснице с шестёркой ретивых коней!)

— Напротив гостиницы «Святого Фиакра» есть каретный сарай, — внёс лепту в разработку плана кардинальский дог.

— Знаете дорогу? — на всякий случай, уточнил Брысь.

— Конечно! За мной, месье!

От сознания своей значимости Лорд почувствовал необыкновенный прилив сил и кинулся вперёд. Правда, довольно скоро ему пришлось перейти на спокойную трусцу, чтобы иностранные гости не сильно отставали...

Ришелье не поехал на заседание Совета: самочувствие кардинала внезапно ухудшилось. Причина недомогания крылась не столько в приступе ревматизма, которым он страдал с детства, сколько в дурном расположении духа — его высокопреосвященство беспокоил приказ, отданный им графу Рошфору по поводу Миледи. Впрочем, её судьба на этот раз находилась в её собственных руках: останется верной ему — будет жить...

...Почти пятнадцать лет тому назад, когда Арман Жан дю Плесси де Ришелье ещё занимал пост епископа Люсона, ему пришлось исповедовать одну знатную даму, лежавшую на смертном одре. Среди вороха прегрешений, совершенных ею на этой земле, было одно особенно тяжкое — незаконнорождённое дитя, сразу после рождения отданное деревенской кормилице, а потом

подкинутое в монастырь бенедиктинок в Тамплемаре, подальше на север страны, с глаз долой... Теперь дама раскаивалась в содеянном и просила позаботиться о дочери, наречённой при крещении Матильдой...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Галлы – племена кельтской группы, жившие на территории Галлии (нынешних Франции, Бельгии, части Швейцарии, Германии и Северной Италии) с начала V в. до н.э. и до римского периода. Они говорили на одном из континентальных кельтских языков – галльском. Часть французской историографии считает галлов предками современных французов.

В XVI–XIX веках чернила изготавливали из «орешков-галлов» – светло-зелёных или красноватых наростов на листьях некоторых видов дуба. Цвет чернил получался тёмно-коричневым, очень устойчивым к свету. Такие чернила называли орешковыми.

Глава 48 КАРДИНАЛ РАССТРОИЛСЯ

Исполняя христианский долг и слово, данное умирающей, Ришелье навёл справки о девочке. Настоятельница монастыря описала её как чрезмерно умную (она употребила именно этот эпитет, видимо, считая женский ум грехом), чересчур подвижную, слишком красивую, склонную к авантюрам и вообще

не предназначенную для благочестивой монашеской стези...

Заинтересованный характеристикой, необычной для десятилетнего ребёнка, который с пелёнок воспитывается в рамках строгих монастырских правил, молодой епископ приставил к девочке учителя, священника из Лилля, рекомендованного ему как человека весьма образованного, выпускника Сорбонны, как и сам Ришелье.

Читая регулярно присылаемые ему наставником Матильды отчёты, в которых тот выражал восхищение успехами ученицы, Арман Жан, чья карьера стремительно шла вверх (люсонский епископ уже занял пост министра иностранных дел и государственного секретаря при Марии Медичи – матери Людовика XIII, управляющей страной ввиду малолетства короля), задумался о дальнейшей судьбе подопечной, всё больше склоняясь к мысли использовать её неординарные способности на благо Франции, то есть сделать её своей шпионкой...

Скрипнула дверь, и показалась Маркиза. Потёрлась усатыми щеками о створки, восстановила свой запах после посещения кабинета посторонними и прошествовала на привычное место перед камином. За ней потянулись котята, беззаботно нападая то друг на друга, то на бахрому ковра. Белый, которого Ришелье всё ещё прижимал к себе,

увидев маму, тут же запросился вниз, и его высокопреосвященство бережно опустил малыша на пол...

...Далеко идущим намерениям будущего кардинала чуть было не помешала сама Матильда, внезапно исчезнув из монастыря, да ещё вместе с учителем! Пока шли поиски, девушки умудрилась попасть в руки лилльского палача, бежать из тюрьмы и даже влюбиться! С одной стороны, столь безрассудные поступки подтверждали, что Ришелье не ошибся в оценке наклонностей «подопечной», с другой – ставили под удар его долго вынашиваемые планы относительно создания собственной шпионской сети, несомненным украшением которой должна была стать обворожительная и прекрасно образованная «воспитанница бенедиктинок».

Пришлось проявить жёсткость и вмешаться в судьбу прелестной авантюристки, удлинив список совершённых ею «преступлений» и заручившись письменными показаниями лилльского палача, оказавшегося к тому же старшим братом священника – наставника Матильды (воистину неисповедимы пути...). Как и предполагал Ришелье, этого вполне хватило для щепетильного в вопросах чести молодого графа, чтобы развестись с юной супругой и не проявлять интереса к её дальнейшей участии...

Конечно же, беглую «преступницу» не вер-

нули ни в тюрьму, ни обратно в монастырь — Арман Жан решил, что пришла пора проверить её в деле... Она справилась блестяще, как, впрочем, и со всеми последующими секретными «миссиями», а их было за прошедшие восемь лет немало...

Лёгкое волнение он пережил, когда узнал, что под личиной одного из мушкетёров, особенно часто досаждающих его гвардейцам, скрывается граф де Ла Фер, несущий королевскую службу под псевдонимом Атос. Немного успокаивало то, что Миледи появлялась в Париже редко — только чтобы получить новое задание: в Европе разгоралась война между католиками и протестантами, грозящая затянуться на долгие годы, а Франция была ещё слишком слаба, чтобы позволить себе оказаться втянутой в противостояние. Поэтому агентам всегда находилось чем заняться в Испании, Австрии или Англии.

Особенно опасным противником Ришелье считал главного министра английского короля Карла Первого, герцога Бекингема (к тому же посмевшего испытывать нежные чувства к французской королеве!), и он поручил красавице шпионке приглядывать за врагом с возможно более «близкого» расстояния. Так что до сих пор пути Миледи и Атоса не пересекались, и у кардинала не было возможности проверить, забыто ли обоими их недолгое общее прошлое...

Дверь опять скрипнула, и в кабинет заглянул камердинер. Вид у него был сконфуженный.

— Что случилось? — раздражённо спросил Ришелье, предчувствуя, что ничего хорошего не услышит.

— Ваше Высокопреосвященство, вы велели докладывать, если новый кот поведёт себя необычно...

— И что такого необычного он совершил?

Камердинер помялся в нерешительности:

— Пропал... И Лорда тоже нигде нет...

— Да убежали они! — широко зевнув, подсказала Маркиза. — Сразу вслед за графом Рошфором! У Лохматого какое-то срочное дело появилось, а Лорд отправился его провожать! Вернутся, никуда не денутся!

Любимице кардинала и в голову не могло прийти, чтобы кто-то по доброй воле навсегда покинул такое роскошное место обитания.

К её словам, впрочем, не прислушались. Папа ещё больше разгневался и расхvorался, так что пришлось звать доктора, а беглецы не объявились и спустя несколько часов, пропустив время обеда, а затем и ужина...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

В 1618–1648 гг. в Европе шла Тридцатилетняя война – за власть над Священной Римской империей и Евро-

пой. Она затронула в той или иной степени практически все европейские страны. Началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками, но затем переросла в борьбу против господства Габсбургов в Европе. Последняя крупная религиозная война в Европе.

Глава 49

ДРУЗЬЯ ОСУЩЕСТВЛЯЮТ БЕЗУМНЫЙ ПЛАН

Между тем судьба благоволила путешественникам — всего через несколько домов от жилища Арамиса на улице Вожирар они заметили подходящую для их целей карету. На её дверце красовался значок, изображающий святого с лопатой. Брысь уже видел такие, когда бегал по городу. Святого звали Фиакром, и он считался покровителем наёмных экипажей, а ещё садовников, что объясняло наличие «копательного» инструмента в его руках.

Господин, который приехал в карете, как раз расплачивался с возницей, а пегая лошадка смирно стояла, отмахиваясь хвостом от назойливых насекомых и время от времени встряхивая заплетённой в косички гривой.

Безмятежную картину нарушил огромный, серый в разводах пёс, кинувшийся на козлы со злобным рычанием. Кучер в страхе соскочил на мостовую, так и не успев взять

протянутую ему монету, а господин побелел и свалился без чувств прямо на булыжник.

— Гони, а то укушу! — рявкнул новый «возница».

Довод показался кобылке весьма убедительным, и она изо всех сил рванулась вперёд...

Довольные, что «угон» прошёл быстро и без жертв, если не считать хлопнувшегося в обморок горожанина, Рыжий и Савельич поудобнее расположились на мягких подушках.

Философ опять поразился везению, которое сопутствовало их приятелю и помогало осуществлять даже безумные, на первый взгляд, планы. Сам искатель приключений хмурился, несмотря на успешно проведённую «операцию»: из-за тёплой погоды и безоблачного неба, не предвещавшего ни капли дождя, полог экипажа был откинут, и необычные пассажиры бросались в глаза прохожим. Заслышав грохот их «колесницы», люди сначала сторонились и прижимались к обочинам, а затем принимали оторопелый вид.

Правда, остановить скачущую во весь опор лошадь никто не пытался. Вероятно, успевали заметить серьёзное выражение на морде огромного дога, восседающего на месте кучера. Лицезреть подпрыгивающих на ухабах котов вряд ли было возможно, так как карета передвигалась с большой скоростью.

Экипаж проторахтел колёсами по брусчатке Нового моста, оставив позади остров Сите с величественным собором Парижской Богоматери, пересчитал выбоины на мостовых, обогнул виноградники холма Монмартр и устремился дальше на север.

За городские окраины лошадка никогда никого не возила, но Брысь подсказывал маршрут. Фотографическая кошачья память досконально воспроизводила географические подробности местности, увиденные искателем приключений на карте, а держать нужное направление помогал магический «компас» где-то в голове, дополняющий не столь совершенный, как у собак, нюх.

Лорд, кстати, подтвердил правоту опытного путешественника, уловив на выбранной ими дороге недавнее присутствие графа Рошфора, проследовавшего в сопровождении конного отряда. Запаха из перчатки он пока учゅять не мог: слишком много других появилось за последние часы...

Кардинальский дод сконфуженно доложил о результатах «иностраницу», волнуясь, что его чутьё раскритикуют, но серо-белый кот почему-то воодушевился при имени графа и велел лошади прибавить ход. Однако отсутствие асфальта (или хотя бы привычной брусчатки) осложняло передвижение и вскоре вынудило сбавить темп, иначе экипажу грозила неминуемая авария. Кобылка

смогла наконец перевести дух и задать волнующие её вопросы, первый из которых касался еды.

Безуспешно пытаясь вывернуть шею, чтобы рассмотреть, кто ею командует, лошадь поинтересовалась:

— Эй, господа хорошие, может, остановимся травки пощипать?

— Где травка, там и мыши! — присоединился к предложению Рыжий (после жирной кардинальской сметаны ему хотелось чего-нибудь диетического).

— Потерпите! Вот доедем до первого трактира и пообедаем все вместе. Лорд ведь грызунами не питается! — возразил Брысь, которому не терпелось догнать «фиолетового» с гвардейцами.

Увидеть говорящих так и не получилось, но кобылка поняла, что главный в странной компании не здоровенный ёс (когда он внезапно прыгнул на хозяина, то со страха показался ей размером с доброго коня), а некто с бархатным голосом. Из тех, чьи кулинарные пристрастия выдавали котов. Вообразить себе представителей двух враждующих кланов мирно сидящими бок о бок никак не выходило, и лошадка продолжала беседу, рассчитывая внести ясность в происходящее:

— Меня зовут Ретивая Пегги, а вас?

— Ретивая — это то, что нам нужно! —

хмыкнул Брысь. — Осталось только доказать, что вас так назвали не в шутку!

Впрочем, он не забыл о правилах этикета, поэтому представил Лорда, друзей и себя, а также рассказал об «экскурсионной» цели поездки.

— Тогда зачем торопиться? — резонно заметила кобылка.

Лорд втихомолку порадовался, что сейчас разъяснится непонятная спешка, о причинах которой сам спросить стеснялся. Однако истинатель приключений считал, что час откровений ещё не наступил (вдруг испугаются и запросятся обратно, ведь впереди ждала неизвестность, возможно, даже смертельная схватка), а потому сослался на недостаток времени и необходимость скоро отправляться обратно, в далёкую Россию...

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Фиакр VII — ирландец по происхождению (имя первоначально звучало как Фиахра), поселился во Франции и стал отшельником. Св. Фаро из Мо подарил ему участок земли, где Фиакр построил скит и выращивал изумительные овощи. На месте дома для странников, в котором он был единственным слугой, ныне благоденствует городок Сен-Фиакр-ан-Бри. От мощей Фиакра, хранящихся в Мо, веками получали исцеление больные; ему молились как своему покровителю огородники. Фиакрами стали называть наёмные экипажи, потому что когда они впервые появились в Париже в 1620 г., то стоянка их располагалась у гостиницы св. Фиакра.

Глава 50

В «ЗОЛОТОМ ПЕТУХЕ»

Проскакав без остановки десять лье,
Портос взмолился:

— Друзья, я голоден так, что готов слопать целого коня! (Серый в яблоках жеребец покосился на всадника и возмущённо тряхнул гривой.) Давайте остановимся и поужинаем, а точнее, позавтракаем — скоро рассвет!

Арамис поддержал:

— Думаю, Портос прав! Да и лошадям нужен отдых... К тому же при свете дня передвигаться будет гораздо легче, а то мой конь уже не раз спотыкался.

Д'Артаньян, как ни рвался вперёд, вынужден был признать правоту друзей — он тоже чуть не вылетел из седла, зацепившись в темноте за ветку.

Атос молчал. Впрочем, погружённый в раздумья, он не проронил ни слова с тех пор, как друзья покинули дом гасконца...

Громкий стук разбудил хозяина постоянного двора «Золотой петух», и он отозвался хриплым спросонья голосом:

— Иду! Иду!

Зажигая по пути свечи, владелец придорожной гостиницы спустился в зал и отпер нетерпеливым проезжим тяжёлые дубовые

двери. Его тут же отодвинула в сторону мощная рука, и в помещение, сразу показавшееся слишком маленьким и низким, ввалился вельможа богатырского телосложения, а за ним ещё трое. Хотя на путешественниках были обычные камзолы и плащи, военная выправка и солидное количество оружия не оставляли сомнений в истинном роде их занятий.

Позёвывая и почёсываясь, поднялись слуги и занялись гостями и лошадьми, а хозяин, выставляя на стол вино и закуски, внимательно вглядывался в новые лица. Особенно в смуглого юношу. Не об этом ли гасконце предупреждала красивая дама, вручая луидор? И если да, то почему он не один, ведь за задержку четырех сумма, пожалуй, маловата! К тому же появились всадники значительно раньше предполагаемого срока и выглядели устрашающие, так что... Потребуют свежих коней, он не сможет отказать. Всё-таки собственная жизнь дороже любых денег!

К счастью, посетители ограничились поздним ужином (или, скорее, ранним завтраком) и собрались продолжить путь, несмотря на плотный утренний туман, повисший над дорогой. Хозяин хотел уже облегчённо выдохнуть, как вдруг смуглолицый юноша спросил:

— Скажи-ка, любезный, не проезжали здесь пару часов назад две дамы, блондинка и шатенка, обе очень хорошенъкие?

Никаких инструкций на подобный случай прекрасная всадница не оставила, а потому после недолгого колебания владелец «Золотого петуха» ответил:

— Как не проезжать! Дорога-то здесь одна! Светленькая верхом, а тёмненькая — в дорожной карете, с собакой. Но они почти не задержались, только покушали немного да сменили пристяжную, у неё подкова сломалась и ...

— Как ты сказал? С собакой?! — перебил гасконец.

— Да, огромная дворняга в ошейнике!

Мушкетёры и Д'Артаньян переглянулись.

— А кота с ними не было? Рыжего такого, пушистого? — на всякий случай осведомился Портос.

Хозяин гостиницы не подал виду, что удивился (кто их разберёт, этих господ!), и отрицательно покачал головой:

— Нет! Кота вроде не было, а если бы остался в карете, то дамы заказали бы молока или сметаны, а они только пса накормили.

— Кажется, наши ангелы-хранители соображают быстрее, чем мы, — шепнул Арамис юному гасконцу, — приставили к Констанции надёжного стражи!

— Вы правы, мой друг, у девушки появился шанс, — сказал Атос и тут же добавил, чтобы не слишком обнадёживать Д'Артаньяна: — Впрочем, весьма эфемерный...

Но для влюблённого кадета и призрачный шанс был лучше, чем совсем никакого. Он всё ждал, когда друг поделится историей, связывающей благородного мушкетёра с белокурой красавицей, но тот лишь сухо сообщил, что леди Винтер выполняет приказы кардинала.

...Ришелье не напрасно думал, что граф де Ла Фер постараётся забыть ту, которая «бесчестным» образом завладела именем его славных предков. Виновата ли была оскорблённая фамильная гордость, приправленная горячим нравом, но юноша и впрямь не проявил интереса к судьбе бывшей супруги.

Вместо этого он отправился на королевскую службу, мечтая погибнуть в бою или на дуэли, но рок и на этот раз оказался сильнее: Франция сторонилась войн (Ришелье как министр иностранных дел и главный советник короля считал, что страна к ним не готова), а постоянные поединки заканчивались для искусного фехтовальщика в лучшем случае лёгкими ранениями.

Годы шли, а золотоволосый ангел продолжал жить в памяти, делая Атоса всё более замкнутым и нелюдимым, и даже близким друзьям редко удавалось вывести его из состояния глубокой меланхолии. А несколько дней назад при выходе из кардинальского особняка, куда его доставили на допрос к Ришелье, перепутав с Д'Артаньяном, мушкетёр

заметил карету с причудливыми вензелями и в ней — ту, которую не получалось забыть.

Видение длилось ровно миг — за роскошным экипажем закрылись кованые ажурные ворота. Но мимолётная встреча возле дома Д'Артаньяна рассеяла последние сомнения. Это она, и она на службе кардинала...

Глава 51

МАРТИН ПРОВИНИЛСЯ, А ЛОРД ПОДКРЕПИЛСЯ

Мартин удивился, когда Миледи оставила свою красивую чёрную лошадь в конюшне одного из постоянных дворов. Сначала он даже подумал, что кардинальская шпионка поедет с ними в карете, и собрался бдительно следить, чтобы она не прикасалась к Констанции. Однако леди Винтер выбрала среди стоявших в стойлах приземистую кобылку рыжевато-коричневого цвета и продолжила путь, как и прежде, верхом.

Шарлотта проводила хозяйку грустным взглядом, и Мартину стало её жаль. Пёс представил, как было бы ему горько, если бы любимые Люди бросили его в незнакомом месте, а потому рассердился на Миледи ещё больше. И как только такая бессердечная женщина могла быть женой благородного Атоса?!

Правильно кардинал сделал, что разлучил их, хоть Брысь и считает иначе. И то, что она дважды погладила его, Мартина, не испугавшись больших, сверкающих белизной клыков, не извиняет похищения милой и доброй госпожи Буанасье, которая давно его не боится и, увы, кажется, не догадывается, что её похитили.

Четвёрку, впряженную в карету, тоже сменили новые кони, а с одной лошадкой вообще рас прощались почти в самом начале пути из сломанной подковы...

Тот постоянный двор Мартин хорошо запомнил — над входом красовался железный петух с раскрытым клювом, будто хотел закукарекать, да осенило его, что не живой, вот и замер, потрясённый ужасным открытием.

Ещё псу досталась там сочная сахарная кость с ошмётками мяса, поэтому и не укусил Миледи, когда она без спросу провела рукой по его голове: выразил сдержанную благодарность за угощение.

А вот места, где они заночевали, не разглядел из-за темноты. Луна хоть и сияла ярко, но где-то за лесами, изредка мелькая сквозь чёрное кружево дубовых крон. Хозяин сначала воспротивился, что пёс отправится спать в комнату на втором этаже вместе с дамами, а не останется снаружи, как, например, кучер. Но леди Винтер быстро его переубеди-

ла, сунув в оттопыренный карман какой-то блестящий кружочек.

За время пути Мартин догадался, что их возница наёмный, достался им вместе с каретой и, конечно, должен охранять своё имущество. А у него другая задача — приглядывать за Констанцией, поэтому он лёг возле её кровати, и, хотя глаза сами собой закрылись, чуткие уши остались на посту.

Поднялись путешественницы рано. Солнце ещё не взошло, а лишь намекнуло на грядущий день порозовевшим кусочком неба, да и тот увидели, когда поднялись на пригорок и вынырнули из молочного тумана.

Хорошо, что лошади знали дорогу и без покуканий бодро бежали вперёд. Тряска отвлекала Мартина от беспокойных мыслей о будущем, заставляя думать только о том, как бы не свалиться с сиденья и всё время оставаться рядом с госпожой Буанасье, находящейся под его защитой.

Едва последний ключок тумана растворился в воздухе, Миледи крикнула кучеру: «Гони!» — и пришпорила кобылку.

Щёлкнул хлыст, и четвёрка помчалась быстрей, подкидывая карету на многочисленных ухабах. В какой-то момент Мартин не удержался и рухнул на пол — раздался сильный треск, экипаж накренился, и Констанция тоже оказалась внизу, безуспешно пытаясь найти руками опору.

Пока возница втолковывал разгорячённым животным, что пора остановиться, лошади по инерции продолжали тащить их «домик на четырёх колёсах», точнее, уже на трёх. Наконец они замерли и наступила тишина, нарушаемая лишь прерывистым конским дыханием, поэтому новый треск прозвучал особенно явственно — отвалилось ещё одно колесо, и карета окончательно завалилась набок...

Хозяин «Золотого петуха» точно помнил, что положил на стол перед очередным гостем кусок окорока, но тот утверждал, что мясного ещё не подавали, тыча ему в нос пучком зелёного лука и артишоком. Жена и дочка обслуживали других постояльцев и лишь поклонами плечами, когда он спросил, куда подевалась закуска.

Окорок тем временем «удалялся» в направлении невысокого холмика, прекрасно (правда, не очень долго) чувствуя себя в зубах Лорда. Пёс поразился, с какой лёгкостью серо-белый иностранец решил проблему его обеда. Ему осталось только дождаться кота на выходе со двора и перехватить добычу.

Кардинальский dog, при его-то росте, мог бы и сам стащить кусок мяса со стола, но именно по этой причине предусмотрительный Брысь оставил «француза» караулить подальше от людских глаз. Обеспечив Лорда провизией, искатель приключений нырнул в

заросли, где уже шарили Рыжий и Савельич в поисках экологически чистых грызунов, а Ретивая Пегги щипала травку, сожалея лишь о том, что не умеет сама себя распрягать-запрягать...

Глава 52

БРЫСЬ «ВЫКЛАДЫВАЕТ КАРТЫ НА СТОЛ»

Мартин дождался, пока кучер поможет Констанции выбраться из поверженной кареты, и выпрыгнул сам. Чувствовал он себя отвратительно, почти так же, как в ту ночь, когда спихнулся Брыся в ливневый сток. И тогда и сейчас всё произошло случайно, но от этого несчастному псу было не легче. Правда, в прошлый раз из-за его неловкости удалось найти Янтарную комнату... Может, и теперь случится что-нибудь хорошее?

Мартин огляделся: коней распягли, и они разбрелись по цветущему лугу, меланхолично жуя всё, что зеленеет; экипаж лежал на правом боку, а два отлетевших колеса — чуть поодаль; возница, сокрушённо разводя руками, твердил Миледи про какую-то сломанную ось; она же, казалось, его не слушала, вглядываясь в ту сторону, откуда они приехали, и кусая губы; госпожа Буанасье пыталась

закрепить шпильками растрепавшуюся прическу, но потом передумала и встряхнула головой — волнистые каштановые волосы рассыпались по плечам, снова превратив её в красавицу. Пожалуй, изменениями во внешнем облике Констанции ограничилось то хорющеее, на что надеялся пёс.

Конечно же, Мартин корил себя напрасно — никакой его вины в том, что карета угодила колесом в яму, не было. А при скорости, с какой мчались кони, экипаж просто не мог не перевернуться. Поэтому на пса никто не думал сердиться. Наоборот, госпожа Буанасье ласково подозвала его к себе и ощупала, проверяя, не ранен ли её защитник.

Тем временем Миледи совершила нечто странное — опустилась на колени и прижалась маленьким изящным ушком к земле. На всякий случай Мартин тоже приложился к дорожной пыли, но кроме лёгких колебаний почвы ничего не ощутил.

— Вы боитесь, что нас преследуют? — робко обратилась Констанция к леди Винтер, но та лишь одарила девушку долгим взглядом и, достав из сумки, притороченной к седлу её лошади, походный набор для письма, уселась на камень и принялась чертить пером по бумаге. Мартин давно обратил внимание на разбросанные тут и там и уже вросшие в землю валуны, словно в незапамятные времена ими кидались рассерженные велика-

ны. А сейчас широкие, нагретые солнцем каменные округлости служили путникам столами и стульями.

Закончив послание, кардинальская шпионка помахала им в воздухе, а когда чернила просохли, свернула трубочкой и протянула госпоже Буанасье со словами:

— Передайте это Д'Артаньяну!

Затем вскочила в седло и, крикнув, что пришлёт новую карету, умчалась. Однако почему-то назад, хотя ближайший постоянный двор находился впереди.

Возница удивлённо пожал плечами и направился к коням, чтобы стреножить (вдруг разбегутся, почуяв волю!), а Констанция осторожно развернула листок...

Наспех перекусив — кто окороком, кто травой, а кто мышами — и попив воды из небольшой речушки, что вилась вдоль дороги, хвостатые путешественники вновь запрыгнули в карету, и Ретивая Пегги бросилась доказывать, что получила своё прозвище не в шутку.

Лорд переживал, что, сражённый благоуханием окорока, совсем забыл о необходимости «искать» запах из перчатки, поэтому старался исправиться и изо всех сил втягивал воздух большими ноздрями.

Задачу облегчал встречный ветер, наполняющий голову пса разнообразными сведениями.

Очевидно, граф Рошфор с солдатами задержались в трактире «Золотой петух» дольше, чем хвостатые преследователи, потому что теперь находились всего в паре лье впереди.

Лорд обернулся к «вожаку» кошачьей стаи, чтобы сообщить эту новость, и вдруг уловил едва различимый аромат владельца чёрной кожаной перчатки: смесь тонкого парфюма, оружейной смазки, лошадей и много чего ещё, что по отдельности могло принадлежать кому угодно, а вместе — только определённому человеку.

Нужный запах исходил... от серо-белого!

— Как такое может быть? — удивился даже Савельич.

А Брысь немного подумал и предположил, что стащил окорок именно с того стола, за которым несколько часов назад сидели мушкетёры, а кошачья шерсть, как известно, впитывает окружающие ароматы и может пахнуть чем угодно: хоть рыбой, хоть луговыми цветами, а в данном случае — Арамисом!

— А кто он такой? — включилась в беседу Ретивая Пегги. Ей надоело бежать молча.

Брысь вздохнул — видимо, настал момент «выложить карты на стол», как говорят Люди, когда речь идёт о секретах.

— Арамис, а с ним ещё трое мушкетёров...

— Твой Д'Артаньян пока только кадет! — успел вставить философ.

— Но скоро и у моего гасконца появится

голубой плащ! – заступился за друга искатель приключений и продолжал: – В общем, одну девушку похитили и увезли в Бетюнский монастырь кармелиток...

И Брысь подробно рассказал всю историю: и про алмазные подвески, и про короля с королевой, и про английского герцога. Не забыл и о зловещей роли кардинала Ришелье и его шпионки.

Заслушавшись, Пегги чуть было совсем не остановилась, и лишь окрик Лорда, который вдруг почувствовал себя рыцарем, спасающим прекрасную даму, заставил её понестись вскачь...

Глава 53

О ЖЕНСКИХ ХАРАКТЕРАХ

Как только место «крушения» исчезло из виду, Миледи свернула с дороги в дубраву и, укрывшись за широкими стволами и густой листвой, приготовилась ждать. Сейчас она жалела лишь об одном – о том, что сказала Рошфору о Бетюне. Но тогда она не предполагала, как изменится её душевный настрой от случайной встречи с графом де Ла Фер и мистического совпадения, что в «сопровождающих» у её жертвы оказался именно его пёс, да ещё с таким же грустным взглядом больших тёмно-карих глаз.

Миледи размышляла. Предоставив Констанцию Буанасье собственной судьбе, ей следовало позаботиться о своей — кардинал не простит неповиновения! Острый ум шпионки привык просчитывать события на несколько шагов вперёд, именно поэтому Ришелье ценил в ней не только лучшего агента, но и достойного противника по шахматным баталиям. (Правда, довольно редким, по причине сильной занятости обоих партнёров.)

Сейчас её будущее зависело от того, кто появится из-за поворота: если только гасконец, то она спокойно уедет и растворится на просторах Европы или Нового Света — недостатка в надёжных документах у Миледи не было, да и средств накоплено столько, что можно вести безбедную и праздную жизнь. А станет скучно, так всегда найдётся высокопоставленное лицо, кому бы потребовались услуги опытной помощницы в секретных делах...

Но если Д'Артаньяна сопровождают друзья, то его высокопреосвященство обязательно отправил ей «подмогу». Скорее всего, гвардейцев возглавляет Рошфор. И вряд ли кардинал хочет, чтобы его месть королевской кастелянше получила огласку, а значит, у графа приказ, чтобы никто из участников этой драмы не вернулся в Париж живым...

Когда Миледи по цепочке своих рассуждений добралась до этого звена, холодный

ум потерпел поражение от... сердца, в котором проснулась давняя любовь. И стало белокурой красавице неоспоримо ясно, что не сможет она беззаботно жить, если Оливье де Ла Фер, мушкетёр Атос, погибнет...

Осторожно развернув листок и замирая от страха (вдруг адресованное Д'Артаньяну послание окажется любовным письмом?!), Констанция прочла:

«Месье! Если Вам дорога Ваша избранница, увезите её как можно дальше! В Париж ей возвращаться нельзя!»

Мартин подсунул голову под руку девушки и обеспокоенно заглянул ей в глаза, проверяя, не расстроило ли госпожу Буанасье то, что написала леди Винтер, но по задумчивому лицу молодой женщины трудно было понять, опечалена она или просто размышляет...

Констанция перечитала записку ещё раз, поняв из коротенького текста «главное»: прекрасная леди Винтер не является возлюбленной Д'Артаньяна, а сам юный гасконец спешит к ней, Констанции! Сделав этот радостный вывод, она обняла Мартина и крепко поцеловала в чёрный влажный нос. Пёс тут же облизал её в ответ, довольный, что опасность в лице кардинальской шпионки скрылась за холмом и даже её «чужестранный» запах почти развеялся (ведь ускакала она в ту сторону, куда дул ветер).

Немного успокоившись, госпожа Буанасье наконец-то осознала и другой, совсем не радостный факт: ей нельзя вернуться к прежней жизни и службе в Лувре. А ведь после крёстного, камердинера Анны Австрийской, она была единственной, кому несчастная королева могла доверять!

Получалось, всё, что обещала леди Винтер, уговаривая её бежать из Парижа «дней на десять», обман! Вероятно, поломка кареты спутала какие-то первоначальные планы белокурой всадницы, но вряд ли стоило ждать, что она пришлёт новый экипаж.

Характер Констанции не так уж сильно отличался от авантюрного склада Миледи. Вспомнить хотя бы её бегство от похитителей через окно второго этажа по скрученной простыне! Да и подготовка тайного свидания королевы и английского герцога требовала определённого мужества и сообразительности.

Кастелянша её величества решительно тряхнула каштановыми кудрями и велела кучеру, лениво развалившемуся в луговой траве, добыть какую-нибудь повозку. Она сама отправится навстречу Д'Артаньяну!

Вознице не хотелось никуда ехать на неосёдланном коне, но ласковая улыбка и небольшая сумма денег (всё, чем располагала Констанция) помогли ему преодолеть лень.

Вскоре Мартин и госпожа Буанасье остались вдвоём среди щебета птиц и душистых полевых цветов, найдя укрытие от жарких лучей солнца в тени опрокинутой кареты...

Глава 54

РАЗНОЕ И ВИД СВЕРХУ

Владельцев постоянных дворов, куда заезжали мушкетёры и Д'Артаньян, посещала та же мысль, что и хозяина «Золотого петуха»: если среди четвёрки и находится тот самый гасконец, задерживать грозную компанию себе дороже! А потому они безропотно меняли взмыленных коней на отдохнувших. (Правда, не таких резвых, что забирала очаровательная всадница, платя более чем щедро.)

Д'Артаньян «с пристрастием» расспрашивал каждого встречного о двух дамах и собаке, радуясь, что дистанция сокращается и что, вопреки мрачным прогнозам Атоса, его возлюбленная Констанция жива...

Послышался топот множества копыт. В облаке дорожной пыли возникли четыре наездника, и взгляд Миледи тут же выхватил знакомое лицо графа де Ла Фер. С годами оно стало более мужественным и строгим.

Юный гасконец, чей конь на полкорпуса опережал остальных, выглядел воинственно,

и губы белокурой шпионки тронула улыбка при воспоминании о растерянности кадета и восхищении её красотой, которых он не сумел скрыть, когда она возникла на пороге его мансарды. Почему-то в памяти тут же всплыли внимательные янтарно-жёлтые кошачьи глаза и странное ощущение, охватившее её при виде питомца Д'Артаньяна... Будто бы он всё знал про коварные планы, направленные против гасконца и его избранницы. Миледи тряхнула головой, прогоняя непрошеное видение...

Всадники пронеслись мимо и скрылись за холмом, а шпионка кардинала (отныне, вероятно, бывшая) тронула лошадь и двинулась в ту сторону, откуда примчались мушкетёры, — навстречу их преследователям. Гасконец с друзьями появились значительно раньше её расчётов, так что, возможно, и гвардейцы не заставят себя ждать. Чтобы не столкнуться с отрядом Рошфора напрямую, Миледи не стала выезжать на дорогу, предприняла лесную тропу меж раскидистых дубов...

Констанции надоело сидеть, и она занялась составлением букета. Высоко в небе, которое было сейчас именно такого лазоревого оттенка, что и мушкетёрский плащ — во-жделенная мечта Д'Артаньяна, парили хищные птицы, высматривая добычу. Девушка позавидовала им: они-то видят, далеко ли ещё милый её сердцу храбрый гасконец!

Орлам и ястребам действительно открывалась сверху поразительная картина, но интересовали их не сломанная карета и дремлющий в её тени пёс; и не женщина, собирающая на лугу цветы; и не другая – в чёрном костюме и плаще, верхом на лошади, прячущаяся среди деревьев; и не две группы всадников, поменьше и побольше, двигающиеся в одном направлении на значительном расстоянии друг от друга. А замыкающая кавалькаду открытая карета с такими необычными пассажирами, что, не поверив глазам, хищники опустились ниже...

Ретивая Пегги изо всех сил оправдывала своё имя – воодушевлённая общим боевым настроем, она летела вперёд и категорически отказалась от предложения серо-белого кота, возглавляющего спасательную экспедицию, сменить её на другую лошадь. Чтобы лишить новых знакомых такой возможности, Пегги проносилась мимо постоянных дворов особенно резво, уверяя, что ей вполне хватает тех кратких передышек, когда их компания останавливается, чтобы подкрепиться и попить прохладной речной воды...

Мартин вскинул голову и поставил большие уши торчком – по дороге кто-то приближался. Пёс различил топот нескольких копыт и прислушался к своим ощущениям: вместо тревоги по всему телу разлилась

радость, и он вскочил, восторженно повизгивая и размахивая хвостом. Удивлённая резкой переменой в поведении верного спутника, Констанция повернула голову в ту сторону, куда не отрываясь гляделася пёс.

Сначала над вершиной холма, с которого они так неудачно скатились, показалось пыльное марево, а потом... Солнце слепило, и госпожа Буанасье «козырьком» приложила руку к бровям, старясь лучше рассмотреть приближающуюся группу. Почувствовав внезапную слабость, она опустилась на траву, а пёс ринулся навстречу всадникам, оглашая окрестности счастливым лаем...

Глава 55

МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТРЕТИМСЯ!

При виде совсем не маленького пса, несущегося прямо на него, конь под Атосом громко заржал и вскинулся на дыбы, чуть не сбросив седока. Однако опытному наезднику удалось удержаться в седле, и, приструнив жеребца, он соскочил на землю. Мартин тут же сбил мушкетёра с ног и с наслаждением облизал запылившееся лицо.

— Хе, хе! — ухмыльнулся Портос, наблюдая за радостной встречей и подумывая, не завести ли собаку в парижской квартире. Пусть скачет вокруг, когда он возвращается

со службы, и повизгивает, и даже слюнявит щёки тёплым языком. Хорошо бы и рыжий пушистый кот находился неподалёку...

Портос вздохнул — исчез его питомец, а ведь как сметану любил! И так тщательно вылизывал плошку, а потом и свои перепачканные усы...

Д'Артаньян и Арамис, не задерживаясь возле друга, которого счастливый пёс всё ещё не выпускал из бурных объятий, приблизились к опрокинутой карете и спешаились. Юный гасконец от волнения запутался в стременах и, прыгая на одной ноге и пытаясь высвободить другую, нетерпеливо взывал к Арамису:

— Вы её видите? Видите?

Арамис обошёл завалившийся набок экипаж и заметил лежащую в высокой траве девушку. В первое мгновение мушкетёр решил, что они опоздали, и похолодел, представив, какой удар ждёт влюблённого. Он в растерянности обернулся к Д'Артаньяну, который наконец очутился обеими ногами на земле и, подбежав к Констанции, застыл, пронзённый той же мыслью — опоздали...

Трагизм момента нарушил Мартин. Выразив Атосу свой неописуемый восторг, он вспомнил о «подопечной» и примчался поделиться радостью. Облизывать человека, когда он в горизонтальном положении, гораздо удобнее (как выяснилось только что), а потому пёс весело накинулся на госпожу Буанасье, немного

удивлённый, что она тратит драгоценное время на лежание в траве.

Конечно, Констанции было бы куда приятнее очнуться от страстного поцелуя симпатичного гасконца, но ей следовало хотя бы намекнуть об этом Мартину, прежде чем лишаться чувств!

Впрочем, счастливый вопль, который Д'Артаньян исторг из груди, как только увидел трепетание длинных ресниц, утешил девушку сполна и даже вернул лукавость взгляду прекрасных синих глаз.

Оставив влюблённых наедине, Арамис подошёл к Атосу и Портосу.

— Интересно, что здесь произошло? — обратился он к друзьям.

Портос пожал плечами:

— Ну с каретой-то всё очевидно, а вот куда делся кучер и где леди Винтер?

Он вопросительно посмотрел на молчаливого Атоса, но тот не успел высказать своего мнения: размахивая листком бумаги, к ним бежал Д'Артаньян.

— Друзья! Послание от леди Винтер!

Юноша прочёл его вслух, адресуясь в основном к самому старшему и уважаемому в их компании.

— Что вы обо всём этом думаете, дорогой Атос?

— Думаю, что по каким-то причинам, пока неясным, приказ кардинала не выполнен.

Атос сам терялся в догадках, не решаясь предположить того, чего настойчиво желало сердце.

— Считаю, вам следует послушаться совета и как можно скорее увезти Констанцию в безопасное место!

Д'Артаньян размышлял не более секунды:

— В Гасконы! Я увезу её к родителям! Там уж Его Высокопреосвященство до неё не доберётся!

— Тогда торопитесь, мой друг!

Портос отстегнул от кружевного воротника небольшую золотую брошь, украшенную парой драгоценных камней (все знали, что он получил её в подарок от госпожи Кокнар, жены богатого торговца и, «по совместительству», его нежной воздыхательницы):

— Вот, возьмите! Вам предстоит долгая дорога!

Арамис вручил растроганному Д'Артаньяну серебряный портсигар с инкрустацией — память о герцогине де Шеврёз, а граф де Ла Фер — дорогой фамильный кинжал.

Усадив Констанцию перед собой на коня, юный гасконец легко тронул его шпорами, и жеребец сначала шагом, а потом всё ускоряясь, поднял седоков на вершину холма. Прежде чем исчезнуть из виду, Д'Артаньян обернулся к друзьям и крикнул:

— Передайте Планше, чтобы как следует заботился о моём коте, а то я задам ему трёпку! И... мы встретимся! Мы обязательно встретимся!

Последние слова донеслись до мушкетёров, когда гасконец со своей возлюбленной уже скрылись за возвышенностью.

— Почему вы так мрачны, дорогой Атос? Всё же закончилось благополучно! — добродушно пожурил Портос угрюмого друга, но тот с сомнением покачал головой:

— Закончилось ли?

— Как бы то ни было, нам пора возвращаться! Теперь мы не сможем передвигаться быстро, — Арамис кивнул на пса, внимательно прислушивающегося к беседе.

— А эти? — спросил Портос, глядя на пасущихся на лугу стреноженных лошадей. — Лучше их развязать — мало ли куда исчез возница!

Наконец мушкетёры снова оседлали коней и неспешно двинулись в обратный путь. Мартин, радостно виляя хвостом, бежал рядом, а следом потрусили освобождённые от пут кони...

Глава 56

О ПРЕЖНИХ ОШИБКАХ И БУДУЩИХ СХВАТКАХ

Парящие в синей вышине хищники забыли про поиски добычи, увлёкшись происходящим внизу. Конные отряды, которые совсем недавно двигались в одном направлении, теперь неумолимо сближались, грозя в скором времени устроить на дороге толчёю, а карета с необычными пассажирами: трём я котами, конкурентами орлов и ястребов по охоте за грызунами, и собакой, больше смахивающей на лошадь, вот-вот настигнет всадников и окажется жертвой наступающей неразберихи...

Не только Ришелье и Миледи, но и граф Рошфор был неплохим шахматистом и умел мыслить рационально, а потому... никуда не торопился. Зачем, если мушкетёрам всё равно придётся возвращаться этой дорогой? В том, что схватки не избежать, он не сомневался, хотя и ценил заслуги кардинальской шпионки почти столь же высоко, как сам Ришелье. Но в данном случае соотношение сил было не в её пользу. А коли сражение неизбежно, то разве не лучше встретить его

с отдохнувшими лошадьми и на сытый желудок, рассудил граф — и не пропускал ни одного придорожного трактира.

Жаль, де Жюссак не получил приказа сопровождать их, а то было бы с кем обсудить придворные сплетни об алмазных подвесках и любовном треугольнике: обоих величествах и первом министре английского короля. А скорее, четырёхугольнике, поскольку личные чувства кардинала к Анне Австрийской играли в этой истории не последнюю роль...

Болтать о столь щепетильных вещах с подчинёнными Рошфору не позволяла офицерская честь и привычка к соблюдению строгой субординации. Де Жюссак — другое дело, с ним они равны по «званию», к тому же знакомы много лет. Правда, в отличие от приятеля, командующего охраной его высокопреосвященства, Рошфор выполнял самые разнообразные поручения, включая те, о которых не следовало знать королю. Вроде недавнего похищения кастелянши её величества или предстоящего устранения мушкетёров, любимчиков де Тревиля, и его протеже — юного гасконца!

Если бы граф мог предвидеть, что смуглолицый нахал перейдёт дорогу патрону, то разбрался бы с ним ещё тогда, в Менге, когда обнаружил в кармане стираной-перестираной курточки оглушённого им молодца рекомендательное письмо к капитану королевских мушкетёров.

Рошфор не удержался и прыснул в кулак, вспомнив причину их ссоры — несуразную старую лошадь немыслимого жёлтого оттенка, на которой гасконец горделиво въехал в город, рассмешив не только население, но даже кур, петухов, а также всех овец и баранов, пригнанных на рыночную площадь для продажи.

Что ж, теперь он не совершил прежней ошибки и доведёт дуэль до победного конца, а заодно поквитается с обидчиками де Жюссака — знаменитой троицей: Атосом, Портосом и Арамисом. «Тем более что на этот раз им не помогут ни собачьи зубы, ни кошачьи когти», — с ироничной улыбкой подумал граф.

Впрочем, владельцы постоянных дворов упоминали, что в карете с кастеляншей едет какая-то дворняга... Из преследуемой четвёрки собака была только у Атоса. Неужели Ришелье прав и Миледи стала вдруг сентиментальной и так долго тянет с выполнением задания из-за пса, принадлежащего графу де Ла Фер?!

Рошфор потряс головой, отгоняя нелепые мысли. Он знал Миледи с первого дня её службы у патрона, который в то время занимал пост министра иностранных дел и ещё только «плёл» свою шпионскую сеть. Знал её как холодного и расчётливого профессионала. Во всяком случае, Ришелье отзывался о Ми-

леди именно так. Поэтому поверить, что из-за воспоминаний о далёком прошлом ей спустя восемь лет безукоризненного служения окажется не под силу простейшее поручение, было не просто трудно, а совершенно невозможно.

Рошфор и гвардейцы снова двинулись в путь, не подозревая, что те, о ком граф совсем недавно думал с пренебрежением, уже почти настигли его отряд. Даже Ретивой Пегги не обязательно было выказывать ревность, так как серо-белый «полководец» рассудил, что лучше оставаться в тылу и внезапно атаковать в нужный момент.

Как выглядит «нужный» момент, Пегги не представляла, но готовилась, периодически взбрыкивая и проверяя, далеко ли сможет достать копытом, если дойдёт до потасовки. Пассажиры были от этих неожиданных «проверок» не в восторге, но терпели и тоже осматривали «оружие»: Лорд время от времени лязгал зубами, представляя, как вцепится ими в Рошфора (за всё время их «знакомства» граф ни разу не погладил его и не угостил косточкой!), а коты то выпускали, то втягивали крючкообразные когти, воображая, как нацепят на каждый по гвардейцу. Жаль, противников маловато, на всех не хватит!

— Ты чего нахмурился? — поинтересовался Рыжий, удостоверившись в своей «готовности» к битве и заметив, что Брысь вглядывается в горизонт.

— Ветер поменялся! — озабоченно ответил «руководитель спасательной операции».

Теперь все обернулись на запад, куда устремилось солнце, торопясь закончить хлопотный день, и где испуганными овечками сбивались в одно большое стадо кучевые облака, буквально на глазах меняя расцветку с ослепительно-белой на грязно-серую...

Глава 57

ГРОЗА ВСЁ БЛИЖЕ

Гроза стремительно приближалась. Хищники, наблюдавшие сверху за перемещениями людей, коней, котов и собак, с сожалением покинули быстро темнеющее небо и полетели искать укрытие.

Хозяин постоянного двора «Старая мельница», его семья и слуги сутились, торопясь закончить хозяйственные дела до наступления ненастя. Закрывали хлопающие от резких порывов ветра ставни. Успокаивали волнующихся лошадей. Отлавливали разбегающихся в панике кур, уток и гусей. Загоняли в хлев перепуганных свиней и пороссят. И радовались, что отряд гвардейцев во главе со знатным вельможей покинул гостиницу, а то запасы вина были на исходе, и сей печальный факт в сочетании с испортившейся

погодой мог сильно расстроить вооружённых до зубов солдат.

— Возвращаются! — с таким воскликанием вбежал в дом один из слуг.

Владелец «Старой мельницы» обречённо вздохнул и, полагаясь только на милость небес и на то, что гроза не продлится долго, велел зажигать свечи и тащить из подвала всю провизию и бутылки, какие там ещё остались...

Хвостатые преследователи едва успели свернуть на обочину — те, кого они догоняли, вдруг изменили маршрут, о чём незамедлительно «сообщил» изумительный кошачьесобачий слух (не помешал даже шум ветра, нарастающий с каждым мгновением). Выпрыгнув из кареты, компания спряталась в зарослях шиповника, а Пегги приняла безмятежный вид лошади, ожидающей возницу, который отлучился на минутку по неотложным делам.

Скользнув по пустому экипажу равнодушными взглядами, всадники промчались мимо, спеша на постоянный двор.

— Куда теперь? — спросил Лорд, стараясь не показывать, что боится надвигающейся бури.

Ответил ему Савельич, он тоже мечтал поскорее найти укрытие:

— Мушкетёры неизвестно где, зато мы знаем, где враги! Их и будем караулить!

Брысь не стал спорить, но не из-за страха перед грозой (после пережитых в войну бомбёжек гнев природы был храброму коту ни почём, почти...), а из-за логичности рассуждений друга-философа.

— Разворачиваемся! — крикнул он Ретивой Пегги, и лошадка понеслась назад, вздрагивая от ужаса, когда покернвшее небо освещали зловещие вспышки, после чего неминуемо следовал грохот, словно от привычного мира отлетали гигантские куски и ударялись обо что-то очень твёрдое. Ещё чуть-чуть, и тяжеленный кусок упадёт прямо на них и раздавит! Никогда раньше ей не приходилось переживать грозу вне стен родного каретного сарая, и бедная Пегги начинала жалеть, что ввязалась в авантюру, недавно казавшуюся весёлым приключением.

Мнения Рыжего никто не услышал. Впрочем, он его и не высказал — как только раздались раскаты грома, бывший эрмик спрятался на дне экипажа и накрылся подушкой, стянутой с сиденья.

Первые тяжёлые капли застали компанию у въезда на постоялый двор, и Пегги поспешила под навес, где уже испуганно жались друг к другу нерассёдленные кони гвардейцев. Её пассажиры юркнули под карету и сбились в разноцветную кучу...

Миледи осторожно продвигалась вдоль дороги, по-прежнему оставаясь в тени деревьев.

вьев. Впереди ждал открытый участок, где спасительные кущи сменяются луговой травой, а из укрытий останутся разве что стога сена.

Вдалеке всё слышнее гремела гроза, и следовало поторопиться, чтобы ливень не застиг без крыши над головой.

Ближайшим постоянным двором была «Старая мельница», где Миледи оставила свою Шарлотту. В надежде, что Рошфор с отрядом находится дальше, чем можно ожидать, всадница выехала из дубравы и пустила лошадь галопом.

Если бы орлы и ястребы не испугались непогоды, то полюбовались бы удивительной картиной: хрупкая наездница в развевающейся накидке низко пригнулась к конской шее; золотые кудри растрепались; шляпа с пером не улетала только благодаря лентам, крепко завязанным под изящным подбородком, а над всадницей нависло почти такое же чёрное, как её плащ, небо, и молнии то и дело озаряли его голубым и оранжевым светом...

— Что так взволновало пса? — спросил Арамис, заметив, как Мартин остановился, задрал голову и принял жадно втягивать ноздрями воздух.

— Наверное, он чувствует приближение ненастя! Смотрите, как потемнело! — воскликнул Портос, который, к слову сказать, очень боялся грозы. Ещё с самого детства,

когда однажды прямо на его глазах молния угодила в старый каштан и тот, вспыхнув огромным факелом, за считанные секунды превратился в обугленную головешку.

Мартин, разумеется, давно слышал громовые раскаты и видел отблески далёких вспышек и мрачные тучи, что неслись прямо на него. Но беспокоило пса совсем другое: среди разнообразных запахов, витающих над пыльной дорогой, он уловил не просто знакомые, а... родные! Трёх котов, которые в отсутствие Саши, мамы Лины и папы Николая Павловича составляли всю его семью! Ну конечно, если не считать Атоса и Гrimо...

Глава 58

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Атос был мрачнее грозовых туч. Загадочное исчезновение «леди Винтер», её неожиданное великолодущие не давали ему покоя, как и возможность засады на пути в Париж. Его терзала тревога за боевых товарищей, к которым он привык относиться как к младшим братьям и готов был в любую минуту отдать за них жизнь.

Теперь друзей стало больше... Мушкетёр оглянулся на пса. Тот бодро бежал следом и выглядел радостно возбуждённым, и даже высунутый язык свидетельствовал на сей раз

никак не об усталости. На сердце сразу потеплело, и Атос улыбнулся в ответ на преданный взгляд тёмно-карих собачьих глаз.

С тех пор как пёс внезапно возник в его жизни, возвращение домой перестало быть унылой привычкой. А необходимость заботиться о ком-то, кроме слуги, отвлекла от вина, которым он последние годы глушил тоску о несбывшемся семейном счастье.

Атос нащупал ключ, что носил на шее вместе с распятием. Раньше он каждый вечер открывал им ларец «с тайнами прошлого» и непонятно зачем мучил себя, разглядывая золотистый локон и перечитывая «показания» лильского палача. Пёс нарушил многолетний ритуал, будто намеренно отвлекая забавными шалостями: то подушку притащит и примется потрошить, смешно чихая от набивающихся в нос пуха и перьев, то начнёт примеряться к резным ножкам стола... Хотя уже не щенок и совсем не глуп!

Когда он исчез – так же внезапно, как и появился, мушкетёр места себе не находил и даже поколотил Гримо, который оказался ни в чём не виноват. Хвостатые ангелы-хранители сами решили, кому больше нужна защита и помощь крепких клыков. Недавняя бурная встреча с лихвой окупила три дня разлуки, и, если бы не тяжёлые раздумья о том, что ждёт впереди, Атос чувствовал бы себя почти счастливым.

Кони, которые поначалу увязались за ними, испугались ненастя и умчались. Скорее всего, в свою конюшню, на ближайший постоянный двор. Да и всадникам не мешало бы добраться до «Старой мельницы» раньше, чем синяя полоска неба над ними будет проглочена чёрной грозовой пастью.

— Друзья! Поезжайте вперёд! Зачем мокнуть всем?! — крикнул Атос.

— Вот ещё! — тут же возразил Портос, хотя втягивал голову в плечи при каждом громовом раскате и зажмуривался, когда небо расекали огненные зигзаги.

— Один за всех! — весело воскликнул Арамис, стараясь отвлечь приятеля от мыслей о молниях (он знал о детских страхах богатыря).

— И все за одного! — вдруг раздался голос... Д'Артаньяна!

Гасконец гнал коня во весь опор и вскоре очутился рядом с удивлёнными мушкетёрами.

— Что случилось? Где Констанция? — засыпали они вопросами своего молодого друга.

— С ней всё в порядке! — успокоил юноша. — Я снабдил её деньгами и письмом, где объяснил родителям всё, что смог объяснить, и посадил в почтовый дилижанс.

— Но почему вы не поехали вместе?! — не отставали друзья.

— Потому что Атос прав! Это ловушка! Возница рассказал, что видел на одном из постоянных дворов отряд гвардейцев. Они следуют на север, хотя и не очень спешат, а возглавляет их вельможа со шрамом на виске.

— Граф Рошфор! — почти хором воскликнули мушкетёры и, не сговариваясь, схватились за эфесы шпаг, словно неприятель уже находился перед ними.

— Что ж! Нехорошо заставлять себя ждать! — решительно заявил Портос и собрался пришпорить коня, радуясь предстоящей схватке.

— Их девять человек, вместе с графом! — предупредил Д'Артаньян.

«Или десять, с леди Винтер», — подумал Атос, но вслух сказал:

— Приятно, что кардинал высоко ценит наши заслуги! Однако нас всего четверо...

Мартин тут же возразил громким басом, обидевшись, что его не посчитали.

— Хорошо, хорошо! — согласился Атос. — Пятеро! Всё равно маловато!

— Нас гораздо больше! — пытался втолковать мушкетёрам пёс, которому от волнения никак не удавалось сложить пять плюс три, а потому он отрывисто лаял, каждым звуком обозначая члена их дружной команды и надеясь, что Люди сами сообразят, сколько всего получается...

- Слышали? – вскинулся Брысь.
- Собака лает, ну и что? – дрожа всем телом, отозвалась Пегги.
- Это не просто собака! Это наш Мартин! – ликуя и даже забыв на мгновение про грозу, которая вот-вот обрушит на них свою ярость, вскричал Рыжий.
- Тсс! Миледи! – перебил его Брысь и пригнулся, хотя они сидели под каретой и всадница вряд ли могла их увидеть.

Лорд убрал передние лапы (он прикрывал морду на случай, если небо снова расколется) и поднял голову. Раньше он и не догадывался, что леди Винтер и есть та самая злоумышленница по прозвищу Миледи, что по приказу его хозяина похитила кастеляншу королевы. Белокурая красавица, как и Рошфор, не носила ему угощений, зато ласково дёргала за ухо при встрече, так что он относился к ней если не с любовью, то вполне сносно...

- Интересно, она выполнила задание кардинала? – прошептал Савельич.

Брысь строго посмотрел на приятеля.

- Если бы выполнила, стал бы Мартин лаять так радостно?! – укоризненно произнёс он.

– Жаль, слов не разобрать! – посетовал Лорд, немного ревнуя и переживая, как пройдёт его знакомство с пском-иностраницем.

Сильный ветер, который только что гнул деревья и закручивал вихри из пыли, веточек

соломы и птичьих перьев, неожиданно стих, словно жалоба на шум дошла до нужных инстанций и кто-то влиятельный отдал соответствующее распоряжение.

— Кончилась гроза? — с робкой надеждой спросил Рыжий.

— Нет! — ответили более опытные и хлебнувшие уличной жизни Савельич и Брысь. — Затишье перед бурей...

Глава 59

БУРЯ

Двор был пуст, лишь столбы пыли гонялись наперегонки с соломой и птичьими перьями. Под деревянным навесом раскачивалась от ветра карета со значком Святого Фиакра. Пегая кобылка вздрагивала и мотала головой каждый раз, когда гром булыжниками рассыпался по небу. Миледи нахмурилась, рассердившись на неизвестного возницу, который, очевидно, укрылся в доме и даже не распряг бедное животное.

Вдоль коновязи нервно перебирали ногами осёдланые лошади, и она узнала гнедого жеребца графа Рошфора (лоб коня украшало белое пятно в форме креста). Видимо, гвардейцы надеялись, что гроза не продлится долго, а потому держали коней в полной готовности, чтобы сразу выдвинуться в путь...

Шарлотта находилась в конюшне позади небольшого двухэтажного здания придорожной гостиницы, и лучшего момента, чтобы не заметно забрать её и скрыться подобру-поздрову, нельзя было представить. Все, включая слуг, попрятались в ожидании ливня.

С трудом справившись с засовом, Миледи вошла внутрь, и её окутали густые запахи сена и конского навоза. Сильный порыв ветра тут же распахнул створки и принял ожесточённо колотить ими о каменные стены. Кони заволновались, испуганно прядая ушами и возбуждённо кружая в стойлах. Лишь Шарлотта превозмогла страх и поприветствовала хозяйку радостным ржанием. Правда, взмыла, когда поняла, что на неё собираются надеть упряжь и вывести туда, где всё гремело и сверкало.

Ласковыми словами Миледи удалось немного успокоить умную кобылку, а на её место поставить ту, что уже послужила.

Закрыть ворота оказалось молодой женщине не под силу. Они словно взбесились и вырывались из рук. Но природа неожиданно преподнесла подарок – ветер стих... Быстро водрузив засов на место, белокурая наездница вскочила на лошадь и легонько её пришпорила.

Шарлотта нехотя направилась со двора, чувствуя, что затишье ненадолго, и обеспокоенно косясь на коней под навесом. В наступив-

шей тишине было слышно, как они тревожно всхрапывают и постукивают копытами по деревянному настилу.

Миледи пересчитала — девять лошадей, а значит, и гвардейцев! Верная смерть для четверых мушкетёров! Или даже троих, если гасконец последовал её совету и увёз Констанцию Буанасье подальше от ищеек кардинала. Она остановилась и, опять ругая себя за нерешительность, обернулась на двери гостиницы, откуда доносился гомон голосов и визгливый смех служанок...

Внезапно со стороны дороги раздался конский топот. В первое мгновение Миледи испугалась, что сейчас столкнётся с мушкетёрами, но во двор влетели разгорячённые лошади — те, что были впряжены в пострадавший наёмный экипаж.

С их появлением закончилась передышка, будто природа дала животным возможность добежать до родных стен и больше ничто не удерживало её от проявления то ли бурной радости, то ли праведного гнева...

Несколько молний одновременно нарисовали на тёмном холсте неба замысловатые рисунки и тут же их стёрли, уступив место громовержцам. Те, недовольно кряхтя (словно жалуясь, что вечно вторые), долго собирались с духом, а потом яростно ударили в свои гигантские литавры. Медленно затухающее эхо совпало с новыми вспышками, за которыми

последовал такой мощный раскат, что кони гвардейцев вздыбились, в бешенстве грызя удила и пытаясь сорваться с привязи, а Шарлотта в исступлении рванулась, сбросив наездницу, и присоединилась к мечущимся по двору лошадям.

Миледи упала навзничь, больно ударившись о твёрдую как камень землю и увидела... Лорда. «Я умерла! – почему-то с облегчением подумала кардинальская шпионка, видимо, радуясь, что не придётся делать трудный выбор между служебным долгом и старой любовью. – Его Высокопреосвященство прислал своего дюга, чтобы он проводил меня на тот свет!»

Природе надоело бушевать всухую, и к редким каплям она добавила потоки воды, которые тут же привели Миледи в чувство. Белокурая красавица (уже порядком растрёпанная) проворно заползла под карету. Как ни странно, видение «с того света» не исчезло, наоборот, очень живо облизало ей лицо. К тому же вечер неожиданных встреч продолжился: к собачьему боку тесно прижимались серо-белый кот Д'Артаньяна, а с ним ещё два – пушистый рыжий и гладкий смолянисто-чёрный.

Начавшееся светопреставление лишило Миледи возможности удивиться, а тем более подумать, как питомец Д'Артаньяна и кардинальский дог оказались в одной компании, да ещё так далеко от Парижа. Она накрыла

дрожащих от ужаса животных широким плащом и сама теснее прижалась к ним, бормоча подряд все молитвы, какие вспомнила из своего монастырского детства...

Ураганный ветер раскачивал карету, приподнимал и снова швырял на землю, и оставалось загадкой, каким образом пегая лошадка ещё не оторвалась от оглоблей и не улетела туда, куда уносились сломанные ветви и целые деревца, вырванные с корнем. Листы серого железа на крыше гостиницы дребезжали, как и ставни, удерживаясь из последних сил. И казалось, совсем чуть-чуть — и дом рассыплется, а его обитателей разметает по свету...

Глава 60

ЛУНА НЕДОВОЛЬНА

Снаружи разыгралась настоящая буря, и граф Рошфор велел двоим солдатам проводить коней, однако никто не смог выйти: что-то мешало открыть двери.

Владелец «Старой мельницы» истово крестился, прислушиваясь к грохоту кровельного железа, и уверял, что кирпичная кладка выдержит любой ураган. Однако старое здание не внушало Рошфору доверия. Впрочем, как и сам хозяин постоянного двора, который за всё время с момента начала грозы ни разу не послал слугу в подвал. А между тем коли-

чество бутылок на столах порядком сократилось, и если непогода затянется, то ему и его гвардейцам нечем будет промочить горло.

Мартин так и не понял, догадались ли мушкетёры, что он пытался им втолковать, потому что Портос воскликнул:

— Я намерен взять на себя троих!

И пёс опять занялся сложными арифметическими подсчётами.

— Кто же вам позволит, дорогой Портос?! — немедленно отозвался Арамис. — Думаете, только вы соскучились по хорошей драке?

Восторженное выражение лица юного гасконца было красноречивее всяких слов, так что Атосу осталось подвести итог:

— Тогда вперёд, друзья!

Наклонившись к Мартину, мушкетёр добавил:

— Прости, но тебе придётся догонять!

— Ещё посмотрим, кому придётся! — самонадеянно заявил пёс и рванул во всю силу крепких лап, предвкушая скорую встречу с котами. Правда, к их запахам примешивалось много других, подозрительных и враждебных, но это лишь заставляло Мартина мчаться быстрей.

Между тем гроза переросла в бурю и нарушила смелые планы, вынудив воинственно настроенную компанию искать укрытия в лесу...

Разметав и разрушив всё, что поддалось разрушению, ненастье ушло дальше на восток, а на свежеумытом небе ненадолго появилось неяркое вечернее солнце. Оно смущённо оглядело ущерб, который причинили людям его неистовые сородичи, и позавидовало луне, чей бледный лик уже показался на небосклоне: темнота скроет воцарившийся внизу хаос и позволит ей нести дежурство без угрызений совести.

— Какой кошмар! — укоризненно сказало ночное светило старшему брату, и тот, покраснев от стыда (ведь именно в его смену учинилось такое безобразие!), поскорее нырнул в багровые волны заката.

Продолжая недовольно ворчать, Луна принялась осматривать повреждения, вздыхая над каждым поваленным деревом. Солнце напрасно думало, что ей видно хуже, чем ему! За многие тысячелетия она привыкла к темноте и превосходно различала даже мелкие подробности.

Например, молодую женщину в костюме для верховой езды. Дама вылезла из-под кареты, где, видимо, пережидала непогоду. Но вместо того чтобы пойти в дом, ловко перепрыгнула через плетёную изгородь и отправилась в поле. Наверное, ловить грациозную лошадку, которая никак не поддавалась на уговоры и отказывалась подходить к хозяйке.

А вон и тот пёс из реального мира, что раскопал на пустыре бриллианты французской королевы. С ним четверо всадников. О чём-то совещаются... Вероятно, о том, продолжать ли путь или провести ночь в лесу. Увы, она и хотела бы им помочь и светить ярче, но не могла — один из её округлых бочков спрятался в тени...

Ураган прокатился с таким неистовым грохотом, что Миледи оглохла. Пока она приходила в себя, выглянувшее было солнце снова скрылось, но уже не за грозовой тучей, а за горизонтом. Впрочем, наступившая темнота и разрушения, оставленные бурей, давали надежду, что мушкетёры задержатся в пути и она... успеет привести себя в порядок. Сражаться на чьей бы то ни было стороне в грязном мокром костюме и с растрёпанной прической... Ни за что! В сумке кардинальской шпионки имелись и сухая одежда, и зеркальце, и гребень. Оставалось поймать Шарлотту, к седлу которой был приторочен багаж...

Миледи заторопилась — на поиски лошади требовалось время. Не слишком грациозно выбравшись из-под кареты, она потянула плащ. Неожиданные соседи по укрытию продолжали дрожать, а Лорд вцепился в ускользающую ткань, оставив себе «на память» кусок шёлка.

Рыжий и чёрный коты были в таких же ошейниках, что питомец Д'Артаньяна и пёс

графа де Ла Фер, и Миледи не сомневалась, что, если бы не темнота, она прочла бы на них имена двух других задир мушкетёров, Портоса и Арамиса. Однако этот факт никак не объяснял таинственного появления животных на «Старой мельнице», а присутствие собаки его высокопреосвященства делало загадку и во все неразрешимой...

Ущербный свет луны не скрывал царившей на подворье разрухи. Деревянный навес чудом устоял, лишь несколько досок валялось неподалёку, да ещё парочка висела на ржавых гвоздях. Кони уже не хрюпали натужно и не грызли удила, но их бока продолжали раздуваться от частого дыхания.

Пегая лошадка крутила головой: то ли старалась разглядеть, кто вылез из-под её кarterы, то ли прислушивалась к шуму в доме. «Вероятно, входную дверь завалило», — машинально отметила про себя Миледи, перебираясь через плетень.

Поле встретило молодую женщину буйством звуков: возмущённо стрекотали цикады, делясь друг с другом пережитыми страхами, жалобно причитали и хлопали крыльями неведомыеочные птицы, с шуршанием проносились летучие мыши... В эту какофонию вплеталось фырканье и ржание лошадей, и Миледи различила голос своей Шарлотты.

Потратив немало времени на ласковые уговоры, белокурая красавица наконец завла-

дела и кобылкой, и вожделенной сумкой. Переоделась в чистое, а главное, сухое бельё, надела дорожный костюм — облегающие штаны и блузку тёмно-вишнёвого цвета — и занялась причёской. Благо ночь тоже сменила одеяние на более светлое, готовясь к встрече с рассветом (вот кто «наряжался» настоящим франтом!), что позволило Миледи разглядеть себя в зеркале...

Глава 61

ВСЕ УСТРАИВАЮТСЯ НА НОЧЛЕГ

—Пегги, ты жива? — окликнул Брысь мужественную лошадку, как только гроза отправилась бушевать в другое место.

— И-го! То есть угу! — с запинкой отозвалась та, ещё не до конца веря, что свистопляска закончилась для неё благополучно.

Пегги не понимала, почему не умчалась куда глаза глядят, а заодно не утащила пустой экипаж. Очень хотелось думать, что причина столь храброго поведения крылась в стойкости духа и нежелании подвести новых друзей. Но, положа копыто на сердце, скорее всего, ноги парализовало от страха...

— А куда делась Миледи? — покрутил пушистой головой Рыжий, попутно проверяя, может ли вращать ею, как прежде.

Савельич не видел такого урагана за всю свою долгую жизнь. Что же касается кардинальской шпионки... Стыдно признаться, но с перепугу в памяти философа даже появление Миледи под их повозкой почти не сохранилось, а уж куда делась...

Лорд постарался быстрее взять себя в лапы, чтобы иностранные коты не решили, что кардинальский дог — трус. Он-то как раз хорошо запомнил момент, когда леди Винтер вылезла из-под кареты, так как пытался удержать её за плащ (под плотной тканью было не так страшно) и, кажется, оторвал кусок шёлка. Точно... вот он, всё ещё у него в пасти!

— Здесь нас обнаружат, — выплюнув «трофей», рассудил он, — и заподозрят неладное, ведь граф Рошфор знает и меня, и его, — Лорд кивнул на Рыжего.

— Да, нужно спрятаться получше! — поддержал Брысь, радуясь возможности увести разговор в сторону от Миледи — он почему-то стеснялся, что так уютно чувствовал себя под защитой её рук и плаща. А ведь никаких весомых доказательств, что красавица шпионка не совершила злодейства против Констанции и Д'Артаньяна, пока не появилось! Ну если не считать неразборчивого лая Мартина, а ещё... его собственной интуиции: та леди Винтер, что приходила в мансарду и насмешливо улыбалась, могла учинить подлость, а та, что забралась к ним

под карету, мокрая и растрёпанная, да ещё укутала их плащом и обняла покрепче... нет, не могла!

Со стороны дома доносился странный грохот, и «организатор спасательной экспедиции» осторожно выглянулся, чтобы узнать, что там происходит. Не хватало ещё пропустить решающую схватку!

— Похоже, у них дверь не открывается! Да и не думаю, что «фиолетовый» с отрядом куда-то поедет, пока не рассветёт, — сообщил искатель приключений, довольный таким поворотом событий.

Однако рано или поздно запертые в гостинице выберутся наружу, а Ретивая Пегги с каретой без возницы выглядела уже очень странно. Друзья решили снова погрузиться в экипаж и провести остаток ночи за живописной плетёной изгородью, что отделяла постоянный двор от дороги.

На дне повозки плескалась вода, а мягкие подушки насквозь промокли, но от пережитых волнений всех клонило в сон, от которого не могли отвлечь даже бытовые трудности. Договорились караулить мушкетёров и Мартина по очереди, то есть по принципу: кто первый услышит, тот и разбудит остальных.

Хозяин «Старой мельницы» цокал языком и сокрушённо качал головой, прикидывая, во что ему обойдутся последствия урагана:

починка крыши (несколько листов железа всё-таки оторвались и лежали теперь внизу искрёженной грудой, из-за чего долго не удавалось открыть входные двери); ремонт навеса (бедные кони, как их не поубивало отлетевшими досками!); поломанный плетень — в том месте, где через него перескакивали испуганные лошади, а теперь возвращались, виновато пофыркивая...

Кстати, откуда они взялись? Владелец большого хозяйства подозревал одного из работников:

— Послушай, не те ли это кони, что взяла у нас белокурая дама для кареты?

Подняв фонарь выше, тот подтвердил:

— Точно, они!

Граф Рошфор осматривал и успокаивал своего жеребца, но, услышав разговор, повернулся к беседующим.

Возвращение лошадей, которые должны были везти карету с кастеляншей королевы, добавило происходящему таинственности и окончательно запутало посланника Ришелье, но выяснить до наступления утра, что же случилось, он остерёгся и, на всякий случай выставив дозорных, отправился в дом.

До «Старой мельницы» оставалось не больше трёх лье, но в темноте они превратились в непреодолимое препятствие из-за поваленных деревьев.

— Друзья, придётся заночевать в лесу! — наконец вынес решение Атос.

Дождя больше не предвиделось (всполохи молний отодвигались всё дальше, а небо усыпали звёзды), так что шалаш строить не стали, а расположились прямо на мокрой траве, постелив плащи. Впрочем, они тут же промокли.

— Как вы думаете, у Рошфора приказ нас арестовать или убить? — нарушил тишину Портос, которому не спалось на голодный желудок.

— Скорее, второе! — беззаботно ответил Арамис. — Уж если кардинал собирался отомстить невинной девушке только за то, что она выполнила поручение королевы, то оставлять в живых тех, кто отправился ей на помощь, ему тем более не резон.

У Д'Артаньяна крутились на языке вопросы о леди Винтер, но, посмотрев на сумрачное лицо Атоса, он предпочёл их «проглотить».

Мартин лежал рядом с хозяином, прислушиваясь к урчанию в животе и разговорам мушкетёров и разглядывая надкусенный жёлтый блин в чёрной вышине, похожий на те, что пекла мама Лина. Он особенно любил их со сметаной, хотя сейчас слопал бы и так...

Пёс набрал воздуха побольше, чтобы хватило на затяжной выдох (собаки используют его вместо колыбельной), и закрыл глаза...

Глава 62

БРЫСЬ ОЧЕНЬ СЕРДИТСЯ

Брысю показалось, что он только-только свернулся калачиком и даже не успел задремать, как уже кто-то подал сигнал. Причём какой-то странный, не похожий ни на мяуканье, ни на лай, ни на конское ржание... Может, петух прокукаrekал? Хотя... слишком мелодично для воинственной птицы со шпорами.

— Ди-линь! Ди-линь! — послышалось снова.

Это же... дверной звонок!

Искатель приключений подскочил с воллем:

— Подъём! Подъём! Всё проспали! Всё пропало!

Рыжий и Савельич с трудом приоткрыли по одному глазу.

— Чего вопиши? — проворчал философ.

— Только место нагрел! Что мы могли пропустить?! — Но тут же замолчал, с удивлением озираясь вокруг.

— О, твоя верёвочка нашлась! — радостно воскликнул Рыжий, увидев прямо перед носом потрёпанный золотистый ошейник, подарок немецкой принцессы Марии его приятелю, бывшему Придворному Коту.

— Ты спросонья совсем не соображаешь?! — накинулся на него Брысь.

Рыжий обескураженно ойкнул и вытаращил глаза, по привычке увеличив их до невероятных размеров.

— Мартин! — сердито топнул лапой «руководитель» несостоявшейся спасательной операции. — Проснись немедленно!

Пёс сладко потянулся, дружелюбно глядя на котов.

— Какой хороший сон! Это потому, что про мамины блины вспомнил. Вот вы мне и снитесь, и квартира, и моя подстилочка! О, даже утка! — обрадовался Мартин при виде любимой игрушки из красного латекса.

— Нет, ну лопух — он и есть лопух! — горячился Брысь. — Худшего времени для возвращения и придумать невозможно!

Искатель приключений чуть не плакал от досады.

— Видимо, закончилось действие эликсира! Кстати, судя по тому, что книга так и лежит на полу и осколки от крышечки валяются, здесь прошло всего несколько мгновений, — как всегда по-философски мудро, изрёк Савельич, но его слова ничуть не утешили друга, скорее, наоборот...

В дверь позвонили, и Саша, грустный и подавленный внезапным исчезновением домочадцев, поплёлся открывать. На пороге стоял ликийущий «изобретатель».

— Забыл что-нибудь? — кисло поинтересовался Саша.

— Он нашёлся, нашёлся!!! Мой Пафнutyшка! Смотри, живой и здоровый! В клетке своей сидел как ни в чём не бывало!

Вова отвернул полу куртки — под ней, крепко вцепившись в свитер юного Менделеева, сверкал рубиновыми глазками-бусинами белый крысюк, «младший научный сотрудник» Вовкиной химической лаборатории.

— Везёт тебе, а вот мои...

Саша не договорил: из глубины коридора послышался знакомый топот, и в следующее мгновение на худенькие плечи мальчика обрушились тяжёлые лапы исчезнувшего Мартина! Саше даже не удалось его рассмотреть, так часто пёс елизил языком по счастливой физиономии маленького хозяина.

— Надо же, — удивился Вова, — радуетесь так, будто не виделись целую вечность!

— А мы и не виделись! — подтвердил Мартин, лизнув за компанию «химика», а заодно и Пафнугия, известного ему ранее только по запаху, исходившему от рук и одежды Сашиного приятеля.

Крысюк опешил, но быстро пришёл в себя и шустро юркнул в рукав.

— Щекотно! Щекотно! — задёргался Вова и скинул курточку.

Оказавшись на полу в незнакомой квартире, под одной крышей со слюнявым монстром,

Пафнутий совсем ополоумел от страха и кинулся искать укромное местечко, чтобы отсидеться и подумать над путями отхода.

А дальше... начался ураган. Во всяком случае, так показалось Мартину, после недавних событий большому специалисту по стихийным бедствиям. Разве только молнии не сверкали, а вот грохота было больше чем достаточно.

— Коты вернулись! — в восторге закричал Саша и бросился на шум.

А юный химик онемел от ужаса — как бы не пришлось проститься с «младшим научным сотрудником»...

В стрессовой ситуации Пафнутий проявил недюжинные способности и умения: главный дегустатор эликсиров, словно заправский альпинист, с невероятной ловкостью и быстротой взбирался по шторам, как опытный канатоходец пробегал по карнизам и как воздушный акробат перепрыгивал на шкафы, а оттуда на книжные полки.

На его беду, коты обладали всеми перечисленными качествами в не меньшей степени, к тому же на их стороне было численное превосходство. А потому очень скоро помощник изобретателя оказался зажатым в углу гостиной среди воцарившегося хаоса: опрокинутой мебели, оборванных штор, сломанных карнизов, полок и разноцветной кучи книг...

Глава 63

ПЕГГИ ПОДАЁТ ЗНАК

— Надо же, какой белый! — удивлённо воскликнул Савельич, разглядывая дрожащего от страха грызуна. В его Летнем саду такие не водились.

— М-да! Вкусный сорт, наверное! — облизнулся Рыжий. — А ты что скажешь? — обратился он к Брысю.

— Скажу, что не ем подозрительную пищу! — отозвался искатель приключений.

Его охотничий азарт угас, как только добычу загнали в угол. И на любителя острых ощущений сразу навалилась такая чёрная тоска, что на её фоне даже Савельич казался серым.

Брысь вяло дал себя потискать побежавшему Саше, да и новая встреча с изобретателем волшебной жидкости не подняла настроения — чем он может быть интересен без маленькой бутылочки из тёмного стекла?! Напридумывал непроверенных эликсиров, которые перестают действовать в самый неподходящий момент! Вот как теперь мушкетёры справляются с отрядом гвардейцев без их помощи?! Как?!

Брысь окунул сердитым взглядом столпившихся в гостиной и, тяжело вздохнув и не дожидаясь решения судьбы белого грызуна,

отправился в детскую. На полу всё ещё лежала раскрытая книга, и он несколько раз прошёлся рядом, почти по самым страницам, страшась заглянуть в них и узнать, чем закончилась неравная схватка. Но всё-таки не выдержал...

Д'Артаньян не сомкнул глаз: то предвкушал, как сведёт счёты с графом Рошфором, то одолевало беспокойство за исход предстоящей неравной битвы, то влюблённый погружался в мысли о Констанции, представляя её лукавую улыбку и нежные губы, что прикасались к его мужественной небритой щеке... Гасконец провёл пальцем по юношескому пушку, который ещё не был знаком с пикмахерским инструментом. Но ведь щека в самом деле небрита!

Думы о возлюбленной плавно перетекли в воспоминания о серо-белом ангеле-хранителе. При всём уважении к питомцу Атоса и остальным, Д'Артаньян не сомневался, что именно его кот отправил пса охранять Констанцию.

Потом кадет предался мечтам о том времени, когда наденет мушкетёрский плащ цвета небесной лазури, спереди и сзади украшенный крестами из серебристого бархата, с золотыми королевскими лилиями на концах и алыми трилистниками на перекрестьях. Как, увешанный оружием, в компании верных друзей он будет повсюду сопровождать короля на своём

превосходном белом скакуне и бдительно охранять его величество от врагов. Нет, лучше он примет достойную смерть на поле боя, в чине лейтенанта королевских мушкетёров! Впрочем, почему лейтенанта? Он станет маршалом Франции и совершил множество подвигов, а его возлюбленная Констанция будет им невероятно гордиться!.. В общем, ученик Академии чуть не пропустил момент, когда звёзды поблекли, а луна исчезла за деревьями, да и предрассветный туман уже не лежал белым ватным одеялом, а порвался в клочья...

— Пора! Пора! — встрепенулся Д'Артаньян и принял расталкивать крепко уснувших товарищей.

Атос посвистел своему псу, но тот не отозвался.

— Наверное, умчался вперёд, чтобы быть наравне с нами! — предположил Портос, усаживаясь в седло.

Никто из мушкетёров не заметил в траве чёрного кожаного ошейника с выцарапанной ножом надписью: «Атос, ул.Феру, 11».

Всадники пустили коней шагом, потому что в утреннем свете последствия урагана выглядели ещё более ужасающими. Лишь через час утомительного пути показалась знакомая плетёная изгородь постоянного двора «Старая мельница».

Поперёк дороги, загораживая въезд, стояла карета со значком Святого Фиакра.

Впряженная в неё пегая лошадка клевала носом, но, когда они подъехали ближе, встрепенулась и огласила окрестности громким ржанием...

Глава 64 ЗАСАДА

Услышав голос Пегги, Лорд огорчился — ему так хотелось раньше других узнать о приближении мушкетёров и подать сигнал! Пожилой пёс вздохнул. Возраст... Слух уже не такой чуткий, как раньше!

В карете никого не было, только влажные подушки хранили отпечатки кошачьих «калачиков» да на каждой лежал ошейник, словно коты пометили места — чтобы никто не занял в их отсутствие. Лорд втянул воздух, стараясь определить, куда убежали его новые друзья, но следы ограничивались экипажем, как будто «иностранные» внезапно испарились, не коснувшись земли!

«Неужели совсем нюх потерял?» — с тревогой подумал доктор и снова глубоко вдохнул. В голове тут же выстроилась очередь из запахов, но котов-путешественников среди них не наблюдалось! От растерянности Лорд повёл себя не лучшим образом — забился под сиденье и затих.

Первым из мушкетёров высказался Арамис:

- Как-то не похоже на засаду!
- Может, отвлекающий манёвр? — вопросительно посмотрел на старшего товарища юный гасконец.
- Или отряд Рошфора сюда ещё не добрался, — предположил Портос.

Атоса беспокоило исчезновение пса, а в душе засела тревога за четырёхлапого друга.

- Не будем гадать! — сказал он и направил своего коня вперёд.

Пегая лошадка не шевелилась, покорно ожидая, когда всадники приблизятся. В карете обнаружился большой серый в разводах дог. Вместо того чтобы залаять на чужаков, как поступила бы любая собака, он лишь смущённо поглядывал на мушкетёров из-под скамьи и молчал.

- Смотрите-ка! — воскликнул Портос, заметив знакомые ошейники. Он повертел в руках кожаный ободок, где значились его имя и адрес, старательно нацарапанные Д'Артаньяном.
- Что вы обо всём этом думаете?
- То же, что и вы, дорогой Портос! Что это самое загадочное происшествие с момента появления наших ангелов-хранителей! — ответил за всех Арамис.

А Д'Артаньян со вздохом добавил:

- Моему коту никогда не нравился ошейник!

Атос задумчиво погладил смиренного пса.

— Этому трудно найти объяснение, но уверен, что судьба подаёт нам знак — всё решится здесь и сейчас, — наконец произнёс он.

Всадники въехали во двор «Старой мельницы» и тут же увидели подтверждение словам Атоса: под навесом, сильно пострадавшим от урагана, жевали овёс девять коней, среди них гнедой жеребец графа Рошфора с белой отметиной на лбу.

— Господа, мы вас заждались! — неожиданно прозвучал язвительный голос.

Пегги ничего не понимала: на её сигнал никто не отозвался; никто не выпрыгнул радостно из кареты навстречу своим друзьям-мушкетёрам, ради которых её заставили покинуть Париж; никто не отдавал приказа начать битву, а ведь она тренировалась.

— Лорд! Что происходит? Где коты? — возмущённо потребовала она ответа, как только всадники направились дальше, на «Старую мельницу».

— Сам не знаю! — уныло отозвался кардинальский дог. — Может, их кто-то похитил, пока мы спали? — вдруг осенило его.

Пегги задумалась. А что? Вполне возможно! Все так устали от долгой дороги, а потом ещё ураган... Она, например, уснула сразу и крепко, даже не ожидала, что первой подаст сигнал.

— Точно! Их похитили враги! — развол-

новалась лошадка. — Ну-ка, освободи меня от упряжи!

— Как? — опешил пёс.

— Как, как... Перегрызи! Я же не могу сражаться вместе с каретой за хвостом!

Её боевой настрой передался Лорду, и он с остервенением принял за ремни, которые соединяли Ретивую Пегги с тяжёлыми деревянными оглоблями.

Четверо друзей огляделись. Со всех сторон на них смотрели дула мушкетов, а язвительный голос принадлежал графу Рошфору. Эх, будь с ними верный пёс, разве остались бы незамеченными гвардейцы, поджидавшие всадников в укрытиях, что в изобилии предоставил двор, заваленный после бури разным хламом?!

— Вы пристрелите нас, господа? — в голосе Атоса прозвучала насмешка.

— Думаю, это всё, на что они способны! — так же иронично заметил Арамис.

А Д'Артаньян, гарцуя на коне, крикнул, обращаясь к Рошфору:

— Вы поступили бесчестно тогда, в Менге, позволив вашим солдатам оглушить меня, и ещё вы украли письмо моего отца! Вы подлец, сударь! Заявляю вам об этом при всех!

И раскипятившийся юный гасконец стянул с руки перчатку и швырнул её под ноги графу...

Глава 65

ПОЕДИНОК

Все повернулись в сторону графа Рошфора. Тот медлил с ответом, разглядывая лежащую перед ним перчатку из желтоватой замши.

— Я смотрю, предметы одежды вы подбираете в тон вашей любимой лошади, — наконец заметил он всё так же язвительно. — Старушка ещё не отбросила копыта и по-прежнему веселит окружающих?

Д'Артаньян вспыхнул — коняга, на которой он уехал из дома покорять столицу и имел несчастье показаться на глаза графу, действительно была странного оттенка и преклонного возраста, и он продал её за смехотворную сумму в три экю, предпочтя войти в Париж пешком.

— Вы опять насмехаетесь над моей лошадью! Но это лишь потому, что вас прикрывают восемь мушкетов! Без их поддержки вы бы не решились и слова молвить! — продолжал горячиться кадет, мечтая раззадорить противника настолько, чтобы он принял вызов.

— В чём дело, граф? — насмешливо поддержал юного друга Атос. — Ваш патрон сочиняет для короля эдикты о запрете честных дуэлей, но поощряет убийства из-за угла?

— Вы хотите честной дуэли? — Рошфор подцепил кончиком шпаги брошенную Д'Артаньяном перчатку. — Что ж, надеюсь, жёлтая красотка стоила того, чтобы вы отдали за неё жизнь!

С радостным воплем гасконец соскочил на землю и выхватил шпагу. Его друзья тоже спешились и расступились, освободив площадку для поединка.

— Вот почему так?! — воскликнул раздосадованный Портос. — Одним всё, другим ничего!

— Не переживайте, друг мой! На вашу долю осталось немало врагов! — успокоил богатыря Арамис, обведя рукой замерших с мушкетами гвардейцев.

Противники сбросили плащи.

— Ну держись, молокосос! — прошипел граф и первым сделал выпад.

Д'Артаньян ловко увернулся и ответил. Спустя несколько минут Рошфору стало ясно, что мастерство юного гасконца неизмеримо выросло с момента их первой встречи и бой предстоит нешуточный. Граф и его визави сняли камзолы. Схватка продолжалась.

Звенели шпаги, пот щипал глаза, а свидетели поединка завистливо кусали губы и непроизвольно повторяли движения дерущихся. В какой-то момент на белой шёлковой рубашке графа появилось алое пятно — Д'Артаньяну удалось ранить неприятеля

в плечо. Укол был неглубокий, но вид крови отрезвил Рошфора, и он незаметно подал знак гвардейцам.

Истолковав его по-своему, солдаты не воспользовались заряженным оружием, а выхватили шпаги и бросились на мушкетёров.

— Вот! Что я вам обещал?! — успел крикнуть Арамис измаявшемуся без дела Портосу.

Хозяин «Старой мельницы», его семейство и слуги в страхе прильнули к окнам, наблюдая за тем, что творится в их многострадальном дворе.

Де Жюссак не пожалел для Рошфора лучших солдат, а потому мушкетёрам противостояли отменные фехтовальщики. Скоро стало сказываться неравенство сил. Уже ранили Портоса и Арамиса, которые постарались отвлечь на себя шестерых противников и облегчить участь юного кадета и Атоса (из-за боли в плече тот сражался левой рукой), и печальный исход битвы, казалось, был предрешён...

Внезапно звон шпаг и клинов перекрыли другие звуки: воинственное ржание, злобный лай и пронзительное кошачье трио...

Брысь прочитал о ранении Портоса и Арамиса и всхлипнул. Во всяком случае, так ему почудилось. На самом деле рядом заливался слезами Рыжий и шмыгал носом Савельич.

Искатель приключений даже не заметил, когда друзья присоединились к нему, потому что всем сердцем переживал за мушкетёров и своего, увы, бывшего подопечного гасконца.

— Ну что там, в гостиной? — хмуро спросил Брысь.

— Грызун оказался Пафнутием, его Вова забрал, а Саша пытается навести порядок, пока родители не вернулись, — книжки стопочками складывает, — рассказал Рыжий в перерывах между всхлипываниями.

— Ладно, ничего не поделаешь! Они там, а мы тут! — с тяжёлым вздохом изрёк Савельич. — Давайте хоть дочитаем. Может, случилось какое-нибудь чудо, что спасло их!

Три разноцветные головы снова склонились над страницей.

Сзади послышалось пыхтение Мартина, а затем... пёс бережно поставил перед котами бутылочку из-под валерьянки, ту самую, из тёмного стекла, где на донышке ещё оставалась густая жидкость.

— Где ты её раздобыл? — поразился Брысь, боясь поверить негаданному счастью.

— В прихожей. Наверное, выкатилась из кармана Вовиной курточки, когда он её бросил. Не сомневайтесь, пузырёк тот же, хоть и с новой крышкой!

— Но здесь так мало эликсира! — разочарованно протянул Рыжий.

А мудрый Савельич добавил:

— Или одному на подольше, или всем, но на короткий миг...

Брысь оглядел друзей и... положил правую переднюю лапу на левую. Его боевые товарищи торжественно повторили заученный мушкетёрский жест.

- Один за всех!
- И все за одного!

Глава 66

ЗАКОНЫ ЧЕСТИ

Сигнал, который подала Пегги, разбудил не только Лорда, но и выставленную Рошфором охрану, а уж она подняла по тревоге остальных гвардейцев. Солдаты быстро заняли удобные позиции.

Никакого боя не предвиделось: на месте ухлопали бы из мушкетов ничего не подозревающую четвёрку — и дело с концом! Однако хитрому гасконцу удалось повернуть всё так, что хорошо организованная засада закончилась поединками на шпагах. Конечно, не совсем честными, учитывая почти двукратное превосходство солдат кардинала, но, тем не менее, вместо выстрелов двор «Старой мельницы» наполнился звоном стали и вскриками раненых.

Миледи наблюдала за сражением из-за старой шелковицы, растущей за плетёной

изгородью и устоявшей во время бури. Широкий ствол и густые, увешанные крупными чёрными ягодами ветви надёжно закрывали её от посторонних взглядов. Впрочем, дерущимся некогда было глязеть по сторонам.

В руках белокурая красавица держала заряженную пистоль и уже несколько раз поднимала её, прицеливаясь то в одного, то в другого противника графа де Ла Фер, и снова опускала, не решаясь произвести выстрел. И не только потому, что боялась попасть в мушкетёра, а из-за уверенности, что благородный Атос не одобрил бы подобного вмешательства: пусть он сражался левой рукой, пусть на него наседали сразу двое гвардейцев, но законы чести священны и он сам не выстрелил бы в неприятеля, вооружённого лишь клинком и шпагой...

Белоснежные рубашки Портоса и Арамиса уже окрасились кровью, а их мужественные лица побледнели. Атос тоже морщился от боли, но продолжал умело отражать выпады. Юный гасконец бился отчаянно, быстрый и ловкий, как молодой леопард. Но силы мушкетёров были на исходе, а потому они всё реже уворачивались от уковов острой сталью, а их ответные атаки становились всё слабее.

Конечно, и среди солдат кардинала имелись раненые, но все они держались на ногах и, разумеется, не испытывали такой усталости, как их противники, ведь нападать

вдвоём, а то и втроём на одного куда легче, чем отбиваться в одиночку.

И вот, когда победа казалась Рошфору и его гвардейцам делом почти решённым, произошло непредвиденное: во двор «Старой мельницы» со свирепым лаем ворвались две огромные собаки. В серой с «мраморными» разводами граф с изумлением признал дога своего патрона. Следом за ними, высоко взбрыкивая копытами, неслась пегая лошадка в компании трёх котов, тоже настроенных отнюдь не на мирные переговоры.

Ситуация мгновенно переменилась, и верные его высокопреосвященству солдаты тут же припомнили рассказы товарищей. Тогда они потешались над их бесславным бегством, но теперь, угодив в похожие обстоятельства, уже не считали зазорным покинуть поле битвы. В конце концов, бравых гвардейцев никто не предупреждал, что придётся воевать с разъярёнными животными!

Прикрывая руками кто лицо, а кто другую, не менее важную часть тела, без пяти минут победители бросились врассыпную. Пегги удалось осуществить мечту и лягнуть напоследок одного из убегавших, а Лорду — оторвать кусок ткани от чьих-то штанов или камзола (он впопыхах не разобрался, лязгая зубами направо и налево). Теперь пёс с гордостью демонстрировал лошадке добытый в бою лоскут, стараясь не вспоминать о том клоч-

ке чёрного шёлка, который очутился у него в пасти из-за минутной слабости. (Ну испугался урагана, разве не с каждым мог случиться подобный конфуз?)

Счастливый Брысь повис на Д'Артаньяне, обхватив юношу лапами за шею и жалея лишь о том, что гвардейцы, в силу полного незнания кошачье-собачьего языка, не расслышали их грозного предупреждения: «Мы имеем честь атаковать вас!» и, наверное, думают, что питомцы мушкетёров нарушили дуэльные законы. Впрочем, солдаты кардинала сами действовали не по правилам, так что поделом!

Портос, забыв о ранении, прижал к себе пушистого любимца, которого уже не чаял увидеть, и так расчувствовался, что пустил слезинку, но Рыжий тут же слизнул солёное выражение богатырской признательности.

Обычно сдержанный Савельич громко тарахтел Арамису в ухо, радуясь последней возможности (эликсира-то больше не осталось!) побывать с настоящим, а не книжным мушкетёром, а тот ласково гладил кота по чёрной спинке, не догадываясь о близкой разлуке. Будущий богослов не переставал удивляться превратностям судьбы и всё больше склонялся к мысли, что пришла пора сменить голубой плащ на сутану.

Мартин самозабвенно вылизывал Атоса, не давая тому раскрыть рта и поблагодарить четырёхлапого друга.

Никто не понял, откуда прозвучал выстрел... Не сразу увидели, кого он поразил... Как и того, кто выстрелил в ответ...

Глава 67

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Все взоры обратились к старой шелковице, где быстро рассеивалось облачко порохового дыма. Туда же посмотрел и Рошфор, единственный из всего отряда гвардейцев, кто остался во дворе, хотя молниеносное нападение серо-белого питомца Д'Артаньяна заставило его прекратить поединок. На лице графа отразилось изумление.

— Ми-ле-ди... — почему-то шёпотом и по слогам произнёс он, упал на колени и, не меняя удивлённого выражения, завалился на бок. В его правой руке была пистоль, но пальцы, ставшие вдруг непослушными, разжались, более не в силах удерживать оружие. Сорочка, и без того давно не белоснежная, стремительно окрашивалась в рубиново-красный цвет.

— Д'Артаньян, вы не ранены? — взволнованно вскричал Атос, поняв, что первый из двух выстрелов произвёл Рошфор.

— Нет, — растерянно пробормотал кадет, ощупывая себя, — только порезы, да и те не глубокие.

— А чья это кровь? — указал Арамис на алое пятно на груди гасконца.

Д'Артаньян скосил глаза на перепачканную рубашку.

— Никто не видел моего кота? — спохваталился он, озираясь по сторонам.

Но бесследно исчез не только его ангел-хранитель, но и хвостатые друзья мушкетёров. Только огромный, серый в разводах догда пегая лошадка сиротливо стояли неподалёку, наблюдая за происходящим.

— Может, они убежали, испугавшись выстрелов? — с надеждой проговорил Д'Артаньян. — И скоро вернутся?

— Возможно, — ответил Атос.

А Портос в сомнении покачал головой — уж слишком крепко обнимал он своего рыжего любимца, чтобы не почувствовать, как тот вырвался из его рук.

— Что вы обо всём этом думаете? — по привычке обратился он к Арамису, но тот лишь пожал плечами:

— Видимо, то же, что и вы, дорогой Портос! Опять сплошные загадки!

И, глухо застонав от боли, добавил:

— Однако нам нужно заняться нашими ранами!

Оба мушкетёра направились в дом, где жена и слуги хозяина «Старой мельницы» уже гремели тазами с горячей водой и готовили чистые тряпки для перевязки пострадавших.

Атос тоже нуждался в помощи, но вместо того чтобы присоединиться к друзьям, пристально смотрел в сторону раскидистого дерева, усыпанного пахучими чёрными ягодами. Д'Артаньян повернулся туда же — за переживаниями по поводу внезапного исчезновения четырёхлапого боевого товарища он совсем забыл про того, кто застрелил графа Рошфора.

— Леди Винтер?! — поразился юный гасконец, увидев стройную фигурку обворожительной шпионки кардинала. — Куда вы, Атос? — неуверенно молвил он в спину удаляющемуся другу, но тот не ответил, медленно приближаясь к белокурой красавице, у которой, казалось, вся кровь отхлынула от лица, настолько она побледнела...

— Нет, ты видел?! — возмущённо обратилась Ретивая Пегги к своему оставшемуся в единственном числе пассажиру. — Опять куда-то подевались! Не верится мне, что они испугались выстрелов!

— Мистика! — печально согласился Лорд.

Когда несколько минут назад коты-иностранные и пёс вдруг настигли их с Пегги у самой изгороди, некогда было выяснить, где они пропадали. Не нашлось даже секундочки на знакомство с дворнягой! А теперь этих самых секундочек хоть пруд пруди — но не с кем знакомиться и некому задавать накопившиеся вопросы!

Выждав в сторонке ещё немнога, Пегги и Лорд подошли к смуглому юноше, всем видом намекая, что неплохо бы получить хоть толику внимания за содействие общей победе.

— Добрый день! Мы друзья вашего кота! — учтиво начал Лорд, но молодой гасконец перебил:

— А, собачка! Спасибо тебе! И тебе, моя красавица! — И погладил обоих.

Лорда покорило обращение «собачка», но он списал такую вопиющую невежливость на счёт пережитых кадетом потрясений. А вот Пегги буквально расцвела от комплимента.

— Пойдёмте, я угощу вас вкусненьким! — с этими словами юноша поднялся с бочки, на которую незадолго до того опустился почти без сил, и поплёлся в дом, по пути «пристроив» Пегги к яслим с овсом, где другие кони смирились ожидали своих наездников.

У хозяина постоянного двора Д'Артаньян раздобыл сахарную кость. Какой-нибудь «собачке» она могла бы показаться чересчур большой, но только не кардинальскому догу. Лорд с достоинством принял угощение и улёгся в теньке, чтобы насладиться обедом и подумать, как теперь добираться до Парижа. Неужели пешком?!

Глава 68

О ПЛАНАХ НА БУДУЩЕЕ

— Где Атос? — спросили мушкетёры у своего молодого друга, как только на их раны были наложены целебные мази и тугое повязки.

— Беседует с леди Винтер! — сообщил Д'Артаньян.

В голосе юного гасконца звучала печаль. Надежда, что кот испугался выстрелов и вернётся (вместе с остальными), слабела с каждым мгновением, а мысль, что питомец тяжело ранен, наоборот, крепла — кому, как не серо-белому ангелу-хранителю принадлежала кровь на его рубашке?!

— Мне это не нравится! — пробурчал Портос.

— Что именно? — уточнил Д'Артаньян. Из-за мрачных предчувствий он утратил нить разговора.

— Что наш товарищ находится в такой близости от той, кто, по его собственным словам, коварна и опасна! — горячо продолжил Портос.

Арамис постарался успокоить богатыря:

— Не забывайте, дорогой друг, что Атоса и леди Винтер связывает какая-то давняя тайна и что прекрасная дама уже дважды повела себя не так, как ожидалось!

— Не люблю тайн! От них все беды в этом мире! — сердился мушкетёр.

Арамис, который, в отличие от старинного приятеля, обожал всё таинственное, не согласился:

— Но, любезный Портос, без загадок наша жизнь была бы скучна и однообразна!

Однако его слова не убедили силача. Стукнув тяжёлым кулаком по столу, так что направлявшийся в их сторону слуга решил повременить с подачей закусок, Портос заявил:

— По мне, нет ничего лучше хорошей честной драки!

— Угомонитесь, милый друг! Если вы будете принимать всё так близко к сердцу, мы останемся голодными, — поспешил вставить Арамис.

Д'Артаньян не мог пока думать ни о чём другом, кроме исчезновения любимых животных. Тем более — о еде.

— Что-то мне подсказывает, что мы больше не увидим наших ангелов-хранителей, — притяжно вздохнул он.

Арамис попытался найти разумное объяснение случившемуся:

— Возможно, они выполнили свою миссию. Посудите сами: алмазные подвески вернулись к королеве в целости и сохранности, ваша Констанция жива, несмотря на происки кардинала, как и мы, а в особенности, вы.

Ведь выстрел Рошфора, несомненно, предназначался вам, а не коту!

— Кстати, о Рошфоре! — опомнился Портос. — Как вы думаете, чем для нас обернётся гибель доверенного лица Его Высокопреосвященства? Никто не поверит, что графа ухлопали не мы!

— Ничем! — вдруг прозвучал голос Атоса. В пылу обсуждения навалившихся проблем мушкетёры и Д'Артаньян не заметили, когда старший товарищ присоединился к их компании.

— Как это — ничем? — недоверчиво спросил Портос.

Не отвечая, Атос положил перед ними бумагу с личной печатью и подписью Ришелье. Д'Артаньян прочитал вслух: «Всё, что сделано предъявителем сего, сделано по моему приказу и на благо Франции!»

— Откуда это у вас? — изумился гасконец, а Портос и Арамис выжидавшие уставились на друга.

— От леди Винтер, — устало молвил Атос, усаживаясь за стол, и, помолчав, добавил:

— Друзья! Хочу вам кое-что сказать... Я намерен оставить службу!

— Что?! — не поверил своим ушам юный кадет, по твёрдому убеждению которого, на свете не было ничего более привлекательного, чем голубой плащ и бесконечные стычки с гвардейцами или, лучше бы, с настоящими врагами Франции.

Масла в огонь подлил Арамис, заявив, что с недавних пор подумывает о том, чтобы продолжить изучение богословия и стать аббатом.

Портос и Д'Артаньян потрясённо молчали. Предвидя такую реакцию, Атос слабо улыбнулся:

— Не волнуйтесь, друзья! Уверен, что де Тревиль не подпишет нашу отставку в преддверии войны с англичанами, так что нам предстоит пережить вместе ещё немало трудностей!

— Уф! — облегчённо выдохнул молодой гасконец, а Портос от избытка чувств согнул пополам железную ложку, но этого ему показалось недостаточно, и богатырь проделал то же самое с чугунной кочергой. Хозяин «Старой мельницы» только покачал головой, мечтая, чтобы беспокойные «постояльцы» поскорее покинули его гостеприимную гостиницу. А ведь где-то поблизости ещё бродили побеждённые гвардейцы...

— Так и вижу завтрак вчетвером на крыше какого-нибудь бастиона! — мечтательно произнёс Портос.

— Ещё бы! Вы, кроме еды, вообще мало что видите! — шутливо поддел друга Арамис.

— Просто вы не дали мне договорить! На крыше бастиона, например, в Ла-Рошели, в окружении десятков... нет — сотен врагов!

— Чтобы победить сотни, нам не помешала бы помочь наших хвостатых ангелов-хранителей, — опять загрустил юный кадет.

Глава 69

AU REVOIR, ДРУЗЬЯ!

Савельич захлопнул книжку.

— Я устал! — безапелляционно заявил он. — Сам дочитаешь, когда выздоровеешь!

Брысь, забинтованный так, что напоминал мумию из фильма ужасов, принялся упрашивать непреклонного приятеля:

— Когда это ещё будет! Раньше я умру от любопытства! («Или от тоски», — грустно добавил он про себя.) Кроме тебя, читать некому! Вот научил бы грамоте Рыжего или, на худой конец, Мартина, и развлекали бы раненого по очереди!

— Тогда бы у тебя исчез стимул к выздоровлению! — не поддавался на уговоры философ.

— Ладно! — вздохнул искатель приключений. — Расскажите тогда, как мы переместились обратно!

— В сто первый раз! — проворчал Савельич, а глаза Рыжего вспыхнули, так что в детской, где на Сашиной кровати, среди подушек возлежал главный герой недавнего сражения, стало как будто светлей.

— Можно я, можно я расскажу? — подхватил он и, не дожидаясь согласия, с удовольствием начал: — Значит, так! Грохнул вы-

стрел, и у меня заложило уши. А последнее, что я увидел — как на рубашке Д'Артаньяна появилось красное пятно. И я подумал, что твоего гасконца убили! А потом ещё удивился, что тебя нет, а ведь секунду назад висел у него на шее! И вдруг мы опять в этой комнате, а ты истекаешь кровью! Смотри, как ковёр перепачкал! Сашина мама чем только его не тёрла! (Брысь скосил глаза, но обзор загораживала белоснежная подушка. Впрочем, как и в прошлый, и в позапрошлый раз, когда рассказ доходил до этого места.) Мартин помчался за помощью. Хорошо, что мама Лина пришла с работы!

— Да, и хорошо, что она не грохнулась в обморок, когда увидела, что творится в гостиной после наших разборок с Пафнутием, а потом и тебя в луже крови! — ехидно вставил Савельич. — И ещё хорошо, что из пистоли начала семнадцатого века трудно было стрелять метко, особенно с того расстояния, на котором находился граф Рошфор. Так что тебя лишь задело, а то бы всё — конец приключениям!

В тоне философа слышалась насмешка, хотя на самом деле он очень испугался, когда увидел друга, ставшего из серо-белого ярко-красным. Боялся, что во второй раз даже крепкий организм Брыся не выдержит такой передряги. Поэтому ворчал он, чтобы скрыть волнение, и не только за любителя

острых ощущений, но и за тех, кто остался там...

— Смотрите-ка! — воскликнул Портос, когда мушкетёры и Д'Артаньян покинули подворье «Старой мельницы» и опять выехали на дорогу.

На прежнем месте, перегораживая путь, стояла карета со значком Святого Фиакра, а подле неё — пегая лошадка и серый в разводах дог. Животные с грустью разглядывали оглобли с остатками упряжи.

— Кажется, теперь наша очередь помочь!

Хозяина постоянного двора чуть не хватил удар, когда он увидел возвращающихся вояк. Поэтому на радостях, что речь идёт всего лишь о новой упряжи и нескольких сахарных костях, отдал всё бесплатно.

Вскоре странный экипаж — без возницы и с огромным псом в качестве пассажира — двинулся в южном направлении.

— Друзья! Здесь мы расстанемся! — сказал вдруг Атос. — Вы вернётесь в Париж, а мне нужно навестить кое-кого в Лилле.

— Вы уверены, что вам не понадобятся наши шпаги? — развелся юный кадет.

— Уверен! Хотя тот человек и палач по профессии... Простите, не могу рассказать больше, это личное...

Атос поднял руку в прощальном приветствии, однако друзья не подняли свои в ответ.

Вместо этого Д'Артаньян приложил два пальца правой руки, указательный и средний, к запястью левой, а Портос и Арамис последовали его примеру...

— Один за всех! И все за одного! — прошептал Брысь, дослушав окончание главы (Савельич всё-таки смилиостивился и почитал ещё немного). — Au revoir*, друзья! — сонно пробормотал искатель приключений (мама Лина сделала раненому очередной обезболивающий укол, а от него ужасно хотелось спать).

Но и во сне храброму коту мерещились голубые плащи (ах, как шла Д'Артаньяну мушкетёрская форма!) и слышался звон шпаг, а потому он то втягивал, то выпускал когти, похожие на изящные рыболовные крючки. Видимо, насаживал на каждый по гвардейцу...

ЭПИЛОГ

— И

дите все сюда! «Трёх мушкетёров» показывают! — закричал Саша, увидев на экране любимую заставку.

В гостиную тут же примчались Мартин и коты, даже Брысь — с него недавно сняли повязку. Никто из взрослых так и не смог

* *Au revoir!* (фр.) — Прощайте!

объяснить мальчику, что случилось с его любимым питомцем. Наверное, сами не понимали!

Воодушевление, с каким хвостатые принялись смотреть фильм, постепенно сменилось недоумением: ладно бы подвески королевы попали не в те руки, то есть, конечно, в те, кому предназначались, Бекингему, но кардиналу удалось осуществить коварный замысел и с помощью Миледи украсть два бриллианта, из-за чего проблемы прицепились к мушкетёрам словно блохи к немытой шерсти! Дальше — хуже: леди Винтер осталась злодейкой и отравила Констанцию!

Не выдержав печали Д'Артаньяна, который высоким хрипловатым голосом пел жалобное: «И вот среди друзей я как в пустыне...», Брысь кинулся в детскую, а за ним и остальные...

— Нужно показать им, что всё совершенно не так! — волновался искатель приключений.

Мартин схватил многострадальную книгу, всю в пятнах эликсира перемещений и крови Брыся, и сунул Саше в руки.

Мальчик удивился:

— Но... я уже читал роман! Всё так и было, как в кино!

Однако питомцы принялись горячо протестовать: ёс высоко подпрыгивал, сотрясая мебель, а коты «надулись» возмущёнными шарами...

Вечером Саша вручил книгу папе. Спустя пару часов Николай Павлович перелистнул последнюю страницу и какое-то время сидел неподвижно, никак не комментируя прочитанное, но потом всё-таки пробормотал, запинаясь:

— Не-вероятно! Не-мыслимо!

На следующий день Саша взял «Трёх мушкетёров» в школьной библиотеке, чтобы проверить кое-какую догадку. Она полностью подтвердилась: сюжет романа изменился только в их «домашней» книжке! Значит...

— Вовка, ты гений!

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Имеется в виду фильм «Три мушкетёра», снятый в 1978 году на Одесской киностудии режиссёром Георгием Юнгвальд-Хилькевичем по сценарию Марка Розовского. В роли Д'Артаньяна – народный артист РСФСР Михаил Боярский, он же исполнитель упомянутой песни (стихи Ю. Ряшенцева, музыка М. Дунаевского).

ПОСТСКРИПТУМ

Уже несколько ночей Луна не видела пришельцев из реального мира, зато в кардинальском саду по мраморным плиткам дрожек теперь частенько прогуливался пожилой dog. Иногда его сопровождала рыжая с белыми отметинами кошка и пятеро котят. Когда

пёс останавливался, чтобы задрать морду и полюбоваться звёздами, а также самой Луной — главным небесным украшением, малыши тут же принимались теребить его тонкий хвост, а один, белый, ловко взбирался по собачьей лапе и спине на голову и укладывался спать между большими остроугольными ушами.

Луна по привычке заглядывала в окна кабинета, чтобы удостовериться, что кардинал, он же главный министр, не спит. Ей нравилось наблюдать, как высокий человек в красной сутане вышагивает по комнате, что-то бормоча себе под нос, или нажимает потайной рычаг в ящике письменного стола и долго смотрит на портрет молодой женщины с упрямо выдвинутой нижней губкой (она даже знала, что это портрет королевы!), или сосредоточенно разглядывает географические карты, в последнее время отдавая предпочтение плану города Ла-Рошель...

Ришелье злился: судьба кастелянши её величества осталась неизвестной, как и судьба лучшей шпионки, зато он хорошо знал о печальной участи, что постигла другое его доверенное лицо, Рошфора. Но досаднее всего была невозможность наказать виновных в гибели графа, эту четвёрку — троих мушкетёров и кадета-гасконца, что беспокоила кардинала, словно больной зуб! Четыре больных зуба! Даже восемь! Ведь гвардейцы не сразу, но сознались, что бежали не столько от шпаг,

сколько от когтей и зубов! Да ещё де Тревиль не скрывал насмешки, когда в ответ на обвинения в адрес своих солдат предъявил Ришелье бумагу, которую тот когда-то самолично написал для Миледи. Неслыханная дерзость! Однако у него будет шанс поквитаться – осада протестантской твердыни, что он готовит, потребует много жертв!

Хозяин отсутствовал уже неделю, и нерадивый слуга мог бы расслабиться и побездельничать в своё удовольствие, но Базен считал себя хорошим помощником мушкетёру. И пусть на этот раз Арамис не взял его с собой, это не означало, что не следует мыть полы и вытираять пыль. Одетый, как всегда, в чёрное, Базен бродил с тряпкой по небольшой квартире, выискивая беспорядок. На резном бюро, где хозяин обычно писал письма возлюбленным, слуга обнаружил странный листок. Точнее, странным был не сам листок, а то, что на нём изображено... Как будто кот случайно испачкался в чернилах и пытался тремя взмахами вытереть лапу, так что получилось похоже на букву N. Базен вздохнул – его любимец, с которым они уютно утыкались носами в богословские тома, исчез на следующий же день после отъезда мушкетёра и до сих пор не вернулся... Скомкав листок, слуга бросил его в печку. Ещё ему не удалось найти вторую перчатку из чёрной кожи, хотя Базен

обыскал и квартиру, и садик. Не догадался только посмотреть за каменной оградой, густо увитой плющом и диким виноградом...

Пегую лошадку из каретного сарая, что располагался напротив гостиницы «Святой Фиакр», повадился навещать огромный серый в разводах дог. Поначалу его «визиты» пугали конюхов и возниц, но потом к добродушному псу привыкли, хотя ещё долго удивлялись необычной дружбе...

В городе Лилль, что на севере Франции, случился переполох, когда обнаружилось, что очередного преступника некому казнить: бесследно исчез палач, занимавший эту должность многие годы. Правда, его место долго не пустовало, так что вскоре о пропавшем и думать забыли...

В порту Булони на корабль, идущий в далёкую Новую Францию, вскоре после описанных событий села очаровательная белокурая пассажирка. Испросив разрешения капитана, она оставалась на палубе, пока скалистый берег, а с ним и фигура провожавшего даму статного кавалера окончательно не растворились в дымке. Солёные морские брызги смешивались со слезинками на нежных щеках молодой женщины, а грусть в прекрасных голубых глазах – с надеждой...

На улицу Могильщиков, по адресу, где располагалась галантерейная лавка, курьер доставил однажды почтовый конверт из Гаскони, на имя Д'Артаньяна. Господин Буанасье долго вертел его в руках, определяя вес и пытаясь рассмотреть содержимое на свет, и даже хотел вскрыть, изнывая от любопытства, но потом вспомнил насмешливое: «Так и убиться недолго, любезный господин Буанасье!» – и передал почту Планше. Слуга Д'Артаньяна не отличался любопытством, он вообще был ленив, и конверт благополучно попал к тому, кому и предназначался. Наверное, в послании говорилось нечто приятное, поскольку смуглое лицо юного гасконца зарделось от счастья и он чмокнул листок, а потом ещё и прижал к сердцу, после чего поспешил в «Сосновую Шишку», где его ждали друзья. И даже сумрачный Атос наконец улыбался (бумаги из ларца, порванные на мелкие клочки, уже сгорели в камине).

Для полного счастья мушкетёрам и Д'Артаньяну не хватало только их питомцев, верных боевых товарищей...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Судьба звонит в дверь	7
Глава 2. Изобретателями рождаются	10
Глава 3. Эликсир	14
Глава 4. Переместились!.....	19
Глава 5. Догадка Савельича	22
Глава 6. Мнения разделились	26
Глава 7. Схватка с гвардейцами кардинала	33
Глава 8. По домам!	39
Глава 9. Первые впечатления.....	46
Глава 10. Ночная экскурсия	51
Глава 11. Друзья помогают неизвестным	55
Глава 12. Таинственное письмо	59
Глава 13. История одного похищения	64
Глава 14. Арест господина Буанасье.....	68
Глава 15. Госпожа Буанасье.....	72
Глава 16. Поручения	76
Глава 17. У Ришелье.....	80
Глава 18. О кардинале и кошках	85
Глава 19. Рыжий и Савельич выполняют задание	91
Глава 20. Брысь узнаёт много нового.....	95
Глава 21. В «Сосновой шишка»	99
Глава 22. Тайна Ришелье	105
Глава 23. Друзья разгадывают тайны	108
Глава 24. Друзья собираются сделать два добрых дела	112
Глава 25. Передача драгоценностей	117
Глава 26. Брысь узнаёт важную тайну	123
Глава 27. Брысь ломает голову над загадкой	127
Глава 28. Брысь и Мартин отправляются на поиски	130
Глава 29. Савельич сообщает страшную новость	134
Глава 30. Похищение	138
Глава 31. В плenу у кардинала	142
Глава 32. Рыжий знакомится с Лордом	146
Глава 33. Савельич проводит урок истории	150
Глава 34. Рыжий молчит, а Брысь слушает.....	154

Глава 35. О Бастилии и её узниках.....	159
Глава 36. Нежданная гостья	163
Глава 37. Д'Артаньян излишне доверчив.....	168
Глава 38. Мушкетеры и Д'Артаньян бросаются в погоню ...	172
Глава 39. Экскурсия по кардинальским владениям	176
Глава 40. Брысь узнаёт, что хотел.....	180
Глава 41. Король веселится, а кардинал гневается	184
Глава 42. Констанция и Мартин уезжают	188
Глава 43. Миледи	193
Глава 44. В которой Миледи всё ещё медлит.....	198
Глава 45. «Савельич, ты гений»	202
Глава 46. Брысь даёт разъяснения	206
Глава 47. О галлах, перчатках и грехах	210
Глава 48. Кардинал расстроился	214
Глава 49. Друзья осуществляют безумный план	219
Глава 50. В «Золотом петухе»	225
Глава 51. Мартин провинился, а Лорд подкрепился	229
Глава 52. Брысь «выкладывает карты на стол».....	233
Глава 53. О женских характерах	237
Глава 54. Разное и вид сверху	241
Глава 55. Мы обязательно встретимся!	244
Глава 56. О прежних ошибках и будущих схватках.....	250
Глава 57. Гроза всё ближе.....	254
Глава 58. Затишье перед бурей.....	258
Глава 59. Буря.....	263
Глава 60. Луна недовольна	268
Глава 61. Все устраиваются на ночлег	273
Глава 62. Брысь очень сердится.....	278
Глава 63. Пегги подаёт знак.....	283
Глава 64. Засада.....	286
Глава 65. Поединок	290
Глава 66. Законы чести	294
Глава 67. Вопросы без ответов.....	299
Глава 68. О планах на будущее	303
Глава 69. Au revoir, друзья!	307
Эпилог.....	310
Постскриптуm	312

По вопросам приобретения книг издательства «Аквилегия-М»

обращайтесь по телефонам:

(495) 617-39-60, 589-80-15

akvil@mail.ru

Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства

www.akvil.net

Ольга Малышкина

БРЫСЬ, ИЛИ ОДИН ЗА ВСЕХ, И ВСЕ ЗА ОДНОГО

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно федеральному закону
№ 436-ФЗ: 6+

Редактор М. Семёнова

Художник О. Кагальникова

Дизайн обложки Т. Кудрявцевой

Верстальщик М. Носов

Корректор М. Семёнова

Подписано в печать 13.06.16

Гарнитура «SchoolBookC». Формат 84x108/32

Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. №

Общероссийский классификатор продукции

ОК 005 93. том 2, 953000 книги, брошюры

Изготовлено в России.

ООО Издательство «Аквилегия-М»

109377, Москва, ул. Академика Скрябина, 5, корп 2

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97